

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

**№2
2023**

ISSN 2079-8482

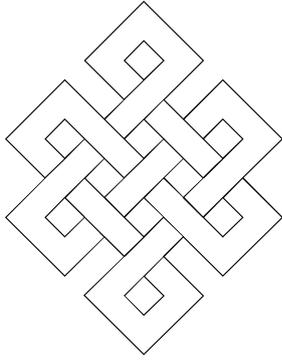
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2023

№ 2

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2023

№ 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии
 Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
 университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО

Абылкаликов С. И., Баймурзина Г. Р., Баталов Р. О. (Россия) Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года6

Попова С. М., Яник А. А., Кашепов А. В. (Россия) Особенности функционирования и правового регулирования рынка труда Республики Тыва в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации17

Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Давлетишина Л. А. (Россия) Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) 34

Сабгайда Т. П., Руднев С. Г., Зубко А. В., Евдокушина Г. Н. (Россия) Предотвратимая смертность в Республике Тува и влияние на неё пандемии COVID-19 50

Чернышев К. А., Митягина Е. В., Чернышева Н. В., Петров Е. Ю. (Россия) Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи 70

Багирова А. П., Шубат О. М. (Россия) Родительский труд в Республике Тыва в контексте региональной кластерной структуры демографического пространства России (1990–2019) 84

Волкова О. А., Осадчая Г. И. (Россия) Некоммерческие организации Тувы как субъекты реализации демографической политики 99

Валиахметов Р. М., Туракаев М. С., Абылкаликов С. И. (Россия) Этнический фактор развития человеческого потенциала Калмыкии и Тувы: сравнительный анализ 111

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Ахмадуллин В. А. (Россия) Деятельность Совета по делам религиозных культов в Туве (1944–1962) 125

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Четырова Л. Б., Сахаров А. С. (Россия) Травелогии в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) 141

ФИЛОЛОГИЯ

Nyamsuren T., Dagzmaa B., Dulam S. (Mongolia) Defining the structure of the epic Khan Kharangui 153

Бускунбаева Л. А., Рахматуллина З. Я., Ягафарова Г. Н. (Россия) Особенности функционирования дискурсива ну в башкирской монологической речи 166

C O N T E N T S

ETHNICITY AND SOCIETY

Abylkalikov S. I., Baimurzina G. R., Batalov R. O. (Russia) Migration of the population in Tuva according to the All-Russian Census of 20206

Popova S. M., Yanik A. A., Kashepov A. V. (Russia) Features of functioning and legal regulation of the labor market in the Republic of Tuva under conditions of the COVID-19 pandemic and digital transformation17

Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A., Davletshina L. A. (Russia) Features of birth rate in the Republic of Tuva (1991–2021) 34

Sabgaida T. P., Rudnev S. G., Zubko A. V., Evdokushkina G. N. (Russia) Preventable mortality in the Republic of Tuva and the impact of the COVID-19 pandemic on it 50

Chernyshev K. A., Mityagina E. V., Chernysheva N. V., Petrov E. Yu. (Russia) Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth 70

Bagirova A. P., Shubat O. M. (Russia) Parental labor in the Republic of Tuva in the context of the regional cluster structure of Russia’s demographic space (1990–2019) 84

Volkova O. A., Osadchaya G. I. (Russia) Non-profit organizations of Tuva as subjects of demographic policy implementation 99

Valiakhmetov R. M., Turakayev M. S., Abylkalikov S. I. (Russia) Ethnic factor of human development in the republics of Kalmykia and Tuva: comparative analysis 111

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Akhmadullin V. A. (Russia) The activities of the Council for Religious Cults Affairs in Tuva (1944–1962).... 125

ORIENTAL STUDIES

Chetyrova L. B., Sakharov A. S. (Russia) Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich) 141

PHILOLOGY

Nyamsuren T., Dagzmaa B., Dulam S. (Mongolia) Defining the structure of the epic Khan Kharangui 153

Buskunbaeva L. A., Rahmatullina Z. Ya., Yagafarova G. N. (Russia) Features of the functioning of discursive marker nu in Bashkir monologue speech 166

Специальная тема
«Демографические проблемы
Республики Тува»

Ответственные редакторы:
доктор социологических наук
Тамара Керимовна Ростовская
(Институт демографических исследований
ФНИСЦ РАН, Россия),
доктор социологических наук
Абульфаз Сулейманлы Давуд оглу
(Ускюдарский университет, Турция)

Special issue
“Demographic problems
of the Republic of Tuva”

Edited by
Tamara K. Rostovskaya
Doctor of Sociology,
Institute for Demographic Research
of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the RAS, Russian Federation,
Abulfaz Suleymanli Davud oglu
Doctor of Sociology,
Üsküdar Üniversitesi, Turkey

DOI: 10.25178/nit.2023.2.1

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО

Статья

Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года

Салават И. Абылкаликов

Уфимский университет науки и технологий; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Российская Федерация,

Гузель Р. Баймурзина

Уфимский университет науки и технологий; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Роман О. Баталов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация

В статье анализируются миграционные процессы в Республике Тыва на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 года (ВПН–2020), проведенной осенью 2021 г. Рассмотрены основные характеристики миграционных контингентов: место рождения и особенности пожизненной миграции населения, продолжительность проживания и приживаемость в месте вселения, наличие регистрации по месту жительства и месту пребывания, характеристика лиц, временно находящихся на территории страны, а также проблемы качества статистики ВПН–2020 на уровне региона.

Результаты исследования показали, что в межпереписной период в Республике Тыва сократилось количество уроженцев других регионов России, а число приезжих из других стран, включая Киргизию, Казахстан и Китай, выросло. Большинство населения имеет постоянную регистрацию по месту жительства, но доля людей без постоянной регистрации в городах Тувы значительно выше, чем в сельской местности, особенно среди молодежи. Более половины жителей Тувы, указавших продолжительность проживания, не имели опыта долговременной миграции, особенно в сельском населении. Доля новосёлов в городской местности выше, чем в сельской, что является следствием продолжающейся урбанизации региона.

Исследование выявило, что несмотря на недостатки, перепись населения 2020 г. позволяет получить информацию о миграции населения под другим углом, нежели традиционно используемые данные текущего учета, и собрать уникальные данные о малочисленных группах населения, включая тех, кто обладает миграционным опытом.

Ключевые слова: миграция; пожизненная миграция; продолжительность проживания; всероссийская перепись населения; Тува

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ».

Для цитирования:

Абылкаликов С. И., Баймурзина Г. Р., Баталов Р. О. Миграция населения в Туве по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

Абылкаликов Салават Иргалиевич — кандидат социологических наук, ведущий специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований факультета философии и социологии Уфимского университета науки и технологий; старший преподаватель кафедры демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; 109028, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., д. 3. Эл. адреса: sabylkalikov@hse.ru; sabylkalikov@yandex.ru

Баймурзина Гузель Римовна — кандидат экономических наук, главный специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований факультета философии и социологии Уфимского университета науки и технологий; заведующая лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН; Адрес: 450008, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 34; 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. Эл. адрес: guzrim@mail.ru

Баталов Роман Олегович — аспирант кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119606, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84. Эл. адрес: rbatalov1996@gmail.com

ETHNICITY AND SOCIETY

Article

Migration of the population in Tuva according to the All-Russian Census of 2020**Salavat I. Abylkalikov**

Ufa University of Science and Technology; HSE University, Russian Federation,

Guzel R. Baimurzina

Ufa University of Science and Technology; Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russian Federation,

Roman O. Batalov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation

The article analyzes migration processes in the Republic of Tuva using the data of the All-Russian Population Census of 2020 (the Russian Census of 2020) that was conducted in the fall of 2021. The authors consider the main characteristics of migration cohorts, such as place of birth and features of lifelong migration of the population, duration of residence and acclimation of people to places they move in, issues of registration in places of residence and stay, characteristics of persons temporarily staying in the country, as well as problems of the quality of statistics related to the Russian Census of 2020 at the regional level.

The results of the study have shown that in the inter-census period the number of natives of other regions of Russia decreased in the Republic of Tuva, and the number of visitors from other countries, including Kyrgyzstan, Kazakhstan and China, increased. The majority of the population have permanent registration at their place of residence, but the proportion of people without permanent registration is significantly higher in Tuvan towns than in rural areas, especially among young people. More than half of the residents of Tuva who indicated the duration of their residence had no experience of long-term migration, especially among rural population. The proportion of new settlers in urban areas is higher than in rural territories. This is a consequence of the ongoing urbanization of the region.

The study has revealed that despite the shortcomings, the 2020 population census has allowed to obtain information about migration from a different angle, rather than the traditionally used data from the continuous survey, and to collect unique data on small population groups, including those with migration experience.

Keywords: migration; lifetime migration; duration of residence; local natives; all-Russian population census; Tuva

Financing

The article was written as part of the Mirror Laboratories project at HSE University.

For citation:

Abylkalikov S. I., Baimurzina G. R. and Batalov R. O. Migratsiia naseleniia v Tuvе po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 goda [Migration of the population in Tuva according to the All-Russian Census of 2020]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 6-16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.1>

ABYLKALIKOV, Salavat Irgalievich, Candidate of Sociology, Leading Expert, Research Laboratory of Social and Demographic Studies, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology; Senior Lecturer, Department of Demography, HSE University. Postal address: 32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation; 3, Bolshoy Trekhsvyatitskiy Lane, 109028 Moscow, Russian Federation. E-mail addresses: sabylkalikov@hse.ru, sabylkalikov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3405-3867

BAIMURZINA, Guzel Rimovna, Candidate of Economics, Chief Expert, Research Laboratory of Social and Demographic Studies, Ufa University of Science and Technology; Head, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life, Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 3/4, Karl Marx St., 450008 Ufa, Russian Federation; Bldg. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., 117218 Moscow, Russian Federation. E-mail: guzrim@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1844-2689

BATALOV, Roman Olegovich, Postgraduate student, Department for Organizational Design of Management Systems, Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Postal address: 84, Prospekt Vernadskogo, 119606 Moscow, Russian Federation. E-mail: rbatalov1996@gmail.com

ORCID ID: 0009-0000-4140-4691

Введение

Несмотря на масштаб и важность Всероссийской переписи населения 2020 г. (далее — ВПН–2020) как статистического и общегражданского мероприятия, её проведение было связано с серьезными недостатками. Изначально планировалось провести перепись в 2020 г., но из-за пандемии COVID-19 перепись была перенесена на осень 2021 г., что привело к задержкам в обработке и публикации результатов переписи¹. Тем не менее, перепись все равно была проведена в разгар пандемии. Это привело как к недоверию определенной группы респондентов, которые не пускали переписчиков в свои жилые помещения, так и к серьезным искажениям в оценках миграционных процессов из-за действовавших на тот момент ограничительных мероприятий (закрытие границ для иностранных граждан, ограничения на пересечение границ между регионами в России, включая обязательный карантин и тестирование на коронавирусную инфекцию), которые менялись в зависимости от эпидемиологической ситуации как по всей стране, так и в конкретных регионах. Для ВПН–2020 были характерны недостаточная информационная кампания и другие организационные проблемы. Так, онлайн-форма для заполнения переписных форм работала с техническими перебоями, содержала ошибки, не позволяла пропускать некоторые ответы, на которые респондент не хотел бы отвечать, и в целом отличалась высокой сложностью для неподготовленного человека.

Имеются свидетельства, что по крайней мере на отдельных территориях перепись проходила без обращения переписчиков к населению (предположительно, с фальсификациями)², что заметно ухудшило качество собиравшейся статистики. Подобное наблюдалось и на прошлых переписях, но, вероятно, в меньших масштабах³. Результаты опроса, проведенного Левада-центром с 25 ноября по 1 декабря 2021 г. по репрезентативной всероссийской выборке, свидетельствуют о том, что около 42% россиян не переписались самостоятельно или не были переписаны по словам членов их домохозяйств, что является значительным ухудшением по сравнению с прошлыми постсоветскими переписями, когда таких людей было всего 6–7%⁴.

В полной мере ответы на миграционные вопросы переписи населения значительно различаются по регионам России. Например, на главный миграционный вопрос переписи населения — о месте рождения, не ответили 20,8% россиян (или 27,7 млн человек), тогда как, например, в Туве таких было совсем немного, всего 6,0% населения (18,6 тыс. человек). В Северо-Западном, Центральном и Уральском федеральных округах информация о месте рождения неизвестна почти по каждому четвертому жителю, в Сибирском и Дальневосточном — по каждому пятому, в Южном — по каждому седьмому, в Приволжском федеральном округе — по каждому десятому. По критерию информации о месте рождения наиболее полно перепись проведена на Северном Кавказе (всего 7,9% пропусков), хотя по предыдущим переписям регионы данного федерального округа, наоборот, отличались в худшую сторону.

Среди регионов, где в последней переписи населения информация о месте рождения указана наиболее полно, присутствуют регионы Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Чечня, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Ставропольский край), национальные субъекты Дальнего Востока и Сибири (Тува, Чукотка, Бурятия и Республика Алтай), а также регионы Приволжского федерального округа (Башкортостан и Татарстан). Вероятно, в сравнении с другими регионами России, перепись населения в этих регионах проводилась либо более качественно, либо заполнение переписных листов из административных источников происходило более тщательно. Тем не менее, неполнота информации о месте рождения в других регионах сильно затрудняет анализ исходящей пожизненной миграции даже из этих «образцовых» регионов (Мкртчян, 2011; Андреев, 2012; Пьянкова, 2014; Абылкаликов, 2021).

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 19.02.2023).

² Демограф Салават Абылкаликов: когда в уклонении от переписи участвуют ее организаторы — это кошмар [Электронный ресурс] // PoiskNews.ru. 2021, 11 ноября. URL: <https://poisknews.ru/demografiya/demograf-kogda-v-uklonenii-ot-perepisi/> (дата обращения: 19.02.2023).

³ Прохорова А., Абылкаликов С. Десять дней из жизни переписчика [Электронный ресурс] // Demoscope Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0445/student01.php> (дата обращения: 19.02.2023).

⁴ Участие россиян в переписи [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 2021, 21 декабря. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/> (дата обращения: 19.02.2023).

Целью данной статьи является анализ миграционных процессов в Республике Тыва на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г. Помимо данных последней переписи, в исследовании будут использована статистика переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г. Переписи населения являются основным источником отечественной статистики о численности и структуре населения, его территориального распределения и основных социально-демографических характеристик, включая этнический состав и владение языками, брачно-семейную структуру, образовательный уровень, источники доходов, структуру по месту рождения и продолжительности проживания и т. д. Перепись населения должна охватывать всех без исключения жителей страны. Микропереписи населения представляют собой выборочные обследования, которые проводятся в середине межпереписного интервала и позволяют за счет более расширенной программы получать дополнительную социально-демографическую информацию. Последняя на данный момент микроперепись населения 2015 года проводилась по выборке в 1,5% населения страны.

В работе будут рассмотрены основные характеристики миграционных контингентов, такие как: место рождения и особенности пожизненной миграции населения Тувы, продолжительность проживания и приживаемость в месте вселения, наличие регистрации по месту жительства, а также характеристика лиц, постоянно проживающих в зарубежных странах и временно находящихся на территории Тувы.

Пожизненная миграция населения

В программу ВПН–2020, как и в трех предыдущих переписях, включен вопрос о месте рождения, который позволяет определить, какая часть населения регионов родилась в других местах (включая субъекты России, республики бывшего СССР и страны дальнего зарубежья), а также какая часть уроженцев проживает на других территориях России (Абылкаликов, 2016). Пожизненной миграцией является та, которая выявлена на основе переписи населения по критерию несовпадения места рождения и места жительства. Считается, что данная миграция совершена в течение жизни, до момента проведения переписи.

В *таблице 1* приведены основные показатели пожизненной миграции Тувы по данным двух последних отечественных переписей населения.

Таблица 1. Пожизненная миграция в Туву, по данным ВПН–2010 и ВПН–2020, чел.¹

Table 1. Lifetime migration in Tuva, according to the Russian Censuses of 2010 and 2020, number of people

Показатели	ВПН–2010	ВПН–2020
Численность населения Тувы	307 930	336 651
Число приехавших из других регионов РФ	15 642	7 277
Число приехавших из зарубежных стран	3131	1500
Численность не указавших место рождения	2149	18600
Численность всех уроженцев Тувы, проживающих в РФ, включая Туву	340 481	353 315
Число уроженцев Тувы, уехавших в другие регионы РФ	53 473	44 041

В республике, несмотря на значительный прирост численности населения по сравнению с предыдущей переписью (на 9,3% или 28,7 тыс. чел), число приехавших уроженцев других регионов России, а также из зарубежных стран сократилось вдвое, в то время как число не указавших место своего рождения выросло почти в 8,5 раз (или на 16,5 тыс. человек). Вероятно, часть уроженцев других регионов России и зарубежных стран могут быть среди тех, чье место рождения не указано (Рязанцев, Ростовская, Давлетшина, 2022: 155).

По данным последней переписи, за пределами Тувы в России зафиксировано 44,0 тыс. её уроженцев, что составляет 12,5% от всего числа родившихся в республике. Следует отметить, что в других регионах России аномально велика доля людей, не указавших место рождения, среди которых могут быть и выходцы из Тувы, что снижает оценку численности уехавших.

¹ Составлено авторами по данным всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

Таблица 2. Приехавшие в Туву уроженцы других регионов РФ и уехавшие в соответствующие регионы уроженцы Тувы, по данным ВПН–2020¹, чел.
 Table 2. Natives of other regions of the Russian Federation who moved to Tuva and natives of Tuva who left for the corresponding regions, according to the Russian Census of 2020, number of people

Регионы	Приехавшие	Уехавшие
Красноярский край	1878	12953
Республика Хакасия	663	8598
Новосибирская область	325	2832
Москва и Московская область	207	2413
Иркутская область	421	1605
Кемеровская область	379	1571
Республика Бурятия	235	1284
Томская область	224	1215
Санкт-Петербург и Ленинградская область	125	1214
Алтайский край	277	771
Остальные регионы РФ	2245	7755

Согласно данным всероссийской переписи населения 2020 г., в Туве проживали уроженцы различных регионов России. Наибольшее количество приезжих из Красноярского края — 1,9 тыс. человек, что значительно превышает число приехавших из других регионов. На втором месте по численности находятся приезжие из Хакасии — 663 человека. Также немалое количество приезжих из Кемеровской, Иркутской, Новосибирской областей, Алтайского края и Бурятии. Приезжие из Москвы и Московской области составили 207 человек, а из Санкт-Петербурга и Ленинградской области — 125 человек. Кроме того, в Туве проживало 2,2 тыс. уроженцев других регионов РФ (табл. 2).

Наибольшее количество уехавших из Тувы переехало в Красноярский край — почти 13 тыс. человек, а на втором месте по численности уехавших находится Хакасия — около 8,6 тыс. человек. Следовательно, на оба этих региона приходится чуть более половины от всех уроженцев Тувы, проживающих за пределами родного региона. Кроме того, относительно высоко число зафиксированных уроженцев республики в Новосибирской области, в Москве и Подмосковье, а также в Иркутской области (табл. 2). Таким образом, наиболее «популярными» направлениями переезда для тувинцев остаются не только соседние сибирские регионы, но и Москва, Санкт-Петербург и их области (Ламажаа, 2014; Анайбан, 2020).

Наибольшее количество приезжих из зарубежных стран, зафиксированных ВПН–2020, составляют выходцы из Киргизии — 285 чел., что составляет почти пятую часть от общего числа уроженцев других стран. На втором месте по численности — приезжие из Казахстана (236 чел.), далее следуют приезжие из Китая (216 чел.), из Украины (155 чел.), Грузии (151 чел.), Узбекистана (129 чел.), Армении (76 чел.), Таджикистана (72 чел.), Азербайджана (48 чел.) и Беларуси (42 чел.). По сравнению с ВПН-2010, зафиксированное число уроженцев всех перечисленных стран сократилось более чем в 2 раза, за исключением выходцев из Китая, которых во время проведения ВПН–2020 переписано в 5 раз больше.

Кроме того, в Туве проживали представители и других стран мира — 85 человек. Всего переписью зафиксировано 1,5 тыс. уроженцев зарубежных стран, 302 уроженца России без указания региона рождения, а также 18,6 тыс. человек, чья страна рождения не указана вовсе.

Согласно данным ВПН–2020 о месте рождения, была определена численность приезжих из других регионов и стран, проживающих в Туве, а также уроженцев Тувы, проживающих в других регионах России. Наиболее тесные связи в пожизненной миграции у республики наблюдаются с Красноярским краем и Хакасией, но среди наиболее популярных направлений для переезда уроженцев Тувы остаются не только соседние сибирские регионы, но и Москва, Санкт-Петербург и их области. Выходцы

¹ Составлено авторами по данным всероссийской переписи населения 2020 г.

из Киргизии являются наиболее многочисленными уроженцами других стран, проживающими в Туве. Резко возросшее по сравнению с предыдущей переписью число тех, кто не указал место рождения, позволяет предположить о серьезном недоучете уроженцев других регионов и стран последней переписью населения.

Миграционная активность и приживаемость

Согласно многим исследованиям (Зайончковская, 1972; Переведенцев, 1975; Dustmann, Weiss, 2007), люди, имеющие миграционный опыт, переезжают чаще, чем те, кто никогда этого не делал. Мигрантов можно разделить на две основные группы: недавно переселившиеся новосёлы и старожилы, которые живут в месте вселения достаточно долго. Старожилы живут достаточно долго и уже мало отличаются от коренных жителей по своей миграционной активности. Также можно выделить переходную группу от новосёлов к старожилам. Обычно в научной литературе используются следующие критерии длительности проживания для выявления новосёлов — менее 2 лет, а для старожилов — более 10 лет непрерывного проживания в месте вселения (Abylkalikov, 2016).

Из 313,5 тыс. жителей Тувы, указавших продолжительность проживания (94,1% от населения республики), более половины, а именно 68,4%, проживало в своем населенном пункте непрерывно с рождения. То есть они, согласно ВПН–2020, не имели опыта долговременной (постоянной) миграции. Наиболее высока доля не имеющих опыта миграции у сельского населения — 76%, особенно у женщин-селянок — 77%.

Если в целом по республике доля новосёлов, проживающих в месте вселения менее 2 лет, составляет 6,4%, то среди городского населения она уже 8,9% (8,8% у мужчин и 9,0% у женщин), тогда как в сельской местности этот показатель всего лишь 4,3%. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о выраженной дифференциации миграционной активности как по полу, так и в разрезе «город — село», что характерно для населения, которое еще не завершило урбанизацию и демографическую модернизацию (Dyson, 2011; Вишневский, 2014; Самба, 2020; Харунова, Харунов, 2021).

Среди всех имеющих опыт миграции новосёлы во всем населении республики составляют 13,9%, а старожилы, то есть проживающие непрерывно в месте своего жительства более 10 лет, более половины — 53,4%. Остальные составляют переходную группу от новосёлов к старожилам. Отметим, что каких-либо существенных отличий по категории населенного пункта или по полу обнаружить не удалось.

Заметно выражены различия по возрасту: новосёлов много в возрастных группах до 15 лет, а также в возрасте от 15 до 24 лет (около трети), и в возрасте от 25 до 29 лет (около пятой части) от общего числа людей, имеющих опыт миграции. Тогда как начиная с возрастной группы 40–49 лет, начинают преобладать старожилы. Это неудивительно, учитывая, что наиболее активные миграционные возраста приходятся на интервал от 18 до 30 лет, а затем интенсивность миграции сильно снижается (Rogers, Watkins, Woodward, 1990; Abylkalikov, Sazin, 2019; Karachurina, Mkrtychyan, 2020).

Один из новых вопросов, предусмотренных переписью населения, касался наличия опыта проживания более одного года за пределами России. Согласно общероссийским данным, 5,5% респондентов, ответивших на этот вопрос, указали конкретные страны, в которых они проживали, а остальные не имели опыта жизни за пределами страны. В ряде регионов этот показатель значительно выше и превышает 10% (например, в Чечне, Калужской и Калининградской областях, в Чукотском автономном округе). В то же время Тува имеет самый низкий показатель в стране — всего 0,5% или 547 человек (для сравнения, в Бурятии этот показатель составил 1,7%, а в Забайкальском крае — 2%).

Среди жителей Тувы, проживавших за пределами России более одного года, наибольшее количество приходится на Киргизию (98 чел.), Казахстан (65 чел.), Украину (47 чел.), Узбекистан (41 чел.), Грузию (38 чел.), Германию (37 чел.), Монголию (36 чел.), Армению (30 чел.) и Таджикистан (29 чел.). На остальные страны мира суммарно приходится 126 чел. Конечно, данные оценки крайне малы и могут быть подвержены сильным искажениям, в т. ч. потому что эти данные только по тем респондентам, кого застала перепись в стране — не учтены те, которые уехали в другие страны и не были охвачены переписью. Тем не менее, на их основе можно предположить, с какими странами имеются определенные миграционные связи, включая те, которые трудно выявить с помощью других вопросов переписей населения и обследований.

Люди с миграционным опытом переезжают чаще, чем те, кто никогда этого не делал. Но чем дольше человек живет в месте своего вселения, тем ниже вероятность нового переселения. Население Тувы в

этом плане довольно устойчиво — более половины населения проживает в своем населенном пункте непрерывно с рождения. При этом доля не имеющих опыта миграции среди сельского населения выше, чем у городского, а в городской местности выше доля новоселов в населении. Кроме того, ВПН–2020 зафиксировала довольно небольшое число жителей республики, имеющих опыт проживания в зарубежных странах.

Наличие постоянной регистрации

В микропереписи 2015 г. (далее — МПН–2015) и в пробной переписи 2018 г. (далее — ППН–2018) задавался вопрос о наличии регистрации в помещении проживания. По-видимому, несмотря на определенные опасения, результаты эксперимента удовлетворили отечественных статистиков и данный вопрос был включен и в программу ВПН–2020. Этот вопрос оказался важным для Тувы и особенно для ее столицы, т. к. по результатам МПН–2015 установлено, что 24,4% жителей Кызыла не имели регистрацию как в помещении своего проживания, так и в самом городе. Это наиболее высокий показатель для всей страны.

Отметим, что особенно остро этот вопрос стоит у молодежи — в возрастной группе 20–24 года не имело постоянной 42% жителей Кызыла. В силу того, что текущий учет миграции основан именно на юридической регистрации (т. е. получении регистрации по месту жительства или месту пребывания на срок от 9 месяцев и более), то почти каждый четвертый житель Кызыла имеет повышенную вероятность быть исключенным из оценки постоянного населения в межпереписной интервал. Это вызывает сильные расхождения в оценке постоянного населения в реальности и «на бумаге». Сложность получения постоянной регистрации в городах, особенно у молодежи, связана с тем, что большая часть из них проживает либо в общежитиях учебных заведений, где выдается только временная регистрация, либо в съёмном жилье, в которых арендодатели редко оформляют регистрацию даже по месту пребывания (Гончиков и др., 2019; Гайфуллин, 2022; Абылкаликов, Баймурзина, 2022).

В переписи 2020 г. 94,4% населения республики ответило на вопрос о наличии постоянной регистрации, из них 88,5% ее имели по месту жительства, а 11,5% — нет. Однако из этих 11,5% чуть больше половины (6,3%), вероятно, учитывались статистикой текущего учета миграции, т. к. у них была регистрация в других жилых помещениях того же населенного пункта. 5,2% населения Тувы жили без регистрации в населенном пункте проживания, а еще 0,6% — вообще без постоянной регистрации в Туве.

Среди жителей городов, как мужчин, так и женщин, доля людей без постоянной регистрации в населенном пункте значительно выше — более 7%. В возрастной группе 19–29 лет каждый десятый городской житель Тувы не имеет постоянной регистрации. Кроме того, 0,7% горожан не имеют постоянной регистрации в самой Республике Тыва. В сельской местности доля людей без постоянной регистрации достаточно незначительна и не превышает 3%, а в возрастной группе 25–39 лет достигает 4–5%.

В Туве проблема отсутствия постоянной регистрации в помещении проживания особенно актуальна для молодежи, где каждый десятый городской житель 19–29 лет не имеет постоянной регистрации. Это вызывает затруднения в доступе к получению государственных услуг одной из наиболее уязвимых групп населения, а также серьезные расхождения в оценке постоянного населения в реальности и по текущим оценкам в межпереписные периоды. В сельской местности Тувы, напротив, доля людей без постоянной регистрации довольно небольшая.

Временно находящиеся в России

Уже традиционно в постсоветских переписях учитывается население, временно находившееся на территории РФ. Их учитывают при помощи переписных форм В1 и В2, по сути, представляющих собой разные страницы одного листа, где на каждую из форм можно внести информацию о 4-х лицах, временно находящихся в стране¹. Вопросник в формах В1 и В2 является укороченным, содержащим

¹ Переписной лист В1 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/UbT4k7fk/%D0%B21.jpeg> (дата обращения: 19.02.2023).

лишь самые основные сведения — пол, год рождения, страна проживания и рождения, гражданство, цель приезда, продолжительность проживания.

Переписью 2020 года учтено 102 постоянных жителя зарубежных стран, временно находящихся в Республике Тыва РФ. Из них 94 указали целью приезда работу, 4 — учебу, а еще по 2 — частную поездку и другую цель. 30 чел. постоянно проживают в странах СНГ (преимущественно в Узбекистане — 16 чел., и Киргизии — 12 чел.), а 72 — в странах дальнего зарубежья (71 — КНР, 1 — Турция). Из 102 опрошенных 95 человек находились в возрасте 15–59 лет, что, действительно, соответствует трудоспособным возрастам, тогда как детей до 15 лет было учтено шесть, а пожилых (тех, кто старше 60 лет) — всего один человек.

Всего последней переписью населения было учтено 349 тыс. чел., временно находившихся на территории Российской Федерации, из них почти 14 тыс. чел. пришлось на Сибирский федеральный округ. По большей части эти люди приезжали на работу и учебу из стран СНГ и КНР, и также преимущественно были в трудоспособных возрастах. Половина всех временно находящихся в Сибири пришла всего на 2 региона — Алтайский край (4 тыс. чел.) и Иркутскую область (3 тыс. чел.). В соседних с Тувой Республике Алтай было зафиксировано 210 чел., а в Хакасии 417 чел. — жителей зарубежных стран.

Некоторые регионы России являются менее привлекательными для жителей зарубежных стран, которые хотят работать или учиться в России. Вероятно, это в определенной степени связано с тем, что в разных национальных субъектах жители могут ценить этническую принадлежность в целом, а также с точки зрения получения образования, карьерных перспектив, возможности открыть свое дело и т.д. в разной степени (Валиахметов и др., 2021: 218). Например, среди четырех регионов России, где временно проживающих иностранных граждан было еще меньше, чем в Туве, все являются национальными административно-территориальными образованиями: Кабардино-Балкария (83 чел.), Ингушетия (74 чел.), Калмыкия (54 чел.) и Ненецкий автономный округ (4 чел.).

Заключение

Всероссийская перепись населения 2020 г. столкнулась с серьезными проблемами, связанными с пандемией COVID-19, а также тенденцией ухудшения качества постсоветских переписей. По крайней мере, на отдельных территориях страны перепись проходила, предположительно, с фальсификациями и нарушениями. Республика Тыва находится среди тех регионов страны, в которых вопросники переписи населения отличаются большей заполненностью, включая вопросы о месте рождения, что может свидетельствовать об удовлетворительном качестве собранной статистики.

По данным ВПН-2020, количество уроженцев других регионов России и зарубежных стран, прибывших в Туву, сократилось вдвое, в то время как число тех, чье место рождения неизвестно, значительно выросло. Вероятно, среди последних есть определенное число уроженцев других регионов и зарубежных стран. Наиболее тесные связи в пожизненной миграции Тувы установлены с Красноярским краем и Республикой Хакасией. Кроме соседних регионов Сибири, довольно высоко число людей, уехавших в Москву, Санкт-Петербург и их области. Наибольшее количество приезжих из зарубежных стран прибыло из Киргизии, Казахстана и Китая.

Более половины жителей Тувы, указавших продолжительность проживания, не имели опыта долговременной миграции, особенно в сельском населении. Доля новоселов в городской местности выше, чем в сельской, что является следствием продолжающейся урбанизации региона. Новоселов больше среди молодежи, а старожилов — среди людей старше 40 лет. Большинство населения Тувы имело постоянную регистрацию по месту жительства. Доля людей без постоянной регистрации в населенных пунктах городов Тувы значительно выше, чем в сельской местности, особенно среди молодежи. По большей части из-за того, что в первое время после приезда на учебу или работу в город, им сложнее обзавестись собственным жильем.

Перепись 2020 г. в Туве учла 102 временно находящихся в России человека, большинство из которых находились в трудоспособном возрасте и указали целью приезда работу, причем большинство из них прибыли из КНР, Узбекистана и Киргизии. В то же время Тува имеет самый низкий показатель наличия опыта проживания более одного года за пределами России в стране — всего 0,5% от ответивших на данный вопрос.

Несмотря на существенные недостатки, перепись населения 2020 г. позволяет получить информацию о миграции населения под другим углом, нежели данные текущего учета — о миграционных контингентах. Также всеобщность переписи способствует сбору уникальных данных о малочисленных группах населения, включая тех, кто обладает миграционным опытом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Абылкаликов, С. И. (2016) Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // Социологические исследования. № 4. С. 42–49.
- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49–4 (49). С. 62–66.
- Андреев, Е. М. (2012) О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. № 11. С. 21–35.
- Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>
- Вишневский, А. Г. (2014) Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. Т. 1(1). С. 6–33. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>
- Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Гончиков, Ц. Д., Мандыт, М. К., Гомбоев, Б. О., Урбанова, Ч. Б., Хальбаева, С. Р. (2019) Миграция населения как фактор формирования и размещения населения региона (на примере Республики Тыва) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. Т. 13. № 1. С. 56–65.
- Зайончковская, Ж. А. (1972) Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М. : Статистика. 164 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 152–165.
- Мкртчян, Н. В. (2011) Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 28–41.
- Переведенцев, В. И. (1975) Методы изучения миграции населения. М. : Наука. 231 с.
- Пьянкова, А. И. (2014) Методические проблемы сопоставимости данных переписей населения 2002 и 2010 годов (на примере Московской области) // Региональные исследования. № 1 (43). С. 109–121.
- Рязанцев, С. В., Ростовская, Т. К., Давлетшина, Л. А. (2022) Актуальные проблемы демографии и подготовки демографов в Туве // Новые исследования Тувы. № 4. С. 146–168. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12>
- Самба, А. Д. (2020) Основные изменения в социально-трудовом пространстве Республики Тыва // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1 (151). С. 47–50. DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>
- Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2021) Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. № 3. С. 137–147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>
- Abylkalikov, S. I. (2016) Migration Activity and Adaptation of Russian Regional Populations // Regional Research of Russia. Vol. 6. № 4. P. 357–365. DOI: <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>
- Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses // Baltic Region. Vol. 11. №. 2. P. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>
- Dustmann, C., Weiss, Y. (2007) Return migration: theory and empirical evidence from the UK // British Journal of Industrial Relations. Vol. 45. № 2. P. 236–256.
- Dyson, T. (2011) The role of the demographic transition in the process of urbanization // Population and Development Review. Vol. 37. № s1. P. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00377.x>

Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V. (2020) Age-specific Migration in Regional Centres and Peripheral Areas of Russia // *Comparative Population Studies*. Vol. 44. P. 413–446. DOI: <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Rogers, A., Watkins, J. F., Woodward, J. A. (1990) Interregional elderly migration and population redistribution in four industrialized countries: A comparative analysis // *Research on Aging*. Vol. 12. No. 3. P. 251–293. DOI: <https://doi.org/10.1177/0164027590123001>

Дата поступления: 28.02.2023 г.

Дата принятия: 08.04.2023 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Abylkalikov, S. I. (2016) Urozhenstvy stran byvshego SSSR v strukture naseleniia sovremennoi Rossii [Natives of the former Soviet Union countries in contemporary Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 42–49. (In Russ.).

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Anaiban, Z. V. (2020) Sovremennaia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, no. 49–4 (49), pp. 62–66. (In Russ.).

Andreev, E. M. (2012) O tochnosti rezul'tatov rossiiskikh perepisei naseleniia i stepeni doveriia k raznym istochnikam informatsii [On the accuracy of the results of the Russian population censuses and the degree of trust in various sources of information]. *Voprosy statistiki*, no. 11, pp. 21–35. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsialnye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Vishnevskii, A. G. (2014) Demograficheskaiia revoliutsiia meniaet reproduktivnuiu strategiiu vida Homo sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens]. *Demographic Review*, vol. 1, no. 1, pp. 6–33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825>

Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethnodemographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Gonchikov, Ts. D., Mandyt, M. K., Gomboev, B. O., Urbanova, Ch. B. and Khal'baeva, S. R. (2019) Migratsiia naseleniia kak faktor formirovaniia i razmeshcheniia naseleniia regiona (na primere Respubliki Tyva) [Human migration as a formation factor and location of the population in the region (on the basis of the Republic of Tuva)]. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Estestvennye i tochnye nauki*, vol. 13, no. 1, pp. 56–65. (In Russ.).

Zayonchkovskaya, Zh. A. (1972) *Novosely v gorodakh (metody izucheniia prizhivaemosti)* [Newly arrived city dwellers (Methods of studying acclimation)]. Moscow, Statistika. 164 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: Way of living, values and ideals]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).

Mkrtchyan, N. V. (2011) Dinamika naseleniia regionov Rossii i rol' migratsii: kriticheskaiia otsenka na osnove perepisei 2002 i 2010 gg. [Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii geograficheskaiia*, no. 5, pp. 28–41. (In Russ.).

Perevedentsev, V. I. (1975) *Metody izucheniia migratsii naseleniia* [Methods of research into population migration]. Moscow, Nauka. 231 p. (In Russ.).

Pyankova, A. I. (2014) Metodicheskie problemy sopostavimosti dannykh perepisei naseleniia 2002 i 2010 godov (na primere Moskovskoi oblasti) [Methodological problems of comparability of census data for 2002 and 2010 (the case of Moscow region)]. *Regional'nye issledovaniia*, no. 1 (43), pp. 109–121. (In Russ.).

Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K. and Davletshina, L. A. (2022) Aktual'nye problemy demografii i podgotovki demografov v Tuve [Current issues of demography and training of demographers in Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 146–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.12>

Samba, A. D. (2020) Osnovnye izmeneniia v sotsial'no-trudovom prostranstve Respubliki Tyva [Major changes in the socio-labor space of the Republic of Tyva]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 1 (151), pp. 47–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2021) Osobennosti formirovaniia gorodskogo rasseleniia v Tuve v sovetskii period [Features of urban settlement in Tuva in the Soviet period]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 137–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>

Abylkalikov, S. I. (2016) Migration activity and adaptation of Russian regional populations. *Regional Research of Russia*, vol. 6, no. 4, pp. 357–365. DOI: <http://doi.org/10.1134/S207997051604002X>

Abylkalikov, S. I. and Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses. *Baltic Region*, vol. 11, no. 2, pp. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Dustmann, C. and Weiss, Y. (2007) Return migration: Theory and empirical evidence from the UK. *British Journal of Industrial Relations*, vol. 45, no. 2, pp. 236–256. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8543.2007.00613.x>

Dyson, T. (2011) The role of the demographic transition in the process of urbanization. *Population and Development Review*, vol. 37, no. s1, pp. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00377.x>

Karachurina, L. B. and Mkrtchyan, N. V. (2020) Age-specific migration in regional centres and peripheral areas of Russia. *Comparative Population Studies*, vol. 44, pp. 413–446. DOI: <http://doi.org/10.12765/CPoS-2020-12en>

Rogers, A., Watkins, J. F. and Woodward, J. A. (1990) Interregional elderly migration and population redistribution in four industrialized countries: A comparative analysis. *Research on Aging*, vol. 12, no. 3, pp. 251–293. DOI: <https://doi.org/10.1177/0164027590123001>

Submission date: 28.02.2023.

Acceptance date: 08.04.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.2.2

Статья

Особенности функционирования и правового регулирования рынка труда Республики Тыва в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации

Светлана М. Попова, Андрей А. Яник, Алексей В. Кашепов

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация

В статье представлен анализ влияния внешних шоков (пандемия и цифровизация) на состояние рынка труда Республики Тыва и перспективы повышения его адаптивности к вызовам меняющейся экономики.

Республика характеризуется сложной структурой экономики и разбалансированным рынком труда. Наряду с общей нехваткой рабочих мест и недостатком возможностей занятости для перспективной молодежи, сохраняется неудовлетворенный спрос на работников нужных для экономики Тувы специальностей и квалификаций. Проблема заключается в неотзывчивости рынка труда Тувы на попытки переломить негативные тренды, что затрудняет переход экономики республики к инновационной модели развития.

Проанализированы новые явления на рынке труда Тувы, связанные с пандемией и процессами цифровой трансформации. Рассмотрены возможности совершенствования мер регулирующего воздействия, нацеленных на преодоление дисбалансов республиканского рынка труда, в первую очередь, структурного дефицита трудовых ресурсов. Влияние пандемии оценивается как амбивалентное: наряду с экономическими трудностями и социальными потерями, внешний шок стал одним из стимулов для ускорения цифровой трансформации различных сфер жизни и деятельности, включая систему образования, трудовой занятости и экономики в целом. Сделана попытка оценить влияние новых факторов 2022 года (введение международных санкций и частичной мобилизации) на рынок труда Тувы и его регулирование.

Ключевые слова: Республика Тыва; рынок труда; трудовые ресурсы; трудовая занятость; безработица; трудовая миграция; цифровая трансформация; пандемия COVID-19

Для цитирования:

Попова С. М., Яник А. А., Кашепов А. В. Особенности функционирования и правового регулирования рынка труда Республики Тыва в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 17-33. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2>

Попова Светлана Михайловна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела правового обеспечения социально-демографических процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. Эл. адрес: popova-svetlana@idrras.ru

Яник Андрей Александрович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела правового обеспечения социально-демографических процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. Эл. адрес: yunik-andrey@idrras.ru

Кашепов Алексей Владимирович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1. Эл. адрес: avkash@list.ru

Features of functioning and legal regulation of the labor market in the Republic of Tuva under conditions of the COVID-19 pandemic and digital transformation

Svetlana M. Popova, Andrey A. Yanik, Alexey V. Kashepov

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Russian Federation

The article presents an analysis of the impact of extraneous shocks (the pandemic and digitalization) on the conditions of the labor market in the Republic of Tuva and prospects for increasing its adaptability to the challenges of a changing economy.

The Republic has a complex economic structure and an unbalanced labor market. Along with the general underemployment and lack of employment opportunities for promising young people, there is a backlog demand for specialists who have the qualifications necessary for the Tuvan economy. The problem lies in the unresponsiveness of the Tuvan labor market to attempts to reverse negative trends. This complicates the transition of the Republic's economy to an innovative development model.

We have analyzed new phenomena in the Tuvan labor market that are related to the pandemic and digital transformation processes. The authors have considered opportunities for improving regulatory measures aimed at coping with the imbalances of the republican labor market, primarily the structural lack of labor resources. The impact of the pandemic is defined as ambivalent: amid economic difficulties and social losses, the external shock has become one of the incentives to accelerate the digital transformation in various spheres of life and activity, including the systems of education, employment and the economy as a whole. An attempt is made to assess the impact of new factors that emerged in 2022 (the introduction of international sanctions and partial mobilization) on the Tuvan labor market and its regulation.

Keywords: Republic of Tuva; labor market; labor resources; employment; unemployment; labor migration; digital transformation; COVID-19 pandemic

For citation:

Popova S. M., Yanik A. A. and Kashepov A. V. Osobennosti funktsionirovaniia i pravovogo regulirovaniia rynka truda Respubliki Tyva v usloviakh pandemii COVID-19 i tsifrovoi transformatsii [Features of functioning and legal regulation of the labor market in the Republic of Tuva under conditions of the COVID-19 pandemic and digital transformation]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 17-33 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.2>

POPOVA, Svetlana Mikhailovna, Candidate of Political Sciences, Leading Research Fellow, Department for the Legal Support of Socio-demographic Processes, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Office 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: popova-svetlana@idrras.ru

ORCID ID: 0000-0002-1348-4492

YANIK, Andrey Aleksandrovich, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Department for the Legal Support of Socio-demographic Processes, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Office 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: yanik-andrey@idrras.ru

ORCID ID: 0000-0002-1599-6280

KASHEPOV, Alexey Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Department for Reproduction of Labor Resources and Employment, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Office 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: avkash@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-1348-0093

Введение

Республика Тыва является своеобразным субъектом Российской Федерации (РФ) со сложной структурой экономики (от современных промышленных производств до традиционной сельскохозяйственной и промысловой деятельности) и разбалансированным рынком труда.

Состояние тувинского рынка труда, факторы, определяющие его дисбалансы, особенности трудового поведения тувинцев, влияние рынка труда на перспективы развития республики особенно активно исследуются в последнее десятилетие. Анализируя различные особенности рынка труда Тувы, А. Ч. Кылыгдай (Кылыгдай, 2012, 2020, 2022 и др.¹), Т. М. Ойдуп (Кылыгдай, Ойдуп, 2015; Ойдуп, Кылыгдай, 2015), А. С.-О. Монгуш (Монгуш А., 2021), С. П. Монгуш (Монгуш С., 2018) и другие авторы отмечают затяжной характер существующих трудностей и прямую зависимость между спецификой рынка труда, стагнацией в экономике и проблемами в социальной сфере. Негативные тенденции на рынке труда понимаются как препятствие для инновационного развития Тувы (Балакина, Бегзи, 2016; Севек и др., 2016).

Неотзывчивость тувинского рынка труда на попытки регулирующих органов преодолеть существующие дисбалансы стимулирует интерес к анализу влияния новых факторов (цифровая трансформация и воздействие пандемии COVID-19) с целью ответа на вопрос — появились ли новые возможности для того, чтобы регулирующие органы смогли переломить существующие негативные тренды (вывести рынок труда республики из «колеи развития»), повысить его гибкость.

Целью статьи является исследование особенностей функционирования и правового регулирования рынка труда Тувы в условиях пандемии COVID-19 и цифровой трансформации в 2018–2022 гг.

Рынок труда рассматривается как «система общественных отношений, социальных норм и институтов, обеспечивающих на основе соблюдения общепринятых прав и свобод человека формирование, обмен по цене, определяемой соотношением спроса и предложения, и использование рабочей силы» (Кашепов, Сулакшин, Малчинов, 2008: 18).

Концептуальное видение проблематики основывается на теоретических подходах институционализма, включая представления об «эффекте колеи» (*Path Dependence*) и «институциональных ловушках» развития (David, 1985; Полтерович, 2004; Аузан, 2015, 2017). Гибкость рынка труда понимается как его способность относительно быстро подстраиваться к меняющимся условиям общественного производства за счет эффективного перелива рабочей силы (Абузарова, 2018).

В работе используются методы качественного и количественного анализа, в том числе статистические, методы сопоставлений, сравнительно-правовые подходы, методы анализа текстов.

В качестве источников статистической информации использованы данные аналитических, отчетных и прогнозных материалов Федеральной службы государственной статистики (Росстат)² и Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Краснояркстат)³; правительства Республики Тыва⁴, министерства труда и социальной политики Республики Тыва⁵; официальных материалов федеральных министерств и ведомств (в частности, министерства экономического развития Российской Федерации⁶), базы данных

¹ Также: Кылыгдай А. Ч. Исторические и этнические особенности формирования рынка труда Республики Тыва // Проблемы современной экономики: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 146–148.

² Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Главная страница [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

³ Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Официальный портал Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <http://tyva.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной политики Республики Тыва. URL: <https://mintrudtuva.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ Министерство экономического развития Российской Федерации. Главная страница [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://economy.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

нормативных правовых актов Республики Тыва¹ и Российской Федерации², материалы тувинских СМИ³, а также актуальные публикации по вопросам экономического, демографического развития, рынка труда и занятости Тувы.

Характеристики рынка труда Тувы

Рынок труда Тувы характеризуется рядом особенностей.

На фоне устойчивого естественного прироста населения доля занятых остается невысокой (например, уровень занятости населения в трудоспособном возрасте в сентябре–ноябре 2022 г. в Туве составил 54,6% против 60,0% в среднем по России⁴ (для сравнения, в 2020 г. — 56,3% против 58,4%⁵), а безработица, несмотря на тренд к сокращению, стабильно превышает средние значения по стране и СФО (таблица 1).

Таблица 1. Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше в Российской Федерации, Сибирском федеральном округе и Республике Тыва в 2018–2022 гг., в %⁶

Table 1. The unemployment rate of the population aged 15 years and older in the Russian Federation, the Siberian Federal District and the Republic of Tuva in 2018–2022, as a percentage

	2018	2019	2020	2021	2022 ⁷
Российская Федерация	4,8	4,6	5,8	4,8	3,8
Сибирский федеральный округ	6,4	5,9	7,3	5,8	4,0
Республика Тыва	14,8	12,3	18,0	15,0	10,2

В Туве устойчиво сохраняется общая нехватка рабочих мест. По данным Красноярскстата, в конце октября 2022 г. на одну заявленную вакансию приходилось около 7 безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения⁸.

Недостаток крупных городов, низкий уровень социально-экономического развития республики и имеющихся городских агломераций являются выталкивающими миграционными факторами

¹ Официальный портал Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <http://tyva.ru/> (дата обращения: 01.11.2022); Сайт правовой информации Республики Тыва. Главная страница [Электронный ресурс] // Сайт правовой информации Республики Тыва. URL: <http://pravo.tyva.ru/> (дата обращения: 01.11.2022); акты Республики Тыва на официальном интернет-портале правовой информации: Республика Тыва. Список опубликованных правовых актов [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region17> (дата обращения: 01.11.2022).

² Официальный интернет-портал правовой информации. Главная страница [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2022).

³ В частности: ИА «ТуваМедиаГрупп». Главная страница [Электронный ресурс] // TMGNews. URL: <https://tmgnews.ru/> (дата обращения: 01.11.2022); ИА «Тува-Онлайн». Главная страница [Электронный ресурс] // ИА «Тува-Онлайн». URL: <https://www.tuvaonline.ru/> (дата обращения: 01.11.2022); Тувинская правда. Главная страница [Электронный ресурс] // Тувинская правда. URL: <https://www.tuvapravda.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Социально-экономическое положение России. Январь — ноябрь 2022 г. С. 298–299. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2022.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

⁵ Статистический ежегодник Республики Тыва 2020: статистический сборник / Красноярскстат. Красноярск, 2021. С. 60; Российский статистический ежегодник. 2022: статистический сборник / Росстат. М., 2022. С. 118.

⁶ Росстат. Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 05.10.2022).

⁷ В среднем в сентябре–ноябре 2022 г. См.: Социально-экономическое положение России. Январь — ноябрь 2022 г. С. 298–299.

⁸ Социально-экономическое положение Республики Тыва в январе-октябре 2022 года. Доклад № 1.37.2. Красноярск: Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат), 2022. С. 89.

(Ахметова, 2022: 59–60). За счет положительного естественного прироста населения отрицательное миграционное сальдо формально не является критичным для региональной экономики (Бадмаева, Натсак, 2021: 190, 192), хотя, согласно данным Росстата, миграционная убыль населения за январь – октябрь 2022 г. выросла почти в полтора раза по сравнению с 2021 г.¹ (таблица 2).

Таблица 2. Миграционная прибыль / убыль населения, 2021–2022 гг., чел.²

Table 2. Migration profit / loss of population, 2021–2022, people

Регион	2021	2022, январь – октябрь
Российская Федерация	+ 320 394	–20 557
Сибирский федеральный округ	+6 260	–27 075
Республика Тыва	–854	–1 256

Одной из характеристик рынка труда Тувы является высокий уровень безработицы среди молодёжи. В 2021 г. граждане в возрасте от 15 до 34 лет составляли 28% населения Тувы (из них 59,5% проживали в сельской местности). При этом уровень занятости среди лиц в возрасте 15–19 лет составлял 2,1%, 20–24 года – 28,6%, 25–29 лет – 57,8%, 30–34 года – 67,7%³.

Низкий показатель занятости самых молодых возрастов частично связан с тем, что эти юноши и девушки продолжают свое образование, а значительная часть выпускников школ и учреждений среднего профессионального образования подлежат призыву на военную службу. Так, в 2020 г. на военную службу ушли 32% выпускников школ⁴. В осеннем призыве 2022 г. из 624 призывников, направленных для прохождения воинской службы, 31 человек имел высшее образование, 327 – среднее профессиональное образование, 60 – среднее (полное) образование и 206 – основное общее образование⁵. Очевидно, что призыв на воинскую службу означает для юношей перерыв в начале трудовой карьеры, что может осложнить последующее трудоустройство.

Недостаток возможностей занятости для перспективной молодежи ведёт к её миграционному оттоку. Только 16% учащихся выпускных (9 и 11) классов планируют строить свою трудовую карьеру на родине, а почти 70% намерены работать за её пределами (Ойдуп, Трошкина, 2022: 206). Увеличение невозвратной студенческой миграции неизбежно ведет к росту дисбалансов на рынке труда вследствие дефицита квалифицированных специалистов (Бадмаева, Натсак, 2021: 189).

Указанный дефицит особенно характерен для секторов, от которых напрямую зависят перспективы перехода экономики Тувы к инновационной модели развития.

¹ Необходимо отметить, что утвержденные в декабре 2022 г. прогнозные документы Правительства Республики Тыва демонстрируют противоположный тренд: миграционная убыль снижается на фоне восстановления экономики после пандемии, составив в 2021 г. 1358 чел., а в 2022 г. – 600 чел. Источник: Постановление Правительства Республики Тыва от 31 октября 2022 г. № 708 «О Прогнозе социально-экономического развития Республики Тыва на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/upload/budget/2023/30.%20Постановление%20о%20прогнозе%20СЭР.pdf> (дата обращения: 01.11.2022).

² Социально-экономическое положение России. Январь – ноябрь 2022 г. С. 312–313 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-11-2022.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

³ Постановление Правительства Республики Тыва от 27 сентября 2022 г. № 601 «Об утверждении Региональной долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406243283> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Там же.

⁵ Более 600 призывников из Тувы отправились на службу [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2022, 28 декабря. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/activity/50527/ (дата обращения: 30.12.2022).

Так, помимо нехватки квалифицированных кадров, ключевыми проблемами для сферы науки и инноваций являются снижение числа молодых специалистов и «утечка мозгов» за пределы республики¹. По состоянию на 2021 г. доля молодых исследователей (до 39 лет) составила в Туве около 10%, что не обеспечивает самовоспроизводство интеллектуального капитала².

Рынок труда Тувы испытывает дефицит кадров и для отраслей цифровой экономики. Республике не хватает квалифицированных специалистов в сфере IT-технологий, а общая цифровая грамотность населения невысока³.

При этом имеющиеся квалифицированные кадры — выпускники вузов и средних профессиональных учебных заведений оказываются невостребованными из-за несоответствия структуры специальностей и качества образования реальным потребностям тувинского рынка труда (Соян, Монгуш, 2021).

На фоне перепроизводства специалистов с высшим и средним профессиональным образованием Тува испытывает недостаток в работниках трудовых специальностей (Монгуш, 2021: 64). По данным Красноярскстата, в сентябре 2022 г. число замещенных рабочих мест в строительстве составило всего 45,1% в сравнении с сентябрем 2021 г., а число незаполненных вакансий в организациях, осуществляющих оптовую и розничную торговлю или ремонт автотранспортных средств, составило 12,0% от штатной численности работников⁴.

Таким образом, более высокая, чем в среднем по России, трудоизбыточность Тувы сопровождается структурным дефицитом рабочей силы. Преодоление дисбалансов затруднено тем, что рынок труда Тувы формировался в специфических этнодемографических и этногеографических условиях, которые задают т. н. «колею» для его развития. В первую очередь речь идет об исторически обусловленных особенностях расселения жителей республики и сложившейся структуры экономики; транспортно-географических факторах формирования экономических производств; специфике структуры занятости различных этнических групп Тувы, их профессиональных ориентиров, готовности к трудовой занятости и самореализации в меняющихся экономических условиях (о влиянии исторических, этнокультурных, этнодемографических факторов на ригидность рынка труда — см. работы: Мандыт, Гончиков, 2015; Мандыт, 2015; Эрдыниева, 2003⁵; а также работу, охватывающую более широкий регион Внутренней Азии: Humphrey, Sneath, 1999). На состояние рынка труда республики оказывает влияние и отмеченный С. И. Абылкаликовым «удивительный для современной России режим воспроизводства, сочетающий естественный прирост с миграционной убылью» (Абылкаликов, 2021: 140).

Разбалансированность республиканского рынка труда не соответствует потребностям социально-экономического развития Тувы, ключевой целью которого является достижение нового уровня и качества жизни населения республики независимо от особенностей расселения и типов поселений, в том числе, на основе формирования новой модели комплексного развития производительных сил.

¹ Паспорт государственной программы Республики Тыва «Развитие науки и инновационной деятельности в Республике Тыва на 2023–2027 годы», утв. Постановлением Правительства Республики Тыва от 07 декабря 2022 г. № 788. С. 6, 34. Источник: Постановление Правительства Республики Тыва от 07 декабря 2022 г. № 788 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие науки и инновационной деятельности в Республике Тыва на 2023–2027 годы»» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202212080008?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 10.12.2022).

² Там же. С. 5–6.

³ Постановление Республики Тыва от 8 октября 2020 года № 488 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Развитие информационного общества и средств массовой информации в Республике Тыва на 2021–2025 годы»» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570960470/> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Социально-экономическое положение Республики Тыва в январе-октябре 2022 года. Доклад № 1.37.2. Красноярск: Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат), 2022. С. 80, 84.

⁵ Также: Кылгыдай А. Ч. Исторические и этнические особенности формирования рынка труда Республики Тыва // Проблемы современной экономики: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 146–148.

Новые явления, связанные с пандемией и цифровизацией

Пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения, как и во всех регионах мира, оказали серьезное влияние на все аспекты социально-экономической жизни республики. Как отмечено в стратегических документах Правительства Республики Тыва, эпидемиологические факторы, наряду с экономическими (внешними и внутренними) продолжают определять социально-экономическую траекторию развития Тувы в кратко- и среднесрочной перспективе¹.

Как пандемия уже повлияла на республиканский рынок труда?

Последствия пандемии COVID-19 замедлили темпы расширения трудовых ресурсов и роста безработицы, ожидаемых в результате пенсионной реформы, начатой в Российской Федерации в 2018 г.

С изменением институциональных границ трудоспособного возраста (поэтапное повышение с выходом на показатели «мужчины — до 65 лет, женщины — до 60 лет» сначала к 2023 г., затем — к 2028 г.), эксперты прогнозировали рост численности рабочей силы на рынке труда и возможность увеличения общей безработицы за время пенсионной реформы на 3–4 млн чел. в целом по РФ. Однако эпидемиологические факторы внесли коррективы в этот прогноз, поскольку пандемия COVID-19 предопределила не только смертность непосредственно от этого заболевания, но и дополнительную (избыточную) смертность от взаимосвязанных социально-экономических причин. Суммарно за 2 года население России дополнительно к обычному сокращению потеряло около 1 млн чел.² В Республике Тыва общее число умерших в 2020 г. составило 9,4 тыс. чел. против 8,3 тыс. чел. в 2019 г., то есть избыточная смертность достигла 1,1 тыс. чел., или около 6%³. При этом значительную часть преждевременно умерших составляли люди трудоспособного возраста.

Хотя показатель смертности населения в трудоспособном возрасте на 100 тыс. населения в Республике Тыва значительно выше, чем среднероссийский (более, чем на треть), его рост на пике пандемии (2020 г.) в Туве был ниже, чем в целом по стране. Смертность в трудоспособном возрасте на 100 тыс. населения в 2019–2020 гг. увеличилась в Туве на 4% (с 652,1 до 678,3 чел.), тогда как в РФ — почти на 11% (с 470,0 до 521,6 чел.).

Таким образом, ожидавшийся ранее прирост численности трудоспособного населения за счет повышения возрастной границы в Туве, как и в среднем по России, существенно замедлился из-за избыточной смертности в период пандемии.

Прогнозы Росстата, сделанные до начала специальной военной операции 2022 г., свидетельствовали о возможности увеличения численности населения Тувы в «новом» трудоспособном возрасте к 2025 г. на 7–9% в сравнении с 2020 г. (от 193,7 тыс. до 198,1 тыс. чел. против 180,8 тыс. чел.)⁴. При этом на 2023 г. Росстат прогнозировал менее оптимистичный рост численности трудоспособного населения Тувы (до 186,5–188,9 тыс. чел.), чем одобренный в октябре 2022 г. республиканским правительством «Прогноз социально-экономического развития Республики Тыва на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов», который давал цифру в 188,2–189,1 тыс. чел.⁵

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 1 ноября 2021 г. № 586 «О прогнозе социально-экономического развития Республики Тыва на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577945699> (дата обращения: 01.11.2022).

² Социально-экономическое положение России — 2022 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения: 01.11.2022).

³ Статистический ежегодник Республики Тыва. 2021. Статистический сборник, № 1.37.5ПТ. г. Красноярск. 2021 г. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/45814?ysclid=l81ap93uti55025802> (дата обращения: 06.09.2022).

⁴ Статистический ежегодник Республики Тыва. 2021. Статистический сборник № 1.37.5ПТ [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/45814?ysclid=l81ap93uti55025802> (дата обращения: 05.10.2022); Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Росстат, 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285/> (дата обращения: 05.10.2022).

⁵ Приложение 2 к Прогнозу социально-экономического развития Республики Тыва на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. Источник: Постановление Правительства Республики Тыва от 31 октября 2022 г. № 708 «О Прогнозе социально-экономического развития Республики Тыва на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/405728681/> (дата обращения: 01.11.2022).

Очевидно, что частичная мобилизация (около 700 мобилизованных в возрасте 19–59 лет в конце сентября 2022 г.¹), а также успешное выполнение ежегодных планов призыва молодежи на воинскую службу (в 2022 г. в рамках весеннего и осеннего призывов отправились служить до 1200 чел. 1995–2004 годов рождения²) скорректируют эти прогнозы в сторону уменьшения. Кроме того, участие тувинцев в специальной военной операции неизбежно внесёт и уже вносит свой вклад в изменение гендерного баланса в республике, снижая долю мужчин.

Ещё одним из очевидных эффектов пандемии стало сокращение внутрорегиональной и межрегиональной миграции. Как отмечает Г. Ф. Ахметова, в период самых жестких эпидемиологических ограничений (2019–2020 гг.) объемы внутриреспубликанской и межрегиональной миграции уменьшились соответственно, на 25% и на 11–17% (Ахметова, 2022: 63), а после смягчения ограничительных мер внутренняя миграция выросла почти на 21% (там же: 64).

Последствия ограничений, связанных с пандемией, серьезно сказались и на молодежи Тувы. Поскольку молодые граждане чаще находятся в условиях временной и неполной занятости, риск потери работы и заработка в условиях пандемии для них оказался выше, чем у работников более старших возрастов. В результате, если до 2019 г. количество безработных среди молодежи непрерывно снижалось, то в 2020 г. уровень молодежной безработицы составил 25,0% против 23,0% в 2017 г.³

Экономика Тувы лучше, чем во многих других субъектах РФ, выдержала удар локдаунов во время пандемии COVID-19: численность занятых в 2020 г. возросла и достигла 101,9 тыс. чел., в то время как в других регионах она уменьшилась. При этом эффекты пандемии меняли структуру занятости: жесткие эпидемиологические ограничения наиболее сильно ударили по туризму, транспорту, гостиницам и ресторанам, кинотеатрам и торговым центрам, другим видам услуг, но способствовали росту занятости в дистанционном образовании, интернет-торговле, доставке товаров на дом. Хотя, как и во всей России, в Туве малое и среднее предпринимательство пострадало серьезно, руководство республики отмечает, что «федеральные и региональные меры поддержки бизнеса помогли в целом сохранить этот важнейший сегмент экономики, а главное, занятость в нем»⁴.

Что касается цифровой трансформации, то эти процессы целенаправленно стимулируются на федеральном и региональном уровне с середины 2010-х гг. Так, с 2014 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ реализует программу по устранению цифрового неравенства среди населения страны, обеспечивая мобильной связью и беспроводным интернетом населенные пункты с населением от 100 чел.⁵ В 2017 г. была утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁶, а в 2020 г. принят Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» среди которых была указана цифровая

¹ Тува выполнила план по частичной мобилизации [Электронный ресурс] // Российская газета. 2022, 29 сентября. URL: <https://rg.ru/2022/09/29/reg-sibfo/tuva-vypolnila-plan-po-chastichnoj-mobilizacii.html> (дата обращения: 01.11.2022).

² Военкомат Тувы отправил в войска свыше 450 призывников [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2022, 30 июня. URL: <https://tuvonline.ru/2022/06/30/voenkomat-tuvy-otpravil-v-voyska-svyshe-450-prizyvnikov.html> (дата обращения: 01.11.2022); Более 600 призывников из Тувы отправились на службу [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2022, 28 декабря. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/activity/50527/ (дата обращения: 14.01.2023).

³ Постановление Правительства Республики Тыва от 27 сентября 2022 г. № 601 «Об утверждении Региональной долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года». [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406243283> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Послание Главы Республики Тыва Верховному Хуралу (парламенту) Республики Тыва о положении дел в республике и внутренней политике на 2022 год «Тува: старт нового столетия, новые вызовы, новые возможности» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/politics/46607/ (дата обращения: 05.10.2022).

⁵ Иванов О. А. В России начался второй этап устранения цифрового неравенства [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2021. 14 апреля. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/40814/?utm_referrer=https%3a%2f%2ftrends.rbc.ru%2f (дата обращения: 05.10.2022).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 (ред. от 13.05.2022) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 11. Ст. 1119.

трансформация¹ и определены соответствующие показатели оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти субъектов РФ². Правительство РФ установило критерий «Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства, строительства и общественного транспорта³.

В 2020 г. была утверждена государственная программа Республики Тыва «Развитие информационного общества и средств массовой информации в Республике Тыва на 2021–2025 годы», предполагающая, помимо развития структур и сервисов, обеспечивающих взаимодействие государства, граждан и бизнеса преимущественно на основе применения информационно-телекоммуникационных технологий, мероприятия по обучению государственных (муниципальных) служащих и работников учреждений компетенциям в сфере цифровой трансформации государственного и муниципального управления. А в 2021 г. Тува приняла Стратегию цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Тыва на период 2021–2024 годов⁴.

Согласно рейтингам «цифровой зрелости» регионов, которые составляет Минцифры России, в 2021 г. республика вошла в группу субъектов РФ со средним уровнем развития цифровой зрелости (значения показателей от 25% до 50%)⁵. Однако после уточнения в 2022 г. методики оценки (акцент перенесен с формальных количественных показателей на реальные эффекты), Тува получила общий балл 9,6 из 28,0 возможных и оказалась по уровню цифровой трансформации в десятке отстающих регионов РФ⁶.

Представляется, что помимо объективных проблем начального этапа цифровой трансформации, отсутствия необходимых специалистов, неготовности системы образования к производству современных кадров для инновационной модели экономики⁷, на снижение показателей цифровой зрелости повлияли также эффекты пандемии. Отрасли, дающие базу для развития цифровизации в республике, оказались в числе наиболее пострадавших, в частности, речь идет о таких сферах экономической деятельности (согласно кодам ОКВЭД), как:

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.

² Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 (ред. от 09.09.2022) «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 6. Ст. 966.

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2021 г. № 542 (ред. от 04.06.2022) «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 16 (ч. III). Ст. 2770.

⁴ Постановление Правительства Республики Тыва от 20 августа 2021 г. № 444 «Об утверждении Стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Тыва на период 2021–2024 годов» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202108260003> (дата обращения: 01.11.2022).

⁵ Петрова В. Губернаторам выставили цифры. Представлен рейтинг «цифровой зрелости» регионов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2021, 13 августа. URL: <https://kommersant.ru/doc/4938764> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ Цифровизация регионов России [Электронный ресурс] // TAdviser. 2022, 30 сентября. URL: https://tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_регионов_России (дата обращения: 01.11.2022).

⁷ Среди причин — недостаточный уровень цифровых компетенций педагогических кадров; фактическое отсутствие системы повышения квалификации работников системы образования в соответствии с современными требованиями, отсутствие единой цифровой образовательной платформы с необходимыми цифровыми ресурсами. См.: Постановление Правительства Республики Тыва от 20 августа 2021 г. № 444 «Об утверждении Стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Тыва на период 2021–2024 годов» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202108260003> (дата обращения: 01.11.2022).

62.09. Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, прочая;

63.1. Деятельность по обработке данных, предоставлению услуг по размещению информации, деятельность порталов в информационно-коммуникационной сети «Интернет»;

63.12. Деятельность web-порталов;

63.9. Деятельность в области информационных услуг прочая¹.

Зафиксированное несоответствие цифровых компетенций работников, в том числе с профильным образованием, запросам работодателей поддерживает дисбалансы спроса и предложения в цифровом секторе экономики Тувы. Согласно обследованию, проведенному в 2020 г. Министерством информатизации и связи Республики Тыва, востребованность на республиканском рынке труда специалистов со средним профессиональным образованием в сфере IT-технологий составила 40,5%. Однако среди выпускников 2020 г., получивших соответствующее среднее профессиональное образования, трудоустроенными оказались только 20,5%².

Тем не менее, как и в других регионах России, пандемия оказала стимулирующее воздействие на ускорение цифровой трансформации экономики и изменение рынка труда Тувы. Вынужденный переход системы образования к онлайн-обучению на время эпидемиологических ограничений, активизация использования интернет-сервисов для оказания различных услуг гражданам, развитие интернет-торговли способствовало развитию как технологической базы цифровой трансформации, так и цифровых компетенций населения в целом.

Ограничения на передвижения во время пандемии, рост цифровой оснащенности и возможностей удаленной работы формально способствовали и способствуют снижению миграционного оттока молодежи и специалистов с высшим и средним специальным образованием, не нашедших себе места на рынке труда Тувы. Однако это не означает, что все работники, использующие возможности удаленной занятости, находят место работы именно в республике. Пандемия и цифровизация привели к развитию феномена «виртуальной трудовой миграции», который требует дополнительного изучения.

Необходимо отметить, что промышленные виды экономической деятельности, строительство, транспорт и связь, технологически прогрессивные «цифровые» отрасли, наука, определяющие уровень инновационного развития региона, на текущий момент не являются ключевыми в структуре занятости (наиболее крупными сферами занятости в республике в 2020 г. были образование — 23,0 тыс. чел., т. е. 22,6%, торговля — 14,5 тыс. чел., т. е. 14,2%, и государственное управление — 14,1 тыс. чел., т. е. 13,8%). Возникает своего рода замкнутый круг: неразвитость современных отраслей ведет к оттоку граждан, желающих делать карьеру в инновационных сферах экономики, а недостаток квалифицированных кадров замедляет развитие высокотехнологичных секторов.

Формально проблему восполнения дефицита специалистов инновационных профессий могла бы частично решить адресная миграционная политика. Тува, как и другие субъекты РФ, имеет возможность регулировать приток и профессионально-квалификационный состав иностранной рабочей силы путем механизмов квотирования выдачи видов на жительство, рабочих виз (в том числе с учётом потребности экономики в рабочих кадрах), трудовых патентов. В 2022 г. для Республики Тыва была утверждена квота на выдачу разрешений на работу и приглашений иностранным гражданам, прибывающим в РФ на основании визы, в размере 480 единиц³. Стоимость трудового патента для иностранных работников,

¹ Распоряжение Правительства Республики Тыва от 17 февраля 2022 г. № 78-р «Об утверждении перечня сфер экономической деятельности, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Республике Тыва» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/578119614> (дата обращения: 01.11.2022).

² Доклад «О результатах и основных направлениях деятельности Министерства информатизации и связи Республики Тыва на 2021 год». Кызыл, 2021. С. 13-15.

³ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17 декабря 2021 г. № 893н «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2022 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности» (с изменениями на 25 июля 2022 года). Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 29 декабря 2021 г., регистрационный № 66661. [Электронный ресурс] // Официальный

прибывающих в безвизовом порядке, составила 4545 руб. (установлен региональный коэффициент — 1,913)¹.

Однако использование «тонкой настройки» профиля миграции с целью адаптации рынка труда к потребностям перехода к инновационной модели экономического развития требует буквально штучного отбора кадров с прогнозируемым вкладом в решение задач, стоящих перед экономикой Тувы. Представляется, что подобная политика вряд ли возможна.

При использовании инструмента трудовой миграции важное значение имеет контролируемый в рамках федерального мониторинга показатель «уровень социальной напряженности на рынке труда» субъекта РФ. Уровень социальной напряженности на рынке труда рассчитывается по формуле:

$$\text{Уровень напряженности} = (\text{Численность безработных} + \text{Численность иностранных работников}) / \text{Численность экономически активного населения} \times 100 \%$$

Таким образом, субъект РФ при неизменных показателях экономически активного населения, вправе увеличивать количество трудовых мигрантов лишь при условии сокращения безработицы на местах. В условиях высокого уровня безработицы, ее структурного характера необходимость поддерживать указанный показатель в допустимых пределах снижает возможности региональных властей влиять на гибкость регионального рынка труда за счет притока мигрантов и управлять качеством привлекаемых из-за рубежа трудовых ресурсов.

Так, количество заявленных работодателями вакансий уменьшилось в течение 2020 г. (пик ограничений в связи с пандемией) на 21,1% и составило 1098 единиц. Соответственно, нагрузка зарегистрированных незанятых на 1 заявленную вакансию достигла 16,25 чел. (в РФ, несмотря на рост зарегистрированной незанятости и безработицы в том же году, на 1 вакансию приходилось 1,7 человека). По оценкам, в 2021 г. напряженность рынка труда в Республике Тыва снизилась, но осталась более высокой, чем в большинстве субъектов РФ.

Особенности правового регулирования

Республика Тыва обладает большим набором институционально-правовых инструментов для управления развитием рынка труда и экономики региона в целом. Эти регуляторные возможности не ограничиваются собственно трудовым законодательством, которое относится к сфере совместного ведения РФ и её субъектов (ст. 72, п.1 «к» Конституции Российской Федерации)². Правовой основой и одновременно — механизмом для решения поставленных социально-экономических задач выступает совокупность взаимосвязанных актов стратегического и программно-целевого характера различного уровня, в первую очередь Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.³, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.⁴, Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 г.⁵, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г.⁵

интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112290069> (дата обращения: 05.10.2022).

¹ Закон Республики Тыва от 28 ноября 2014 г. № 19-ЗРТ «Об установлении коэффициента, отражающего региональные особенности рынка труда, на территории Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. URL: https://nalog.gov.ru/rn17/about_fts/docs/5318269/ (дата обращения: 05.10.2022).

² Конституция РФ устанавливает основные принципы политики в сфере труда, занятости, защиты граждан от безработицы, создания условий для устойчивого экономического роста (ст. ст. 7, 37, 75, п. 5, 75.1), а механизмы ее реализации определяются комплексом федеральных нормативных правовых актов и конкретизируются в актах субъектов РФ.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 25.06.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8613.

Федерации до 2035 г.¹, Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017 г.)², стратегии развития Сибирского региона³, Индивидуальная программа социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 гг. (2020 г.)⁴, а также республиканские концепции, стратегии и программы развития Тувы.

Цели, ориентиры и отчасти механизмы для достижения нового желаемого состояния экономики и социальной сферы Тувы, повышения качества государственного управления и уровня общественного благополучия определяют такие документы, как Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 г. (2018 г.)⁵, Концепция развития и освоения минерально-сырьевой базы Республики Тыва до 2030 года» (2019 г.)⁶, Государственная программа Республики Тыва «Содействие занятости населения на 2020–2024 годы» (2019 г.)⁷, Государственная программа Республики Тыва «Развитие информационного общества и средств массовой информации в Республике Тыва на 2021–2025 годы» (2020 г.), Стратегия цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Тыва на период 2021–2024 годов (2021 г.)⁸ и многие другие акты.

Представляется, что на сегодняшний день трудность заключается не в недостатке, а в многообразии имеющихся регуляторных инструментов разного уровня, объективная зависимость (как позитивная, так и негативная) региональной политики от влияния федеральных мер, что осложняет прогнозирование ожидаемых эффектов от разнонаправленных регулирующих воздействий в постоянно меняющихся условиях.

То, что многообразные регуляторные инструменты пока слабо согласованы друг с другом, а решение общенациональных или отраслевых задач не гармонизировано с иерархией актуальных задач конкретного субъекта РФ, является общей проблемой для государственного управления в России. Взятые в совокупности мероприятия стратегий и программ федерального уровня, являются недостаточно адресными для Тувы, а потому воздействия, не сфокусированные прицельно на особенностях республики, не гарантируют быстрых и необратимых позитивных перемен.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 24. Ст. 3847.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 (ред. от 13.05.2022) «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 11. Ст. 1119.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 г. № 1120-р (ред. от 26.12.2014) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 33. Ст. 4444.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2020 г. № 972-р [Об утверждении индивидуальной программы социально-экономического развития Республики Тыва на 2020–2024 годы] (в ред. Распоряжения Правительства РФ от 12.09.2022 г. № 2592-р.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 16. Ст. 2647.

⁵ Постановление Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 г. № 638 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700201812280002> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ Постановление Правительства Республики Тыва от 15 января 2019 г. № 17 «О Концепции развития и освоения минерально-сырьевой базы Республики Тыва до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700201901160003?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 01.11.2022).

⁷ Постановление Правительства Республики Тыва от 22 ноября 2019 года № 561 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Содействие занятости населения на 2020–2024 годы”» (с изменениями на 27 сентября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561642846> (дата обращения: 01.11.2022).

⁸ Постановление Правительства Республики Тыва от 20 августа 2021 г. № 444 «Об утверждении Стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Тыва на период 2021–2024 годов» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1700202108260003> (дата обращения: 01.11.2022).

Серьезной проблемой является тот факт, что эффективность адресных (государственных и региональных) программ Тувы ограничена возможностями финансирования. Например, в Постановлении Правительства Республики Тыва от 22 ноября 2019 года № 561 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Содействие занятости населения на 2020–2024 годы”» содержится рекомендация «органам местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Тыва принять участие в реализации Программы и разработать муниципальные программы за счет средств собственных бюджетов». А в целом ряде программ в строках финансирования конкретных мероприятий стоят нули.

Очевидно, что для того, чтобы вырваться из «колеи» развития (переломить негативные тенденции), поставленные задачи должны решаться не только в полном объеме, но и в момент, который обеспечивает наилучший эффект. Однако органы управления вынуждены реализовывать мероприятия «по мере ресурсных возможностей» и в то время, когда эти возможности появляются.

Заключение

Анализ влияния пандемии и цифровой трансформации показал, что эти новые факторы, безусловно, оказали влияние на рынок труда Республики Тыва, но оказались не способны вывести его из негативно устойчивого состояния (образно говоря, не вытолкнули из сложившейся «колеи» ни на более низкую, ни на более высокую траекторию развития).

Характерные для тувинского рынка труда показатели — высокий уровень безработицы в целом по республике и среди молодёжи, устойчивая миграционная убыль населения (особенно перспективных кадров), трудоизбыточность на фоне структурной безработицы, недостаток кадров для цифровой трансформации экономики «качнулись» в период пандемии, но существенно не изменились.

Эпидемиологический фактор, значение которого снижается, как и цифровая трансформация экономики и жизни общества, оказывают амбивалентное влияние на перспективы развития рынка труда Тувы и возможности повышения его гибкости и управляемости. Ограничения, связанные с пандемией, первоначально ухудшили положение работников и работодателей, но стали стимулом для адаптации людей к новым условиям, для ускорения цифровой трансформации всех сфер жизни и, что является позитивным, усилили внимания органов власти к проблемам населения, предпринимателей и рынка труда.

Как ни парадоксально, но последствия пандемии и резкое усиление санкционного давления после начала специальной военной операции РФ в Украине оказали мобилизующее воздействие на систему государственного управления Тувы. Во второй половине 2022 г. не только появились новые прогнозные документы и адресные программы, нацеленные на решение наиболее острых задач рынка труда и социально-экономической сферы республики, но повысилось внимание к взаимосвязке федеральных, региональных и муниципальных регулирующих инструментов с целью максимально эффективного использования имеющихся ресурсов.

В частности, речь идет о принятых, соответственно, в сентябре и декабре 2022 г. Региональной долгосрочной программе содействия занятости молодежи на период до 2030 г.¹ и Государственной программе Республики Тыва «Развитие науки и инновационной деятельности в Республике Тыва на 2023-2027 годы»².

В настоящее время действия Правительства Республики Тыва нацелены на обеспечение устойчивости экономики и рынка труда республики в условиях внешнего санкционного давления и повышенного выбытия мужского населения. Реализуются дополнительные мероприятия, направленные на сохранение занятости населения и снижение напряженности на республиканском рынке труда,

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 27 сентября 2022 г. № 601 «Об утверждении Региональной долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406243283> (дата обращения: 01.11.2022).

² Постановление Правительства Республики Тыва от 07 декабря 2022 г. № 788 «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие науки и инновационной деятельности в Республике Тыва на 2023-2027 годы”» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406395676> (дата обращения: 12.12.2022).

меры по легализации трудовых отношений и трудоустройству безработных граждан на постоянные, временные, сезонные рабочие места и на общественные работы.

Внимание органов власти Тувы к развитию новых отраслей, инфраструктуры, стимулированию инвестиций в образование, науку и технологии будет способствовать повышению гибкости рынка труда, но для видимых эффектов потребуются время (адаптивные возможности регионального рынка труда напрямую зависят от инерционности системы образования).

Применительно к улучшению параметров регионального рынка труда достаточно быстрые эффекты возможны при активном «подключении» республики не только к федеральным, но и региональным программам развития, например, программы «Енисейская Сибирь» (Веселова, 2018; Mongush et al., 2020; Vorobyev et al., 2022).

Развитие транзитных возможностей республики как приграничного региона также является благоприятным фактором для позитивной трансформации тувинской экономики, включая изменения на рынке труда. Особое значение имеет укрепление внешнеэкономического сотрудничества с соседней Монголией. Пандемия и связанные с этим ограничения привели к некоторому снижению темпов роста товарооборота между республиками (в 2020 г. темпы прироста тувинского экспорта в Монголию уменьшились на 10,6% в сравнении с 2015 годом) (Кылгыдай, Соян, 2022), но уже в 2021 г. объем товарооборота значительно превысил показатели «доковидного» периода. В целом, по авторским расчетам, совокупные среднегодовые темпы роста (CAGR) товарооборота Тувы с Монголией за 2019–2021 гг. составили 58,7%.

Важный вклад в повышение гибкости республиканского рынка труда могло бы внести использование на региональном уровне инструмента экспериментальных правовых режимов¹ для стимулирования развития отдельных направлений перспективной предпринимательской деятельности, способных внести вклад в трансформацию экономики Тувы. В частности, одной из сфер опережающего правового регулирования могло бы стать создание благоприятных для коренного населения правовых условий, способствующих развитию сельского туризма.

Представляется, что кризисные явления, вызванные влиянием пандемии, цифровизации, внешних санкций, ведут к тому, что в республике постепенно складываются предпосылки для вывода рынка труда из институциональной ловушки путем накопления «энергии» для позитивных сильных шоков (например, вследствие изменения модели экономического роста, снижения издержек культурной инерции и т. п.). Однако объективный дефицит ресурсов и невозможность сосредоточить их необходимый объем в «точке прорыва» откладывает на неопределенное время ожидаемые перемены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абузярова, Н. А. (2018) Экономико-правовое регулирование российского рынка труда // Журнал российского права. № 1 (253). С. 128–137. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_1_11

Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Аузан, А. А. (2015) «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. № 1. С. 3–17.

Аузан, А. А. (2017) Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 10. С. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105>

Ахметова, Г. Ф. (2022) Миграционные процессы в национальных республиках с разным уровнем развития человеческого потенциала (на примере Башкортостана, Татарстана и Тувы) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Балакина, Г. Ф., Бегзи, А. Д. (2016) Экономика Тувы: возможные стратегии развития. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 380 с.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

Веселова, Э. Ш. (2018) «Енисейская Сибирь» — первый макрорегион России // ЭКО. № 6 (528). С. 20–37. DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-20-37>

Кашепов, А. В., Сулакшин, С. С., Малчинов, А. С. (2008) Рынок труда: проблемы и решения. М. : Научный эксперт. 232 с.

Кылгыдай, А. Ч. (2012) Рынок труда региона: проблемы формирования и регулирования (на примере Республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. № 35. С. 31–38.

Кылгыдай, А. Ч. (2020) Роль традиционной занятости тувинцев в решении проблем рынка труда региона: новые подходы // Экономика. Профессия. Бизнес. № 1. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201960>

Кылгыдай, А. Ч. (2022) Рынок труда: изменения в сфере труда, вызовы современности // Экономика. Профессия. Бизнес. № 1. С. 63–66. DOI: <https://doi.org/10.14258/epb202208>

Кылгыдай, А. Ч., Соян, Ш. Ч. (2022) О возможностях развития Тывы как приграничного региона // Экономика. Профессия. Бизнес. № 3. С. 69–73. DOI: <https://doi.org/10.14258/epb202239>

Кылгыдай, А. Ч., Ойдуп, Т. М. (2015) Особенности трудового поведения населения Республики Тыва // Региональная экономика: теория и практика. № 43 (418). С. 43–53.

Мандыт, М. К. (2015) Историко-географические особенности формирования тувинского народа // Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география. Вып. 4. С. 253–257.

Мандыт, М. К., Гончиков, Ц. Д. (2015) Региональные особенности динамики численности населения Республики Тыва // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 4. С. 248–252.

Монгуш, А. С.-О. (2021) Анализ состояния рынка труда в Республике Тыва // Закон и право. № 3. С. 63–66. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-3-63-66>

Монгуш, С. П. (2018) Рынок труда Республики на этапе перехода к технологическому развитию (на примере материалов Республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. Т. 16. № 4 (451). С. 665–680. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.4.665>

Ойдуп, Т. М., Кылгыдай, А. Ч. (2015) Влияние безработицы на социально-экономическое развитие региона (на примере Республики Тыва) // ЭКО. №. 6. С. 131–138.

Ойдуп, Т. М., Трошкина, И. Н. (2022) Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 198–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Полтерович, В. М. (2004) Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–16.

Севек, В. К., Бадарчи, Х. Б., Севек, Р. М., Манчык-Сат, Ч. С., Чульдун, А. Э. (2016) Исследование сценария развития Республики Тыва в системе территории опережающего развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. № 6. С. 43–58.

Соян, Ш. Ч., Монгуш, Ш. В. (2021) Анализ востребованности выпускников на рынке труда Республики Тыва // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1–2 (71). С. 125–127. DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-10082>

Эрдыниева, Л. С. (2003) Состояние здоровья и демографические процессы населения Республики Тыва. Томск : СТТ. 158 с.

David, P. A. (1985) Clio and the economics of QWERTY // The American Economic Review. Vol. 75. No. 2. P. 332–337.

Humphrey, C., Sneath, D. (1999) The end of nomadism? Society, state and the environment in inner Asia. Durham, NC : Duke University Press. xi, 355 p.

Mongush, S. P., Avramchikova, N. T., Maslova, O. V., Zakharova, L. N. (2020) Prospects of economic development of Republic Tyva project “Yenisei Siberia” // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 90. P. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.9>

Vorobyev, N. V., Batomunkuev, V. S., Valeeva, O. V., Vorobyev, A. N., Gladkevich, G. I., Dagbaeva, S. D. N., Mikheeva, A. S., Osodoev, P. V., Permyakova, E. S., Sanzheev, E. D., Sycheva, I. N. (2022) Socio-economic and demographic transformations of post-Soviet Siberia // Humans in the Siberian landscapes: Ethnocultural dynamics and interaction with nature and space / ed. by V. N. Bocharnikov, A. N. Steblyanskaya. Cham : Springer. xx, 538 p. P. 283–306. (Springer Geography). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-90061-8_13

Дата поступления: 06.11.2022 г.

Дата принятия: 14.02.2023 г.

REFERENCES

Abuzyarova, N. A. (2018) Ekonomiko-pravovoe regulirovanie rossiiskogo rynka truda [Economic-legal regulation of the Russian labor market]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 1 (253), pp. 128–137. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_1_11

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Auzan, A. A. (2015) «Effekt kolei». Problema zavisimosti ot traektorii predshestvuiushchego razvitiia – evoliutsiia gipotez [“The rut effect”. Path dependence problem: The evolution of approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 6: Ekonomika*, no. 1, pp. 3–17. (In Russ.).

Auzan, A. A. (2017) Razvitie i «koleia» zavisimosti [Path dependence problem and possibilities of its overcoming]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 10, pp. 96–105. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105>

Akhmetova, G. F. (2022) Migratsionnye protsessy v natsional’nykh respublikakh s raznym urovnem razvitiia che-lovecheskogo potentsiala (na primere Bashkortostana, Tatarstana i Tuvy) [Migration processes in national republics with different levels of human development: The cases of Bashkortostan, Tatarstan and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 53–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.4>

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul’turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Balakina, G. F. and Begzi, A. D. (2016) *Ekonomika Tuvy: vozmozhnye strategii razvitiia* [The economy of Tuva: Possible strategies of development]. Kyzyl, Tuvan Institute for Integrated Development of Natural Resources of the Siberian Branch of the RAS. 380 p. (In Russ.).

Veselova, E. Sh. (2018) «Eniseiskaia Sibir’» – pervyi makroregion Rossii [“Yenisei Siberia” – the first macroregion of Russia]. *EKO*, no. 6 (528), pp. 20–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-20-37>

Kashepov, A. V., Sulakshin, S. S. and Malchinov, A. S. (2008) *Rynok truda: problemy i resheniia* [Labor market: Problems and solutions]. Moscow, Nauchnyi ekspert. 232 p. (In Russ.).

Kylgyday, A. Ch. (2012) Rynok truda regiona: problemy formirovaniia i regulirovaniia (na primere Respubliki Tyva) [The labor market of the region: Problems of formation and regulation (the case of the Republic of Tuva)]. *Regional’naia ekonomika: teoriia i praktika*, no. 35, pp. 31–38. (In Russ.).

Kylgyday, A. Ch. (2020) Rol’ traditsionnoi zaniatosti tuvintsev v reshenii problem rynka truda regiona: novye podkhody [Role of traditional employment of Tuvans in solving the labor market problems of the region: New approaches]. *Ekonomika. Professiia. Biznes*, no. 1, pp. 65–70. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14258/epb201960>

Kylgyday, A. Ch. (2022) Rynok truda: izmeneniia v sfere truda, vyzovy sovremennosti [Labor market: Changes in the labor sphere, modern challenges]. *Ekonomika. Professiia. Biznes*, no. 1, pp. 63–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14258/epb202208>

Kylgyday, A. Ch. and Soyana, Sh. Ch. (2022) O vozmozhnostiakh razvitiia Tyvy kak prigranichnogo regiona [Development opportunities of Tuva as a border region]. *Ekonomika. Professiia. Biznes*, no. 3, pp. 69–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14258/epb202239>

Kylgyday, A. Ch. and Oidup, T. M. (2015) Osobennosti trudovogo povedeniia naseleniia Respubliki Tyva [Features of labor behavior of the population of the Republic of Tuva]. *Regional’naia ekonomika: teoriia i praktika*, no. 43 (418), pp. 43–53. (In Russ.).

Mandyt, M. K. (2015) Istoriko-geograficheskie osobennosti formirovaniia tuvinskogo naroda [Historical and geographical features of formation of the Tuvan people]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiia, geografiia*, issue 4, pp. 253–257. (In Russ.).

Mandyt, M. K. and Gonchikov, Ts. D. (2015) Regional’nye osobennosti dinamiki chislennosti naseleniia Respubliki Tyva [Regional features of dynamics of population number in the Republic of Tuva]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologiia, geografiia*, issue 4, pp. 248–252. (In Russ.).

Mongush, A. S.-O. (2021) Analiz sostoiianiia rynka truda v Respublike Tyva [Analysis of the state of the labor market in the Republic of Tuva]. *Zakon i pravo*, no. 3, pp. 63–66. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-3-63-66>

Mongush, S. P. (2018) Rynok truda respubliki na etape perekhoda k tekhnologicheskomu razvitiuu (na primere materialov Respubliki Tyva) [Labor market of the Republic at the stage of transition to technological development: Evidence from the statistical materials of the Tyva Republic]. *Regional'naiia ekonomika: teoriia i praktika*, vol. 16, no. 4 (451), pp. 665-680. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.4.665>

Oydup, T. M. and Kylgyday, A. Ch. (2015) Vliianie bezrabortitsy na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regiona (na primere Respubliki Tyva) [The impact of unemployment on the socio-economic development of the region (the case of the Republic of Tuva)]. *EKO*, no. 6 (492), pp. 131-138. (In Russ.).

Oydup, T. M. and Troshkina, I. N. (2022) Professional'nye predpochteniia vypusknikov shkol stolits respublik Tyva, Altaia i Khakasii kak osnova formirovaniia chelovecheskogo kapitala regionov (2021 g.) [Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 198-210. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Polterovich, V. M. (2004) Institutsional'nye lovushki: est' li vykhod? [Institutional traps: Is there a way out?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 5-16. (In Russ.).

Sevek, V. K., Badarchi, Kh. B., Sevek, R. M., Manchyk-Sat, Ch. S. and Chul'dum, A. E. (2016) Issledovanie stsenarii razvitiia Respubliki Tyva v sisteme territorii operezhaiushchego razvitiia [Study of the development scenario of the Republic of Tuva in the system of the territory of advanced development]. *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra*, no. 6, pp. 43-58. (In Russ.).

Soyan, Sh. Ch. and Mongush, Sh. V. (2021) Analiz vostrebovannosti vypusknikov na rynke truda Respubliki Tyva [Analysis of the need for graduates on the labor market of the Republic of Tyva]. *Journal of Economy and Business*, vol. 1-2 (71), pp. 125-127. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2021-10082>

Erdynieva, L. S. (2003) *Sostoianie zdorov'ia i demograficheskie protsessy naseleniia Respubliki Tyva* [Health and demographic processes in the population of the Republic of Tyva]. Tomsk, STT. 158 p. (In Russ.).

David, P. A. (1985) Clio and the economics of QWERTY. *The American Economic Review*, vol. 75, no. 2, pp. 332-337.

Humphrey, C. and Sneath, D. (1999) *The end of nomadism? Society, state and the environment in inner Asia*. Durham, NC, Duke University Press. xi, 355 p.

Mongush, S. P., Avramchikova, N. T., Maslova, O. V. and Zakharova, L. N. (2020) Prospects of economic development of Republic Tyva project "Yenisei Siberia". *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, vol. 90, pp. 67-73. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.9>

Vorobyev, N. V., Batomunkuev, V. S., Valeeva, O. V., Vorobyev, A. N., Gladkevich, G. I., Dagbaeva, S. D. N., Mikheeva, A. S., Osodoev, P. V., Permyakova, E. S., Sanzheev, E. D. and Sycheva, I. N. (2022) Socio-economic and demographic transformations of post-Soviet Siberia. In: *Humans in the Siberian landscapes: Ethnocultural dynamics and interaction with nature and space* / ed. by V. N. Bocharnikov and A. N. Steblyanskaya. Cham, Springer. xx, 538 p. Pp. 283-306. (Springer Geography). DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-90061-8_13

Submission date: 06.11.2022.

Acceptance date: 14.02.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.2.3

Статья

Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021)

Тамара К. Ростовская, Ольга А. Золотарева, Лейсан А. Давлетшина

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Российская Федерация

В статье представлена ретроспективная динамика суммарного коэффициента рождаемости за 30 лет и анализ изменений рейтинга Республики Тыва по данному показателю. Исследование позволяет формулировать гипотезы влияния проводимой демографической политики в регионе на увеличение рождаемости, в частности учесть эффект от введения регионального материнского капитала в Тыве. Исследование основано на методах обобщения и синтеза, приемах дескриптивной статистики, в частности для реализации сравнительного анализа изменений положения / места Республики Тыва среди всех регионов России по суммарному коэффициенту рождаемости (расчет медианных значений, определение квартилей в распределениях, построение диаграммы рассеяния).

Детализирована оценка изменений основных показателей рождаемости населения в Республике Тыва, выделены два периода демографического развития. Первый период относится к временному интервалу 1991–2006 гг., отличительной характеристикой которой были параметры среднего ежегодного суммарного коэффициента рождаемости равного 2,23 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Вторым периодом, относящимся к 2007–2021 гг., имеют более высокие параметры среднего ежегодного значения суммарного коэффициента рождаемости — 3,10 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста.

Тенденции возрастной рождаемости показали проблему старения рождаемости, что при молодой структуре населения региона требует особого внимания и принятия мер для сдерживания усиления данного тренда. Рассмотрение возрастных особенностей рождаемости выявило повышение модального значения возрастных коэффициентов рождаемости на фоне увеличения возраста вступления в брак как мужчин, так и женщин.

Ключевые слова: естественный прирост населения; динамика рождаемости; суммарный коэффициент рождаемости; возрастные коэффициенты рождаемости; коэффициенты брачности; половозрастная структура брачности

Для цитирования:

Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Давлетшина Л. А. Особенности рождаемости в Республике Тыва (1991–2021) // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: Россия, г. Москва, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1. Эл. адрес: Rostovskaya.tamara@mail.ru

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: Россия, г. Москва, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1. Эл. адрес: OAMahova@yandex.ru

Давлетшина Лейсан Анваровна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела семьи и семейно-демографической политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: Россия, г. Москва, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1. Эл. адрес: la_davletshina@guu.ru

Features of birth rate in the Republic of Tuva (1991–2021)

Tamara K. Rostovskaya, Olga A. Zolotareva, Leysan A. Davletshina

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Russian Federation*

The article presents a retrospective dynamics of the total birth rate for 30 years and an analysis of changes in the rating of the Republic of Tuva on this indicator. The study allows us to formulate hypotheses of the impact of the demographic policy on the increase in natality in the region and, in particular, to consider the effect of the introduction of regional maternity capital in Tuva. The research is based on methods of generalization and synthesis, descriptive statistics techniques, in particular, for pursuing a comparative analysis of changes in the position or place of the Republic of Tuva among all Russian regions by the total fertility rate (calculation of median values, determination of quartiles in distributions, construction of a scattering diagram).

We specify an assessment of changes in the main indicators of the birth rate of the population in the Republic of Tuva and identify two periods of demographic development. The first period was between 1991 and 2006. Its distinctive characteristic is that the average annual total birth rate was 2.23 births per woman of reproductive age. In the second period (2007–2021), there was a higher average annual value of the total fertility rate. It was 3.10 births per woman of reproductive age.

Trends in age-related birth rate have shown that there is the problem of aging of fertility. This requires special attention and measures to curb the strengthening of this trend when there is a young population structure in the region. The consideration of the age-related characteristics of birth rate has revealed an increase in the modal value of age-related fertility rates amid an increase in the age of marriage among both men and women.

Keywords: *natural population growth; birth rate dynamics; total fertility rate; age-related fertility rates; marriage rates; age and gender structure of marriage*

For citation:

Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. and Davletshina L. A. Osobennosti rozhdaemosti v Respublike Tyva (1991–2021) [Features of birth rate in the Republic of Tuva (1991–2021)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 34–49. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.3>

ROSTOVSKAYA, Tamara Kerimovna, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: Rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1629-7780

ZOLOTAREVA, Olga Anatolyevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Family and Demographic Policy, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: OAMahova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7339-7510

DAVLETSHINA, Leysan Anvarovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Family and Demographic Policy, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail addresses: la_davletshina@guu.ru, fille_777@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1497-1751

Введение

Республика Тыва в контексте статистического анализа рождаемости является регионом, представляющим особый интерес, что связано, прежде всего, с уровнем рождаемости в регионе, существенно превышающим среднероссийский. Это определяет необходимость детализированного исследования состояния и динамики рождаемости с целью выявления его особенностей развития.

Целью статьи является выявление специфики демографического развития Республики Тыва за период с 1991 по 2021 гг.¹ сквозь призму комплексного анализа состояния и тенденций рождаемости населения в регионе, анализ детерминации этих тенденций, в т. ч. влияния на них мер демографической политики. Анализ ретроспективной динамики рождаемости и численности населения в Республике Тыва позволит выявить и обосновать основные вехи постсоветского периода демографического развития.

В соответствии с поставленной целью авторами на основе статистических методов (в частности оценки средних показателей уровня ряда, средних коэффициентов динамики) проводится детализированный анализ изменения основных показателей рождаемости населения в Республике Тыва; а также осуществляется сопоставление состояния рождаемости в Республике Тыва с другими регионами России и определяется место Республики Тыва среди других регионов страны в контексте взаимосвязи национальных целей и интересов: сохранения населения и достижения роста рождаемости.

Объектом исследования является демографическое развитие Республики Тыва. Предмет исследования — тенденции рождаемости населения в Республике Тыва, их детерминация.

Особенностью представленной статьи является то, что в ней использован математико-статистический инструментарий по данным Федеральной службы государственной статистики и результаты выборочных обследований в части процессов воспроизводства от общих показателей рождаемости до частных и специальных коэффициентов рождаемости; научной литературы, характеризующей демографическое развитие населения².

Обзор литературы

Согласно сформулированной в работе цели проведен обзор литературы.

А. И. Антонов, характеризуя демографическую ситуацию как в мире, так и в России в XX веке, говорит о более низких репродуктивных ориентациях новых поколений, ведущей к депопуляции территорий. Единственным приемлемым вариантом исправления сложившейся демографической ситуации ученый считает переход к мощной политике укрепления института семьи с детьми (Антонов, 1999).

По данным исследования, проведенного В. Н. Архангельским и Е. С. Зайко, изучение линий репродуктивного поведения, их различий в зависимости от тех или иных социальных и демографических характеристик служат важным индикатором потребности в детях, установки на их рождение и для оценки результативности демографической политики (Архангельский, Зайко, 2021).

А. Г. Вишневский подчеркивает, «что демографическая цель семьи определяет ее поведение главным образом в сфере рождаемости, с учетом наиболее вероятного конечного результата воспроизводства на уровне семьи. Поэтому на уровне семьи развивается не только механизм контроля над рождаемостью, но и механизм целеполагания, также учитывающий всю ситуацию в области воспроизводства населения» (Вишневский, 1976: 176).

М. В. Кармановым, О. В. Кучмаевой и О. Л. Петряковой отмечается, что в большинстве стран мира прослеживается увеличение значимости демографической компоненты и усиление ее влияния

¹ Информация за 1990 г. приводится справочно.

² Информационная база по демографическим показателям, представленным в статье, сформирована на основе источников информации: Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.09.2022); Население [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения: 18.09.2022); 3. Выбор страны или территории и периода [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическая система Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ias/ias04.php?terr=102&ind=96> (дата обращения: 18.09.2022).

(зачастую негативного) на социально-экономическое развитие общества (Карманов, Кучмаева, Петрякова, 2015). Авторы рассматривают понятие демографической безопасности и индикаторы, ее описывающие.

Л. Л. Рыбаковский отмечает, что в России вместо ежегодного естественного прироста населения с 1992 г. наступила депопуляция, т. е. отмечается естественная убыль с начала 1990-х гг., следом идут изменения не в лучшую сторону в брачно-семейной сфере. Возросла численность населения, состоящего в неформальных браках. Естественно, стало последовательно возрастать количество внебрачных рождений, вместе с этим стало сокращаться число заключенных браков и на этом фоне росло количество разводов. Негативные сдвиги затронули и другие аспекты брачно-семейных отношений, среди которых отказ от рожденных детей, сиротство и т. д. (Рыбаковский, 2015).

Исследованию демографических процессов, протекающих в Республике Тыва посвящено немало трудов, а также защищены диссертации на соискание ученых степеней¹.

С. В. Соболевой рассматривает демографическую ситуацию в Сибирском федеральном округе, в состав которого входит Тыва, и по России в целом (Soboleva, 2015). Дана характеристика демографических процессов, включая компоненты изменения численности населения, изучены главные преграды для увеличения показателей рождаемости. Автором сформулирован ориентир семейно-демографической политики страны — это семья с тремя-четырьмя детьми. По мнению С. В. Соболевой, именно многодетные семьи в нашей стране должны получить наиболее существенную экономическую и моральную поддержку.

Необходимость глубоких и всесторонних исследований взаимосвязей между демографическими и социально-экономическими факторами указывали многие исследователи. М. А. Хольшина считает, что уровень социально-демографического развития отражает результаты социальных и демографических процессов на определенной территории в конкретный момент времени, которые формируются под влиянием целого ряда факторов — политических, социально-экономических, природно-экологических (Хольшина, 2012).

Традиционное природопользование в формировании современного пространственного развития территории и связь с социально-демографической структурой населения рассмотрена С. П. Монгуш (Монгуш, 2021). В ходе изучения потенциала взаимодействия «этнос/технология-потребность/природа» с учетом механизмов традиционного природопользования в пространственном развитии малочисленных коренных народов Крайнего Севера (на примере Республики Тыва) автором выявлена низкая конкурентоспособность традиционных видов хозяйственной деятельности, уровень жизни значительной части граждан из числа малочисленных народов ниже среднероссийского, а уровень безработицы выше среднего.

Половозрастная структура городского населения Южной Сибири в 1945–2017 гг. в национальных республиках Хакасия, Тыва и Алтай рассмотрена Е. Е. Тиниковой (Тиникова, 2019ab). В ходе исследования автор выявила векторы развития возрастной и половой структур населения городов указанных республик для формирования общей картины демографического развития городского населения регионов, неравномерность распределения городского населения региона по полу и возрасту, что оказало существенное влияние на демографические процессы. Полученные различия в демографической структуре национальных республик Южной Сибири в последние годы углубляются, так как разный социально-экономический потенциал и национальный состав населения этих субъектов оказывают большое влияние на показатели рождаемости и смертности, что дает понимание перспектив развития республик в ближайшие годы.

Особенности демографического развития Тувы с позиции вклада миграции в демографический баланс изучены С. И. Абылкаликовым (Абылкаликов, 2021). В статье выявляются особенности динамики численности населения Тувы с середины XX в. по настоящее время за счет разных компонентов демографического баланса. В качестве основных методов исследования применены уравнение

¹ Проблемы и резервы снижения смертности населения Республики Тыва / Куулар Л. Ы., Аракчаа К. Д., Оюн М. Т. Кызыл : Изд-во ТувГУ, 2012. 97 с.; Демографическое развитие Дзун-Хемчикского кожууна (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) / сост. Э. А. Ондар. Кызыл: ГБУ «НИИ медико-социальных проблем и управления Республики Тыва», 2015. 56 с.

демографического баланса, который позволяет оценить соотношение между собой естественного и миграционного прироста как для всего населения, так и в городском и сельском населении по отдельности, а также анализ пожизненных миграций населения по данным информации о месте рождения и месте проживания.

Пристальное внимание ученых, изучающих демографические процессы в Республике Тыва обращено вопросам рождаемости и брачности, они освещены в следующих работах. Естественное воспроизводство населения Сибирского федерального округа и его отдельных административных территорий в период 2000–2018 гг. исследовано коллективом авторов (Филимонов, Баран, Рябов, 2019). Помимо анализа динамики рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) на 1000 населения в России, Сибирском федеральном округе и его субъектов, построены краткосрочные прогнозные модели показателей естественного воспроизводства населения и рассмотрены несколько вариантов аппроксимации рождаемости, смертности и естественного прироста (убыли) населения. Выявлено продолжение наметившейся тенденции: рождаемость в Сибирском федеральном округе будет сокращаться с параллельным ростом смертности населения, как результат — увеличение естественной убыли населения. Авторы исследования отмечают, что в ближайшие годы сдерживание депопуляции в округе возможно за счёт благоприятного соотношения рождаемости и смертности в республиках Тыва, Алтай, Бурятия и Хакасия.

М. К. Мандыт рассматривает Республику Тыва как регион устойчивого естественного прироста населения (Мандыт, 2017). На общем фоне снижения численности населения большинства регионов Сибири Республика Тыва — один из тех регионов, где число жителей практически не изменилось. Сложилось это за счет показателей естественного прироста, несмотря на миграционный отток со слабо освоенных территорий внутри республики и за ее пределы, которые и определили характер динамики численности населения. Республика Тыва продолжает сохранять относительно сбалансированную возрастную структуру населения, т. е. демографический потенциал. По мнению автора, в сложившейся ситуации приоритетной задачей становится проблема уменьшения внутреннего и внешнего миграционного оттока населения, а также разработка и реализация региональной политики возвратной миграции.

Особенности демографических процессов в столицах Калмыкии и Тувы в 2011–2020 гг. рассмотрены С. И. Абылкаликовым и Г. Р. Баймурзиной (Абылкаликов, Баймурзина, 2022). Исследователи отмечают рост интереса к демографическим процессам, происходящим на локальном — муниципальном и поселенческом уровнях и наличие проблем для проведения подобного анализа. Среди них авторы выделяют отсутствие наиболее информативных демографических индикаторов и недостаточное владение методами анализа.

Факторный анализ процессов рождаемости в северных регионах России проведен научными сотрудниками Института социально-экономических и энергетических проблем Севера КомиНЦ УрО РАН (Зырянова, Попова, 2018). В результате проведенного авторами многофакторного пространственного анализа северных регионов страны установлено, что в варианте модели, включающих статистические данные Республики Тыва, выявлена обратная связь со значениями некоторых социально-экономических показателей (площадью жилья, приходящейся в среднем на одного жителя, обеспеченностью детскими садами, обеспеченностью автомобилями). Исследователи объясняют это тем, что в Республике Тыва наблюдается высокая рождаемость и низкие значения перечисленных социально-экономических показателей. Данные итоги пространственного регрессионного анализа показывают, насколько существенной является роль этнического фактора и незавершенности перехода к малодетности коренного населения Республики Тыва, которые обуславливают сохранение высоких норм детности в регионе.

Показателям рождаемости среди молодежи как по России в целом, так и в отдельных ее регионах посвящены работы З. В. Анайбан и А. Ю. Гайфуллина (Анайбан, 2016; Гайфуллин, 2022). В результате сравнения интенсивности рождаемости среди молодежи в некоторых национальных республиках страны (Башкирия, Тува, Хакасия) авторами сформулированы различные выводы. З. В. Анайбан считает, что важным импульсом развития позитивных демографических тенденций как среди населения в целом, так и молодежи в частности, является создание необходимых условий для благоприятного социально-экономического развития региона и на этой основе эффективное решение социальных проблем, повышение уровня жизни населения. В то время как А. Ю. Гайфуллин отмечает, что несмотря на существенные различия по географическому положению, социально-экономическому развитию и

уровню человеческого потенциала в Башкирии и Туве, есть ярко выраженные общие и отличительные этнические особенности, оказывающие влияние на демографические характеристики молодежи регионов — этническая структура и численность представителей разных национальностей тесно взаимосвязаны с особенностями и перспективами социального развития территорий.

В рамках программы мониторингового социологического исследования «Демографическое самочувствие России» определены направления изменений представлений о семье, желаемой модели семьи, семейных ценностях в глазах различных поколений; обнаружении специфики происходящих процессов в исследуемой сфере в России; значимости и структуре семейной политики с точки зрения представителей различных поколений (Ростовская, Кучмаева, 2020).

Различные аспекты демографического развития общества Тувы (депопуляция, репродуктивное поведение, демографическая безопасность, демографическая политика) остаются в поле внимания исследователей на протяжении десятилетий. Вопросам демографических процессов в Туве и сравнительного анализа с рядом национальных республик страны, выявлению особенностей демографических процессов в городах Южной Сибири посвящены работы отечественных ученых за последнее десятилетие.

Несмотря на наличие широкого круга научных исследований, посвященных демографическим процессам, работ, раскрывающих особенности рождаемости в Республике Тыва в постсоветский период еще не выпускалось.

Общий коэффициент рождаемости населения

На протяжении анализируемого более 30-летнего периода времени Республика Тыва по состоянию естественных демографических параметров характеризовалась естественным приростом — пропорции рождаемости всегда были выше значений смертности. При этом обращает на себя внимание тот факт, что интенсивность в течение анализируемого временного отрезка существенно отличается.

Имея наиболее высокое значение коэффициента естественного прироста населения Тувы среди всего населения характерное для 1990 г. и равное 17,7‰, в историю современной России регион входит с существенно более низким значением показателя: в 1991 г. уровень естественного прироста составляет 14,4‰. Именно с 1991 г. в динамике естественных демографических параметров, характеризующих Республику Тыва, целесообразно выделить первую фазу развития — *стагнация*, которая завершается в 2006 г. Численность населения Республики Тыва на 1 января 1991 г. составляла 304 тыс. человек, на конец 2006 г. — 302,4 тыс. человек. Существенных скачков в динамике численности населения региона в этот период не зафиксировано: значения ежегодных темпов прироста/убыли не превышали 1%, размах вариации составил 7 тыс. человек. Данная динамика численности населения обосновывается существенным замедлением естественного прироста населения на протяжении первых анализируемых десяти лет до уровней, зафиксированных на стыке тысячелетия — 2,5‰ в 1999 г. и 2,3‰ в 2000 г. При этом наибольший вклад в естественный прирост Тувы оказывает сельское население: так за период с 1991 по 2006 гг. (включительно) средний уровень рождаемости в селе составлял 21,2‰, в городе — 16,8‰. Уровень рождаемости по населению Республики Тыва в «фазу стагнации» колеблется от максимального значения, равного 23,9‰ (1991 г.), до минимально — 15,9‰ (2000 г.), при этом с 2000 г. он на протяжении трех лет постепенно ежегодно увеличивается до 20,5‰ (2003 г.), но последующие три года незначительно снижается и к 2006 г. достигает уровня 19,3‰ (*диаграмма 1*).

В период с 1 января 2007 по 1 января 2022 гг. фиксируется ежегодный рост численности населения региона (с 302,4 тыс. до 332,6 тыс. чел.). Сокращение численности населения региона, наблюдаемое в последние годы фазы стагнации (в частности фиксируемое сокращение численности населения на 0,18% с 1 января 2006 по 1 января 2007 гг.) было переломлено благодаря резкому увеличению в 2007 г. уровня рождаемости: на 29,5% по всему населению региона; на 29,7% — по городскому; на 29,3% — по сельскому.

Указанный рост обозначил вторую фазу демографического развития *фазу роста* (2007–2021 гг.). Коэффициента естественного прироста населения Тувы во временной отрезок фазы роста не опускается ниже 10‰, хотя интенсивность прироста не всегда нисходящая. Последние два года демографических потерь из-за COVID-19 не переломили ситуацию: коэффициент естественного прироста в 2020 г. составлял 10,8‰; в 2021 г. — 10,9‰ (хотя, следует отметить, что в 2020 г. фиксируется рост смертности населения в сравнении с 2019 г. с 8,3‰ до 9,4‰ при увеличении рождаемости, в то время как в 2021 г.

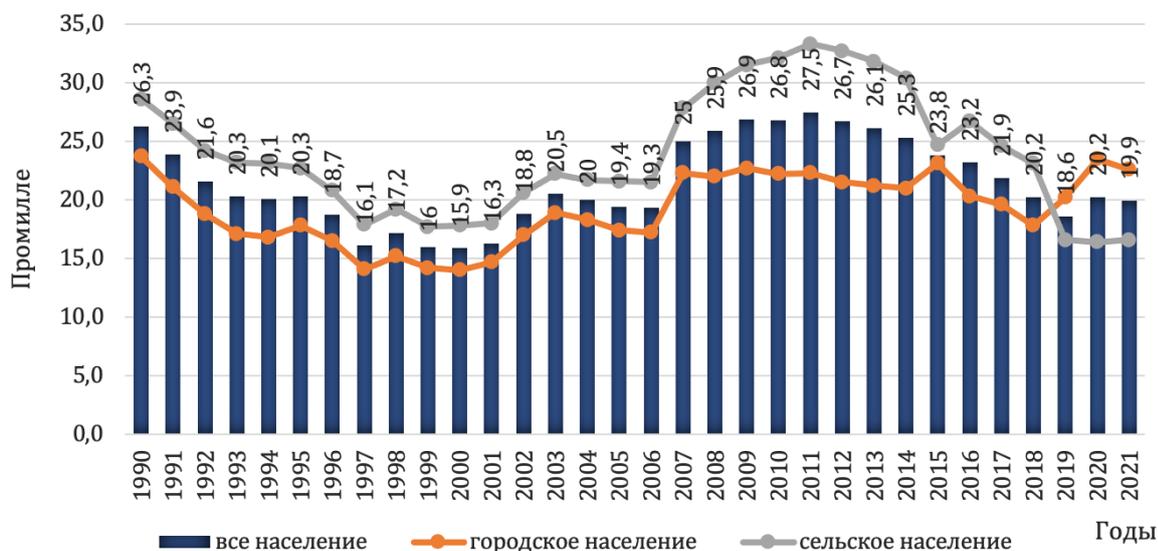

Диаграмма 1. Динамика общего коэффициента рождаемости населения Республики Тыва в период 1990–2021 гг., ‰¹
 Diagram 1. Dynamics of the general fertility rate of the population of the Republic of Tuva in 1990–2021, ‰

уровень смертности немного снизился — до 9,0‰ и при этом также незначительно сократился общий коэффициент рождаемости: с 20,2‰ в 2020 г. до 19,9‰ в 2021 г.).

Отличительной особенностью анализируемого периода фазы роста являются 2015 г. и в три последних года (2019, 2020 и 2021 гг.), в которых значения коэффициента естественного прироста населения в городе становится выше нежели на селе. При этом, если в 2015 г. уровень естественного прироста горожан выше селян за счет более низкой смертности в городе, то в 2019–2021 гг. впервые фиксируется превышение рождаемости в городском населении над сельским (диаграмма 1).

Критики могут оппонировать авторам в отношении выделения двух основных фазах, говоря о том, что в Республике Тыва в 2014 г. зафиксирован общий коэффициент рождаемости ниже уровня 2007 г. и наблюдается дальнейшее сокращение показателя, что, казалось бы, предопределяет выявление этапа спада. Однако, на наш взгляд, судить о фазах развития рождаемости и естественных демографических процессов не представляется возможным без оценки динамики базового показателя, релевантно характеризующего уровень рождаемости (элиминирующего влияние пола и возраста) — суммарного коэффициента рождаемости. Именно этот индикатор в аспекте рождаемости определен в качестве результативного параметра в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.², а также, по мнению ведущих демографов современности, является одним из основных параметров демографической безопасности (Алешковский, 2012; Карманов, Кучмаева, Петрякова, 2015; Рыбаковский, 2014).

Суммарный коэффициент рождаемости

Ретроспективная динамика суммарного коэффициента рождаемости в Республике Тыва в период с 1990 по 2021 год представлена на диаграмме 2.

¹ Составлено авторами по данным: Население [Электронный ресурс] // Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения: 30.08.2022).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 30.08.2022).

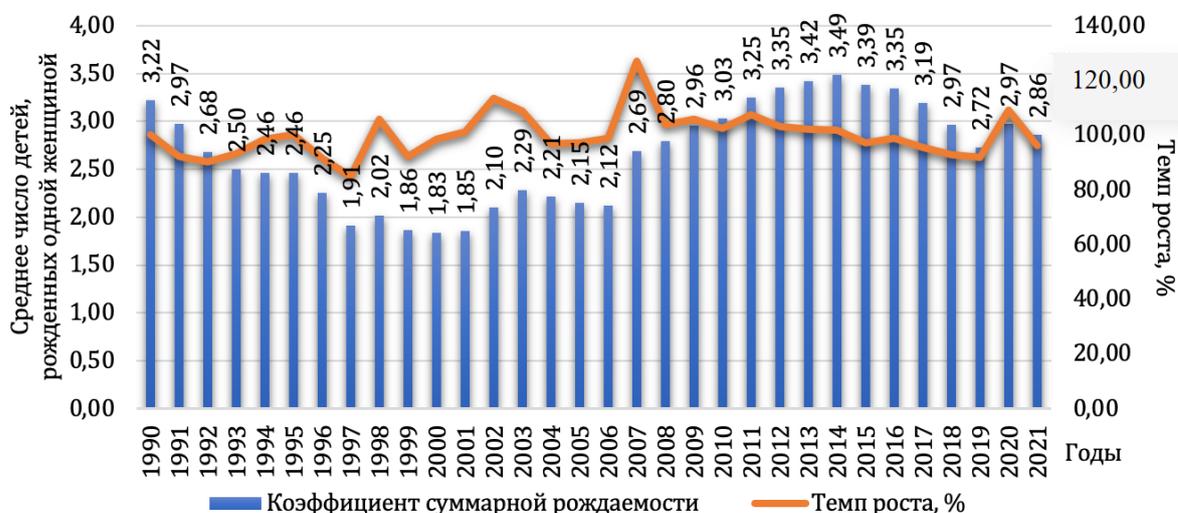

Диаграмма 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Республике Тыва в 1990–2021 гг.
Diagram 2. Dynamics of the total fertility rate in the Republic of Tuva in 1990–2021.

Оценка изменений суммарного коэффициента рождаемости позволяет также выделить две основные фазы в развитии:

– 1991–2006 гг.: среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости за 16 лет составило 2,23; при этом, несмотря на имеющиеся существенные колебания коэффициента внутри периода, в среднем ежегодно показатель сокращался на 2,22 %.

В «фазу стагнации» в регионе наблюдались довольно серьезные изменения в динамике суммарного коэффициента рождаемости: в 1991 г. среднее число детей на одну женщину составляло 2,97 (расширенное воспроизводство населения), к 2000 г. показатель сокращается на 31,6% до уровня 1,83 (суженное воспроизводство, минимум за рассматриваемый 30-летний период), к 2003 г. он возрастает до 2,29 и к 2006 несущественно снижается до 2,12 (в границах простого воспроизводства населения). Рейтингование субъектов России по суммарному коэффициенту рождаемости в рассматриваемый период показало, что лидирующее положение Республика Тыва занимала только в 1991 и 1992 гг., при этом регион находился в пятерке лидеров почти всегда, исключение составляет 1999 г., когда Тыва по показателю заняла 6 место;

– 2007–2021 гг.: среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости за 15 лет составило 3,10; показатель в среднем ежегодно увеличивался на 0,44% и, несмотря на имеющиеся снижения внутри периода, ни разу не упал до уровня 2007 г., что является доказательной базой для обоснования правильности выбранного временного отрезка как «фазы роста»; однако детализация данного временного интервала по мнению авторов считается уместной и определяется выделением следующих периодов:

– 2007–2010 гг. (определяется эффектом роста рождаемости и численности населения под влиянием федеральных мер демографической политики¹): среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости за 4 года составило 2,87; в среднем ежегодно показатель увеличивался на 3,99%.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 03.11.2022).

С 2006 г. в России стали предприниматься меры активной демографической политики, подкрепляемой финансовыми ресурсами. Основная мера была предложена Президентом в 2006 г. в Послании Федеральному Собранию¹ — «материнский капитал». Данная стратегическая инициатива вызвала репродуктивное оживление в стране и ее регионах, и уже в 2007 г. в Республике Тыва суммарный коэффициент рождаемости в сравнении с 2006 г. вырос на 26,9% и далее фиксировалось его ежегодное увеличение. Однако, в период с 2009 по 2010 гг. интенсивность роста суммарного коэффициента рождаемости заметно уменьшилась и составила лишь 2,4%. В 2010 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 3,03 ребенка на одну женщину;

— 2011 – 2021 гг. (детерминируется совокупностью федеральных и региональных мер², направленных на рост рождаемости и увеличения численности населения): среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости за 11 лет составило 3,18; внутри периода наблюдаются значимые скачки роста (за 2011 г. увеличение на 7,33%; за 2020 г. — на 9,07 %) и падения (за 2018 г. уменьшение на 7,11%, за 2019 г. — на 8,19 %) коэффициента, максимальное значение фиксировалось в 2014 г. (3,485), однако к 2021 г. заметно снижение суммарного коэффициента рождаемости до уровня рождаемости равного 2,861 ребенка в среднем на одну женщину (среднее ежегодное сокращение показателя за период составляло 1,26 %).

Представленные изменения, обоснованные проводимой активной демографической государственной политики, позволили укрепить позиции Республики Тыва в рейтинге регионов Российской Федерации по суммарному коэффициенту рождаемости.

Диаграмма рассеяния значений суммарного коэффициента рождаемости по регионам России представляет собой график, отображающий медианное значение показателя среди субъектов страны, среднее арифметическое, нижний и верхний квартили (нижняя и верхняя границы нормальности), минимальное и максимальное значение и выбросы (аномалии). В 2021 г. 50% всех регионов характеризовались значениями суммарного коэффициента рождаемости в пределах от 1,280 до 1,556, это границы $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$ квартилей, но если смотреть по максимальному и минимальному значению, то границы, в которых распределены значения показателя по регионам, находятся в области от 1,062 до 1,946. Значения суммарного коэффициента рождаемости для Чеченской Республики и Республики Тыва являются аномальными среди 85 субъектов России. Чеченская Республика и Республика Тыва в рейтинге регионов по суммарному коэффициенту рождаемости занимают соответственно 1 и 2 место и характеризуются расширенным воспроизводством населения, что в целом не характерно для субъектов нашей страны.

Среди основных факторов, влияющих на рождаемость в Республике Тыва (помимо сложившихся матримонильных установок, существующих традиций), следует особое внимание уделить государственной поддержке семей с детьми. В 2021 г. в Республике Тыва при среднедушевых денежных доходах, составляющих 25 тыс. 683 руб. в месяц, средний размер регулярной (ежемесячной) денежной выплаты, предоставляемой получателям при рождении третьего и последующих детей за счет средств консолидированного бюджета региона, составил рублей 12 тыс. 509 руб. в месяц на одного получателя (около 50 % от среднедушевого дохода).

Введенный материнский капитал и меры социальной поддержки, предоставляемые при рождении третьего и последующих детей, для регионов, жители которых имеют существенно низкие доходы, представляют осязаемое «подспорье» в борьбе с бедностью (80,8 % малоимущего населения составили в 2020 г. семьи с детьми³).

¹ Послание Президента Российской Федерации от 10.05.2006 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/23819/page/1> (дата обращения: 03.11.2022).

² Верховным Хуралом (парламентом) Республики Тыва в 2011 г. принимается Закон №937 ВХ-1 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий семей в Республике Тыва», на основании которого в качестве дополнительной меры социальной поддержки отдельных категорий семей в Республике Тыва, имеющих детей, был установлен региональный материнский капитал [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/28713999/> (дата обращения: 03.11.2022).

³ Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. Росстат, 2021 [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13212> (дата обращения: 03.11.2022).

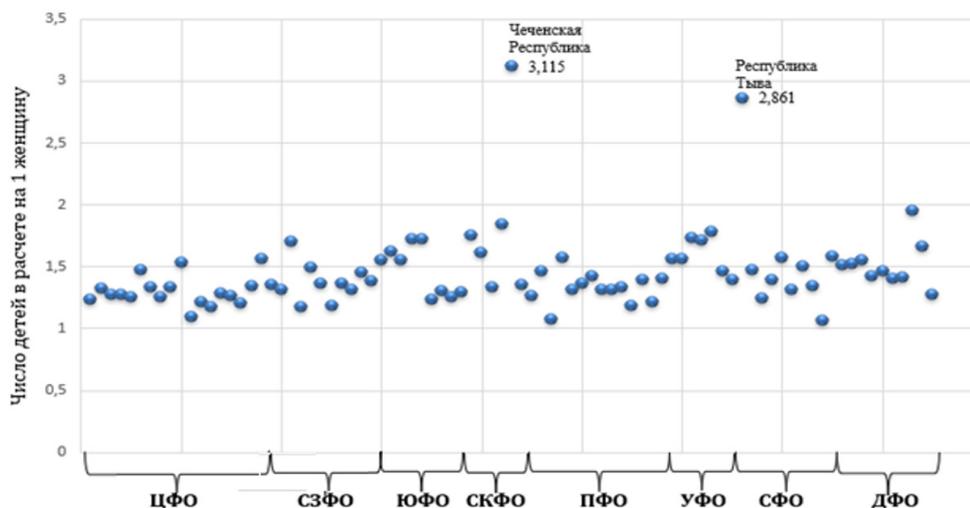

Диаграмма 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Республике Тыва в 1990–2021 гг.¹
 Diagram 3. Dynamics of the total fertility rate in the Republic of Tuva in 1990–2021.

Социальные меры поддержки оказывают различное влияние на рождаемость в городе и селе, что определяет важность рассмотрения различий в динамике суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения (диаграмма 3).

Характеризуя особенности рождаемости городского и сельского населения Республики Тыва, следует особо отметить значения коэффициента на селе — на протяжении всего рассматриваемого периода он выше необходимого минимума для обеспечения простого (естественного) воспроизводства.

В период 2010–2017 гг. разрыв в значениях суммарного коэффициента рождаемости между сельским и городским населением Республики Тыва существенно возрос. Значения показателя, характерные для сельского населения колеблются от 3,9 до 6,78 деторождений в среднем на одну женщину репродуктивного возраста, что практически в два раза выше значений, характерных для городского населения.

Возрастные коэффициенты рождаемости

Анализ возрастных коэффициентов рождаемости в динамике дает представление о происходящих изменениях в распределении репродуктивного поведения женщин, реализации их фертильности. Возрастные коэффициенты рождаемости в Республике Тыва представлена по 5-летним возрастным группам в рамках фертильного возраста (диаграмма 4).

За исследуемый отрезок времени произошли некоторые изменения. Во-первых, наблюдается снижение интенсивности рождаемости. Пиковые значения зафиксированы в 1990 г. и характерны для возрастного интервала 20–24 года — 243,6%. По наибольшим значениям уровней возрастных коэффициентов рождаемости в Республике Тыва среди анализируемых периодов за 1990 г. следует 2011 г., в этом году максимум деторождений присущ той же группе женщин — 212% (год начала второй фазы роста). Во-вторых, самые низкие значения коэффициентов характерны для 2006 г. (последний год фазы стагнации) — они колеблется от 0,5 % (45–49 лет) до 143% (20–24 лет). В-третьих, со временем, к 2021 г., заметна общероссийская и общемировая тенденция — реализация отсроченной рождаемости.

¹ Составлено авторами по данным: Население [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения: 30.08.2022).

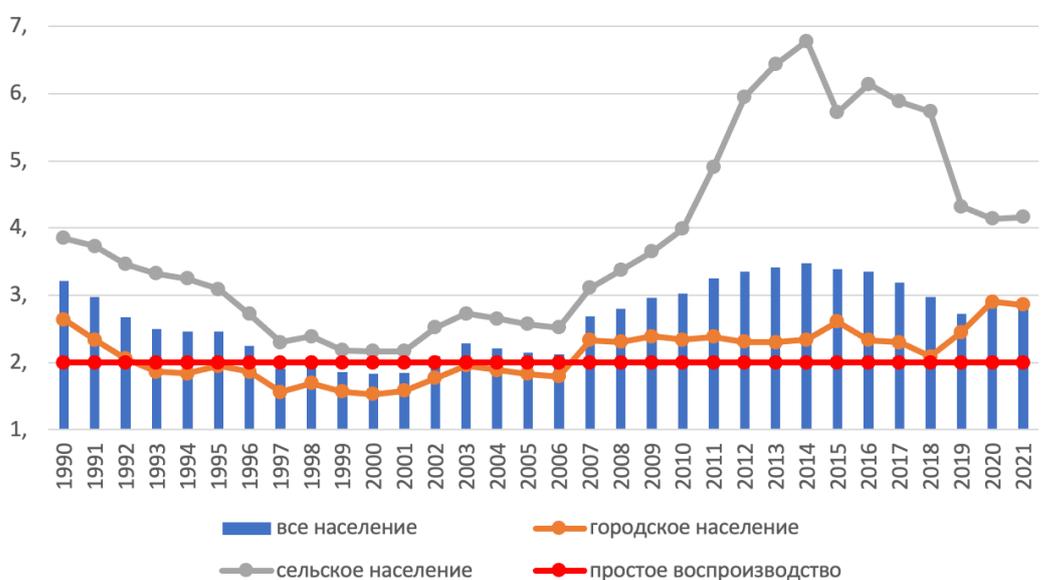

Диаграмма 4. Возрастные коэффициенты рождаемости в Республике Тыва в 1990, 2006, 2011 и 2021 гг, %¹.
 Diagram 4. Age-related fertility rates in the Republic of Tuva in 1990, 2006, 2011, 2021, %.

Пиковые значения в Тыве в 2021 г. зафиксированы в возрастной когорте 25–29 лет — 166,7%.

В целом, анализ возрастной рождаемости определил смещение от максимальной интенсивности деторождений от возраста 20-24 года к возрасту 25–29 лет, что говорит о начале старения рождаемости в регионе. Отметим, что это общероссийская тенденция, однако для населения России характерна регрессивная возрастная структура, в то время как для населения Республики Тыва — прогрессивное (молодое): доля детей (до 15 лет) в населении равна 34,1%; доля лиц трудоспособного возраста — 54,7 %; доля старше трудоспособных — 11,2 %. Сокращение рождаемости в возрасте 20–24 года можно увязать с выявленными тенденциями увеличения возраста вступления в брак (сокращающаяся доля браков, заключаемых в возрасте 18–24 года, по мужчинам она сократилась с 36,25% в 2010 г. до 15,48% в 2021 г. (в 2,3 раза), по женщинам соответственно с 42,23% до 21,05% (в 2 раза) — это привело к увеличению возрастов как женихов, так и невест), что может привести к серьезным последствиям в изменении воспроизводства населения, так как откладываемые браки влекут рождение детей в более позднем возрасте.

Оценка влияния факторов на рождаемость в Тыве в 2011 и 2021 гг.

Проанализированная динамика рождаемости определяет интерес к оценке влияния факторов: интенсивности деторождений женщин фертильного возраста и структурного фактора (изменений доли женщин фертильного возраста в населении). Для решения указанной практической задачи применим метод индексного анализа. Апробацию индексной модели осуществим на данных за 2011 г., в котором фиксировался максимальный общий коэффициент рождаемости за период «фазы роста», и отчетного периода — 2021 г.

Обозначим общий коэффициент рождаемости через $n = \frac{N}{S} * 1000$;

долю женщин репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет) в общей численности населения — d_w ;

специальный коэффициент рождаемости – уровень рождаемости женщин в репродуктивном возрасте — $F = \frac{N}{W_{15-49}} * 1000$:

$$n = F * d_w (1)F$$

¹ Составлено авторами по данным: там же.

Исходя из этого можно вывести следующую взаимосвязь:

$$J_{\text{переменного_состава}} = \frac{n^1}{n^0} = \frac{(F^1 * d_w^1)}{(F^0 * d_w^0)} = \frac{(F^1 * d_w^1)}{(F^0 * d_w^1)} * \frac{(F^0 * d_w^1)}{(F^0 * d_w^0)} = J_{\text{постоянного_состава}} * J_{\text{структурных_сдвигов}} \quad (2),$$

где

n^0	– общий коэффициент рождаемости в 2011 г. (27,5‰)
n^1	– общий коэффициент рождаемости в 2021 г. (19,9‰)
d_w^0	– доля женщин репродуктивного возраста в населении в 2006 г. (27,89%)
d_w^1	– доля женщин репродуктивного возраста в населении в 2021 г. (24,34 %)
F^0	– специальный коэффициент рождаемости в 2011 г. (97,2‰)
F^1	– специальный коэффициент рождаемости в 2021 г. (81,7‰)

Первый сомножитель в правой части приведенной 2 формулы измеряет вклад в динамику общего коэффициента рождаемости от изменения уровня рождаемости женщин репродуктивного возраста, а второй — от изменения доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения.

$$J_{\text{переменного_состава}} = 0,72 = 0,84 * 0,86$$

Исходя из индексной модели сокращение общего коэффициента рождаемости за период с 2011 по 2021 гг. на 28 % продиктовано как уменьшением к 2021 г. интенсивности деторождений у женщин (на 16 %), так и сокращением доли женщин репродуктивного возраста в населении (на 14 %).

Анализ рождаемости по возрасту матери и очередности рождения в 2018–2021 гг.

В качестве дополнения к проводимому анализу рождаемости в Туве, рассмотрим динамику числа родившихся по возрасту матери и очередности рождения в период с 2018 года по 2021 год (табл. 1).

Таблица 1. Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения в Республике Тыва в период с 2018 по 2021 г., чел.¹

Table 1. The number of births by the age of the mother and the order of birth in the Republic of Tuva from 2018 to 2021, number of people

Годы	Очередность рождения	Возрастные интервалы, лет									Всего
		до 15	15-17	18-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	
2018	1	1	86	271	727	340	125	45	6	2	1603
	2	0	3	64	630	801	371	136	30	1	2036
	3	0	0	4	170	571	643	278	59	1	1726
	4	0	0	0	36	196	274	190	46	3	745
	5 и более	0	0	0	5	60	150	149	58	1	423
	Всего	1	89	339	1568	1970	1563	800	199	8	6537

¹ Составлено авторами по данным: Население [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения 30.08.2022).

Годы	Очередность рождения	Возрастные интервалы, лет									Всего
		до 15	15-17	18-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	
2019	1	1	103	223	674	352	147	28	7	0	1536
	2	0	7	43	537	679	347	134	28	1	1776
	3	0	0	4	148	509	595	278	52	2	1588
	4	0	0	0	29	180	257	183	47	2	698
	5 и более	0	0	0	2	55	174	152	60	5	448
	Всего	1	110	270	1390	1775	1520	775	194	10	6046
2020	1	0	99	285	692	315	116	29	7	0	1543
	2	0	4	42	477	671	358	129	22	0	1703
	3	0	0	3	164	610	756	342	53	1	1929
	4	0	0	0	42	184	387	264	67	2	946
	5 и более	0	0	0	0	61	213	184	69	0	527
	Всего	0	103	330	1375	1844	1832	948	219	3	6654
2021	1	4	95	325	655	318	86	34	10	0	1527
	2	0	4	39	478	667	360	107	28	0	1684
	3	0	0	3	147	571	710	348	59	2	1840
	4	0	0	0	29	171	399	293	66	2	960
	5 и более	0	0	0	5	76	206	214	78	1	580
	Всего	4	99	368	1315	1803	1761	996	241	5	6593

Изучение динамики числа родившихся по возрасту матери и очередности рождения в Туве за период 2018–2021 гг. выявил ряд особенностей республики.

Во-первых, реализация репродуктивных функций женщин Республики Тыва происходит достаточно рано, единичные случаи рождения зафиксированы в возрасте до 15 лет, в рассматриваемом отрезке времени до 100 детей рождены женщинами в интервале 15–17 лет. Максимальные значения рождения первого ребенка присущи возрастной когорте 20–24 лет.

Во-вторых, региону присуще следующее: после рождения первого ребенка тувинки достаточно быстро готовы к рождению последующих детей. Согласно данным Росстата, уже в интервале 15–17 лет в период 2018–2021 гг. жительницы Тувы рожают второго ребенка. Своего пика вторые рождения достигают в интервале 25–29 лет.

В-третьих, в более старших возрастных интервалах (40 и более лет) рождение первых и вторых детей зафиксировано значительно реже нежели четвертых и более. Таким образом, тувинки, нацелен-

ные на многодетные семьи, рождают и в более старших возрастных группах. Пик рождений четвертых и более детей характерно для возрастных когорт 30–34 года и 35–39 лет. При этом в 2020 г. и 2021 г. по сравнению с 2018 г. и 2019 г. рассматриваемый показатель вырос в 1,5 раза.

Заключение

Реализованный в статье комплексный подход определения специфики демографического развития Республики Тыва с использованием специальных методов расчета и анализа состояния и тенденций рождаемости выявил следующее.

В ходе изучения теоретических аспектов и категориального аппарата, используемого в сфере анализа рождаемости населения, а также методологических подходов к оценке состояния и динамики рождаемости, факторов, влияющих на репродуктивные установки общества выявлен широкий круг научных трудов. Однако несмотря на серьезный имеющийся опыт в отечественной науке и практике в области анализа брачности и рождаемости населения, проведенных работ явно недостаточно для полной, релевантной оценки демографического развития регионов, чем обоснована значимость результатов проведенного исследования.

В статье представлен детализированный анализ рождаемости, позволивший сделать как несколько положительных заключений, так и выявить проблемы дальнейшего демографического развития. В качестве фактически достигнутых благоприятных аспектов обозначим следующие:

- во-первых, Республика Тыва является регионом России, характеризующимся с 2007 г. по настоящее время расширенным воспроизводством населения;
- во-вторых, Республика Тыва, несмотря на то что в конце 1990-х — начале 2000-х по значениям суммарного коэффициента рождаемости занимала 4–6 место среди регионов России, с 2006 г. укрепила свои позиции став одним из лидеров по регионам (еще один лидер — Чеченская Республика) с серьезным отрывом от остальных субъектов страны.

Указанное в том числе явилось основанием выделения двух этапов демографического развития региона: фазы стагнации (1991–2006 гг.) и фазы роста (2007–2021 гг.). При этом «фаза роста» разбита на периоды: 2007–2010 гг., характеризующейся эффектом роста рождаемости и численности населения под влиянием федеральных мер демографической политики; 2011–2021 гг., который детерминируется совокупностью федеральных и региональных мер, направленных на рост рождаемости и увеличения численности населения Республике Тыва.

Несмотря на положительную общую картину с рождаемостью, нельзя не говорить о тенденциях, вызывающих серьезные опасения за дальнейшее демографическое развитие региона. Сегодня в населении Республики Тыва фиксируются негативные тенденции — повышается модальное значение возрастных коэффициентов рождаемости (иными словами: рождаемость встала на рельсы старения). За последнее десятилетие (с 2011 по 2021 гг.) общий коэффициент рождаемости сократился на 28%: на 16% за счет уменьшения интенсивности деторождений у женщин и на 14% за счет сокращения доли женщин репродуктивного возраста в населении. В этой связи требуются как нарастающая материальная поддержка семьям, так и активная политика в области сохранения в Республике культуры семейных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Алешковский, И. А. (2012) Демографический кризис как угроза национальной безопасности России // Век глобализации. № 2 (10). С. 96–114.
- Анайбан, З. В. (2016) Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. № 2. С. 90–104.
- Антонов, А. И. (1999) Демографическое будущее России: депопуляция. Навсегда? // Социологические исследования. № 3. С. 80–87.

Архангельский, В. Н., Зайко, Е. С. (2021) Линии репродуктивного поведения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 29. № S2. С. 1374–1380. DOI: <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380>

Вишневский, А. Г. (1976) Демографическая революция. М. : Статистика. 211 с.

Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Зырянова, М. А., Попова, М. А. (2018) Факторный анализ процессов рождаемости в северных регионах России // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3 (59). С. 111–121. DOI: <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.111-121>

Карманов, М. В., Кучмаева, О. В., Петрякова, О. Л. (2015) Демографическая безопасность: теория, методология, оценка // Статистика и экономика. № 4. С. 123–128. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-4-123-128>

Мандыт, М. К. (2017) Республика Тыва как регион устойчивого естественного прироста населения // Успехи современного естествознания. № 7. С. 91–95.

Монгуш, С. П. (2021) Экономика народонаселения и демография. Традиционное природопользование в формировании современного пространственного развития территории (на примере Республики Тыва) // Актуальные вопросы современной экономики. № 11. С. 692–705. DOI: <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054>

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В. (2020) Концептуальные подходы к проведению Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» как инструменту мониторинга результативности демографической политики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 13. № 3. С. 89–99. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-3-89-99>

Рыбаковский, Л. Л. (2014) 20 лет депопуляции в России. М. : ИСПИ РАН. 231 с.

Рыбаковский, Л. Л. (2015) Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. № 9. С. 62–70.

Соболева, С. В. (2015) Демографическая ситуация в Сибири в контексте общероссийских тенденций // Regional Research of Russia. Vol. 5. P. 154–162. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970515020100>

Тиникова, Е. Е. (2019a) Половозрастная структура населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI в. // Genesis: исторические исследования. № 2. С. 74–87. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163>

Тиникова, Е. Е. (2019b) Брачность и разводимость населения городов Южной Сибири в середине XX — начале XXI в. // Genesis: исторические исследования. № 9. С. 81–92. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599>

Филимонов, С. Н., Баран, О. И., Рябов, В. А. (2019) Естественное воспроизводство населения Сибирского федерального округа в начале второй волны депопуляции (особенности и прогноз) // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 63. № 3. С. 116–121. DOI: <http://doi.org/10.18821/0044-197X-2019-63-3-116-121>

Хольшина, М. А. (2012) Анализ взаимосвязей демографического и социально-экономического развития в Республике Тыва // География и природные ресурсы. № 2. С. 104–108.

Soboleva, S. V. (2015) Demographic situation in Siberia in the context of nationwide trends // Regional Research of Russia. Vol. 5. No. 2. P. 154–162. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970515020100>

Дата поступления: 06.11.2022 г.

Дата принятия: 02.02.2023 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Aleshkovskii, I. A. (2012) Demograficheskii krizis kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii [Demographic crisis as a threat to Russia's national security]. *Vek globalizatsii*, no. 2 (10), pp. 96–114. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2016) Sovremennye etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhnykh grupp Tuvy i Khakasii [Contemporary ethnodemography of youth in Tuva and Khakassia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 90–104. (In Russ.).

Antonov, A. I. (1999) Demograficheskoe budushchee Rossii: depopulatsiia. Navsegda? [Demographic future of Russia: Depopulation. For evermore?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 80–87. (In Russ.).

Arkhangelskiy, V. N. and Zayko, E. S. (2021) Linii reproduktivnogo povedeniia [Lines of reproductive behavior]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, vol. 29, no. s2, pp. 1374–1380. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s2-1374-1380>

Vishnevskii, A. G. (1976) *Demograficheskaiia revoliutsiia [Demographic revolution]*. Moscow, Statistika. 211 p. (In Russ.).

Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethno-demographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Zyryanova, M. A. and Popova, M. A. (2018) Faktornyi analiz protsessov rozhdaiemosti v severnykh regionakh Rossii [Factor analysis of birth rate processes in Russian northern regions]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka*, no. 3 (59), pp. 111–121. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X.3.2018.59.111-121>

Karmanov, M. V., Kuchmaeva, O. V. and Petrjakova, O. L. (2015) Demograficheskaiia bezopasnost': teoriia, metodologiya, otsenka [Demographic security: Theory, methodology, evaluation]. *Statistics and Economics*, no. 4, pp. 123–128. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-4-123-128>

Mandyt, M. K. (2017) Respublika Tyva kak region ustoichivogo estestvennogo prirosta naseleniia [The Republic of Tuva as a region of sustainable natural population growth]. *Uspekhi sovremenno estestvoznaniia*, no. 7, pp. 91–95. (In Russ.).

Mongush, S. P. (2021) Ekonomika narodonaseleniia i demografiia. Traditsionnoe prirodopol'zovanie v formirovanii sovremenno prostranstvennogo razvitiia territorii (na primere Respubliki Tyva) [Population economics and demography. Traditional nature management in the formation of modern spatial development of the territory (the case of the Republic of Tuva)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki*, no. 11, pp. 692–705. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.40.20.054>

Rostovskaya, T. K. and Kuchmaeva, O. V. (2020) Kontseptual'nye podkhody k provedeniiu Vserossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniia «Demograficheskoe samochuvstvie Rossii» kak instrumentu monitoringa rezul'tativnosti demograficheskoi politiki [Conceptual approaches to conducting the All-Russian sociological study “Demographic Well-being of Russia” as a tool for monitoring the effectiveness of demographic policy]. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, vol. 13, no. 3, pp. 89–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-3-89-99>

Rybakovskii, L. L. (2014) *20 let depopulatsii v Rossii [20 years of depopulation in Russia]*. Moscow, Institute of Socio-Political Research of the RAS. 231 p. (In Russ.).

Rybakovskii, L. L. (2015) Kontseptsii demograficheskoi politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovaniia [The concept of demographic policy of Russia: Development experience and ways of improving]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9 (377), pp. 62–70. (In Russ.).

Tinikova, E. E. (2019a) Polovozrastnaia struktura naseleniia gorodov Iuzhnoi Sibiri v seredine XX — nachale XXI v. [Gender and age structure of the population of the cities in Southern Siberia in the mid-20th — early 21st century]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 74–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.2.29163>

Tinikova, E. E. (2019b) Brachnost' i razvodimost' naseleniia gorodov Iuzhnoi Sibiri v seredine XX — nachale XXI vv. [Marriage and divorce rates among the population of the cities in Southern Siberia in the mid-20th — early 21st century]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 81–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.9.30599>

Filimonov, S. N., Baran, O. I. and Ryabov, V. A. (2019) Estestvennoe vosproizvodstvo naseleniia Sibirskogo federal'nogo okruga v nachale vtoroi volny depopulatsii (osobennosti i prognoz) [Natural reproduction of the population of the Siberian Federal District at the beginning of the second wave of depopulation (peculiarities and prediction)]. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii*, vol. 63, no. 3, pp. 116–121. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.18821/0044-197X-2019-63-3-116-121>

Khol'shina, M. A. (2012) Analiz vzaimosviazei demograficheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia v Respublike Tyva [Analysis of the interrelations of demographic and socio-economic development in the Republic of Tuva]. *Geografiia i prirodnye resursy*, no. 2, pp. 104–108. (In Russ.).

Soboleva, S. V. (2015) Demographic situation in Siberia in the context of nationwide trends. *Regional Research of Russia*, vol. 5, no. 2, pp. 154–162. DOI: <https://doi.org/10.1134/S2079970515020100>

Submission date: 06.11.2022.

Acceptance date: 02.02.2023.

Предотвратимая смертность в Республике Тува и влияние на неё пандемии COVID-19

Тамара П. Сабгайда

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения РФ, Российская Федерация,

Сергей Г. Руднев

Институт вычислительной математики имени Г. И. Марчука Российской академии наук, Российская Федерация,

Александр В. Зубко

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ, Российская Федерация,

Галина Н. Евдокушкина

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская Федерация

В статье оцениваются тенденции и факторы предотвратимой смертности в Республике Тыва, сформулированы предложения по сокращению смертности и росту продолжительности жизни. Используются данные Росстата о смертности в Республике Тыва и в Российской Федерации в период пандемии COVID-19 и до ее начала, а также данные биоимпедансометрии Центра здоровья Республики Тыва.

Используется список предотвратимых причин смерти, сгруппированных по уровням профилактики, что позволяет выявлять наиболее актуальные направления: проблемы, связанные с условиями и образом жизни населения, проблемы раннего выявления и своевременного лечения онкологических заболеваний, проблемы качества оказания медицинской помощи при лечении заболеваний социально значимых заболеваний. Распространенность нутритивных факторов риска развития хронических заболеваний в обследованной выборке лиц в возрасте от 18 лет и старше (свыше 5000 человек) оценена по данным физического развития.

Группой риска в Республике Тыва признана молодежь. Если для юношей наиболее актуальным методом снижения смертности является первичная профилактика, то для девушек — раннее выявление злокачественных заболеваний и качество оказания медицинской помощи.

Результаты исследования показали, что COVID-19 нанес сравнительно меньший демографический урон республике, чем многим другим территориям нашей страны.

Ключевые слова: здоровье населения; предотвратимая смертность; COVID-19; центр здоровья; индекс массы тела; Республика Тыва

Для цитирования:

Сабгайда Т. П., Руднев С. Г., Зубко А. В., Евдокушкина Г. Н. Предотвратимая смертность в Республике Тыва и влияние на неё пандемии COVID-19 // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 50-69. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.4>

Сабгайда Тамара Павловна — доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; главный научный сотрудник отдела общественного здоровья и демографии Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; 127254, Россия, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 11. E-mail: tsabgaida@mail.ru

Руднев Сергей Геннадьевич — кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института вычислительной математики имени Г. И. Марчука Российской академии наук. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Губкина, д. 8. E-mail: rdnv2019@yandex.ru

Зубко Александр Владимирович — кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник отдела здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; ведущий научный сотрудник отдела общественного здоровья и демографии Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения Российской Федерации. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; 127254, Россия, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 11. Эл. адрес: zalexandrae@gmail.com

Евдокушкина Галина Николаевна — старший научный сотрудник отдела здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, улица Фотиевой, дом 6, корпус 1. Эл. адрес: evdok@mednet.ru

Preventable mortality in the Republic of Tuva and the impact of the COVID-19 pandemic on it

Tamara P. Sabgaida

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS;
Russian Research Institute of Health of the Ministry of Health of the RF, Russian Federation,*

Sergey G. Rudnev

Marchuk Institute of Numerical Mathematics of the RAS, Russian Federation,

Aleksandr V. Zubko

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS;
Russian Research Institute of Health of the Ministry of Health of the RF, Russian Federation,*

Galina N. Evdokushkina

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Russian Federation*

The article evaluates the trends and factors of preventable mortality in the Republic of Tuva. We formulate proposals to reduce mortality and increase life expectancy. The authors used the Federal State Statistics Service data on mortality in the Republic of Tuva and in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic and before its onset, as well as bioimpedance monitoring data from the Health Center of the Republic of Tuva.

We used a list of preventable causes of death that were grouped by levels of preventive measures. This allows identifying the most relevant focus areas: problems related to the conditions and ways of people's lives, issues of early detection and timely treatment of oncological diseases, problems of the quality of medical care in the treatment of socially significant diseases. The prevalence of nutritional risk factors for the development of chronic diseases in the examined sample of persons aged 18 years and older (over 5,000 people) was estimated according to their physical development data.

Young people are recognized as a risk group in the Republic of Tuva. If primary prevention is the most relevant method of reducing mortality among young men, then for young women it is early detection of malignant diseases and the quality of medical care.

The results of the study have shown that COVID-19 caused relatively less demographic damage to the republic than to many other territories of Russia.

Keywords: public health; preventable mortality; COVID-19; health center; body mass index; Republic of Tuva

For citation:

Sabgaida T. P., Rudnev S. G., Zubko A. V. and Evdokushkina G. N. Predotvratimaya smertnost' v Respublike Tuva i vliianie na nee pandemii COVID-19 [Preventable mortality in the Republic of Tuva and the impact of the COVID-19 pandemic on it]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 50-69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.4>

SABGAIDA, Tamara Pavlovna, Doctor of Medicine, Professor, Chief Researcher, Department of Health and Self-Preservation Behavior, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS; Chief Researcher, Department of Public Health and Demography, Russian Research Institute of Health of the Ministry of Health of the Russian Federation. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation; 11, Dobrolyubova St., 127254 Moscow, Russian Federation. E-mail: tsabgaida@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-5670-6315**

RUDNEV, Sergey Gennadievich, Candidate of Physics and Mathematics, Senior Researcher, G. I. Marchuk Institute of Numerical Mathematics of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8, Gubkina St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: rdiv2019@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0001-5437-8429**

ZUBKO, Aleksandr Vladimirovich, Candidate of Medicine, Leading Researcher, Department of Health and Self-Preservation Behavior, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS; Leading Researcher, Department of Public Health and Demography, Russian Research Institute of Health of the Ministry of Health of the Russian Federation. Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation; 11, Dobrolyubova St., 127254 Moscow, Russian Federation. E-mail: zalexandrae@gmail.com **ORCID ID: 0000-0001-8958-1400**

EVDOKUSHKINA, Galina Nikolaevna, Senior Researcher, Department of Health and Self-Preservation Behavior, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotieva St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: evdok@mednet.ru **ORCID ID: 0000-0002-1389-2509**

Введение

До недавнего времени Республика Тыва (Тува) по уровню продолжительности жизни традиционно занимала последние места в рейтинге российских регионов. Положительная динамика численности населения Тувы, обусловленная высокой рождаемостью, осложняется высоким уровнем смертности среди населения трудоспособного возраста, низкими показателями ожидаемой продолжительности жизни и миграционным оттоком (Гунаев, Бадмаева, Кованова, 2019). В 2003 г. продолжительность жизни населения Республики Тыва была на 10 лет меньше, чем в среднем по стране, а в 2021 г. — на три с небольшим года меньше. Таким образом, несмотря на наблюдаемую позитивную динамику, продолжительность жизни и мужчин, и женщин в Туве остаётся ниже среднероссийских показателей. Известно, что начиная с возраста 15–19 лет мужская смертность этого субъекта Российской Федерации начинает вдвое превышать женскую (Натсак, 2021). После пика смертности в 2003 г. наблюдалось снижение смертности населения Республики Тыва, при этом темпы снижения смертности с 2008 г. замедлились. Поскольку резервы сокращения потерь велики, необходимо выявить причины замедления, в том числе связанные с деятельностью системы здравоохранения.

Для оценки результативности работы системы охраны здоровья населения уже полвека используется анализ предотвратимой смертности. Предотвратимая смертность рассматривается как возможность сокращения потерь населения от причин, которые поддаются влиянию со стороны учреждений здравоохранения, поскольку это случаи смерти от причин, которые не должны происходить при наличии своевременных и эффективных вмешательств (Rutstein et al., 1976). Позже предотвратимые причины стали группироваться для анализа роли разных уровней профилактики смертности, а не только как обобщённый показатель (Simonato et al., 1998).

Методика оценки предотвратимой смертности уже полвека активно используется за рубежом. В последние годы особое внимание уделяется сравнительному анализу вклада предотвратимых причин в смертность групп населения, различающихся по этническому признаку (Walsh, Grey, 2019), социально-экономическому положению (Aburto, Riffe, Canudas-Romo, 2018), территориальной удалённости (Subedi, Greenberg, Roshanafshar, 2019), возрасту (Ştırba, Pahomii, 2019), полу (Kiadaliri, 2021), профессиональной занятости (Herrero-Huertas et al., 2022). С использованием данной методики сравниваются доступность и качество медицинской помощи в малонаселённых районах (Mühlichen, 2019) и мегаполисах (Costa et al., 2020). Результаты анализа предотвратимой смертности не являются доказательством плохого качества предоставляемых медицинских услуг, они лишь дают определённое представление о наличии проблемных зон в качестве и эффективности медицинской помощи, а также политики в области общественного здравоохранения (Nolte, McKee, 2003).

Исследования, выполненные в России, показали, что причины, зависящие от первичной профилактики заболеваний, имеют решающее влияние на уровень и динамику смертности, тогда как в странах Евросоюза эти причины включать в расчёт «управляемой смертности» сегодня уже не целесообразно (Сабгайда, 2017). Следовательно, в текущий период актуальным подходом к анализу предотвратимой смертности в России является использование списка 38 предотвратимых причин из старой версии Европейского атласа предотвратимых причин для лиц в возрасте 5–64 года (Holland, 1988, Farrow, 1990). С использованием данного подхода предотвратимая смертность анализируется преимущественно для верификации региональных программ снижения смертности в России (Иванова, Семёнова, Сабгайда, 2021) и её отдельных регионах (Сабгайда, Аксенова, Евдокушина, 2019; Будаев и др., 2020).

Определённый интерес в связи с изучением структуры заболеваемости и смертности представляют данные профилактического скрининга населения в центрах здоровья (Стародубов с соавт., 2015). В частности, известно, что параметры физического развития, такие как индекс массы тела и компоненты массы тела, ассоциированы с риском развития метаболического синдрома, инвалидизацией и смертностью (Calle et al., 1999; Zhu et al., 2003; Böhm, Heitmann, 2013).

В текущей ситуации для Республики Тыва актуальными являются вопросы о том, какие направления деятельности могут дать наибольший эффект для снижения предотвратимой смертности, и как пандемия коронавирусной инфекции повлияла на структуру предотвратимой смертности. Ответы на эти вопросы позволят обосновать предложения по сокращению смертности в Республике Тыва.

Цель исследования — оценить тенденции и факторы предотвратимой смертности в Республике Тыва и разработать предложения по сокращению смертности и росту продолжительности жизни.

Задачи исследования: оценить динамику предотвратимой смертности в Республике Тыва в целом и в возрастных группах наибольших потерь продолжительности жизни (20–34 л. и 35–64 л.) в допандемический период (2003–2019 гг.) в сравнении с ситуацией в целом по стране; проанализировать изменение уровня и структуры предотвратимой смертности в период пандемии COVID-19, сравнить с ситуацией в целом по стране; проанализировать распространённость факторов нутритивного риска развития хронических неинфекционных заболеваний по данным Центров здоровья Республики Тыва; обосновать предложения по сокращению смертности и росту продолжительности жизни в Республике Тыва.

Предмет исследования — резервы снижения уровня смертности за счёт улучшения системы здравоохранения, условий и образа жизни населения (предотвратимых причин). Объекты исследования — смертность населения от предотвратимых причин в возрастных группах наибольшего риска; распространённость факторов нутритивного риска развития хронических заболеваний по данным Центров здоровья.

Материал и методы исследования

Анализ предотвратимой смертности применяется для оценки результативности системы здравоохранения. Используется список предотвратимых причин смерти, сгруппированный по уровням профилактики, что позволяет выявлять наиболее актуальные направления: проблемы, связанные с условиями и образом жизни населения, проблемы раннего выявления и своевременного лечения онкологических заболеваний, проблемы качества оказания медицинской помощи при лечении социально-значимых заболеваний. Рассчитывались стандартизованные коэффициенты смертности мужчин и женщин на 100000 соответствующего населения. Сравнивались среднегодовые темпы прироста смертности в разные периоды: 2003–2008 гг., 2008–2013 гг., 2013–2019 гг. и 2019–2021 гг. в Республике Тыва и в среднем по стране. Рассчитывался вклад предотвратимой смертности в смертность населения возрастных групп 5–64 л., 20–34 л. и 35–64 л., а также вклад в предотвратимую смертность причин, управляемых методами первичной, вторичной и третичной профилактики. Сравнивались характеристики предотвратимой смертности в городской и сельской местности. При сравнении рассчитывался относительный риск RR и его 95% доверительный интервал с помощью программы EPIINFO.

Распространённость факторов нутритивного риска развития хронических заболеваний в обследованной выборке лиц в возрасте от 18 лет и старше оценивалась по данным физического развития.

Использовались официальные данные Росстата о смертности в Республике Тыва и в Российской Федерации в период пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.) и до её начала (1999–2019 гг.), а также данные биоимпедансных измерений в ГБУЗ РТ «Республиканский центр общественного здоровья и медицинской профилактики» (далее — ГБУЗ РТ «РЦОЗМП») (г. Кызыл) за 2010–2022 гг. в сравнении с общероссийскими данными (Руднев и др., 2014).

Предотвратимая смертность в Республике Тыва в период до пандемии

Уровень предотвратимой смертности в Республике Тыва существенно выше среднего по Российской Федерации, и её динамика отлична от среднероссийской как более быстрыми темпами снижения с начала тысячелетия, так и разными изменениями в период пандемии новой коронавирусной инфекции (рис. 1).

Уровень предотвратимой смертности мужчин Республики Тыва был наибольшим в 2002 г., он в 2,1 раза превосходил наибольшее значение для России в целом (2003 г.) и к 2021 г. понизился в 2,7 раза, тогда как в России снижение предотвратимой смертности мужчин произошло в 2,1 раза. Пик предотвратимой смертности женщин в Республике Тыва, как и в России в целом, был в 2003 г., снижение уровня смертности к 2021 г. произошло в 2,5 раза, что также больше среднероссийского показателя (1,7 раз). Непредотвратимая смертность мужчин Республики Тыва и по уровню, и по динамике мало отличалась от среднероссийской, тогда как уровень непредотвратимой смертности тувинских женщин был заметно выше вплоть до 2017 г.

Как и в целом по стране, в Республике Тыва непредотвратимая смертность снижалась в допандемический период более быстрыми темпами, чем предотвратимая смертность. С 2003 по 2019 гг. среднегодовой прирост предотвратимой смертности мужчин Тывы составил –4,9% против –3,3% для

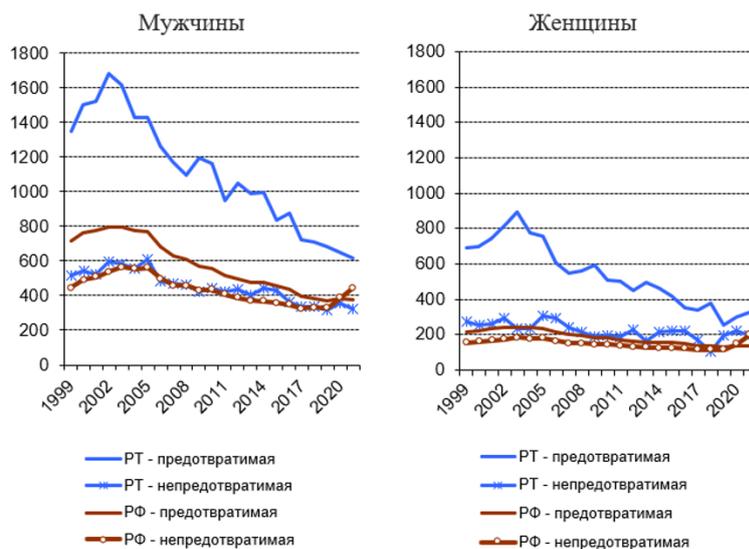

Рисунок 1. Динамика предотвратимой и не предотвратимой смертности в Республике Тыва и Российской Федерации (1999–2021 гг.)

Fig. 1. Dynamics of preventable and unavoidable mortality in the Republic of Tuva and the Russian Federation (1999–2021)

непредотвратимой смертности, а среди женщин среднегодовой прирост предотвратимой смертности за этот период составил $-6,8\%$, тогда как для не предотвратимой смертности прирост был положительный ($2,6\%$). Среднероссийский среднегодовой прирост предотвратимой смертности за аналогичный период составил $-4,7\%$ у мужчин и $-3,9\%$ у женщин, среднегодовой прирост не предотвратимой смертности $-2,4\%$ и $-1,8\%$ соответственно. У мужчин несколько большие темпы снижения наблюдались и для не предотвратимой смертности, тогда как женская смертность в республике росла.

Таблица 1. Среднегодовой прирост предотвратимой и не предотвратимой смертности населения в возрасте 5–64 л. в Республике Тыва и Российской Федерации в периоды 2003–2008 гг., 2008–2013 гг. и 2013–2019 гг., в %
Table 1. The average annual increase in preventable and unavoidable mortality of the population aged 5–64 years in the Republic of Tuva and the Russian Federation in 2003–2008, 2008–2013 and 2013–2019, %

Периоды		Республика Тыва		Российская Федерация	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2003–2008	Предотвратимая	-7,4	-8,5	-5,2	-4,5
	Непредотвратимая	-4,1	-0,22	-3,9	-3,6
2008–2013	Предотвратимая	-0,34	-5,2	-5,2	-4,2
	Непредотвратимая	-1,2	1,6	-4,0	-3,3
2013–2019	Предотвратимая	-5,7	-6,6	-4,1	-3,2
	Непредотвратимая	-4,0	5,1	-2,4	-1,8

С 2008 г. в республике наблюдалось замедление темпов снижения предотвратимой смертности, а с 2013 г., когда было утверждено Положение о министерстве здравоохранения Республики Тыва¹ и были реализованы губернаторские проекты «Маршрут здоровья», «Спорт — во дворы» и др.², среднегодовые темпы снижения предотвратимой смертности опять увеличились (табл. 1). В Российской Федерации не наблюдалось замедления темпов снижения смертности в 2008 г., они замедлились после 2013 г. При этом непредотвратимая смертность женщин в стране снижалась, тогда как в республике наблюдалась тенденция к её росту.

После 2013 г. темпы снижения и предотвратимой, и непредотвратимой смертности были больше среднероссийских.

В Республике Тыва в начале тысячелетия почти три четверти смертности лиц в возрасте до 65 лет было обусловлено предотвратимыми причинами. Доля предотвратимых причин в структуре смертности населения в возрасте 5–64 л. за рассматриваемый период снижалась, оставаясь в Республике Тыва больше, чем в среднем по стране (табл. 2). Как следует из таблицы, доля предотвратимой смертности мужчин в возрасте 5–64 л. в республике уменьшилась на сравнимую со среднероссийской величину, тогда как среди женщин снижение этой доли в два с лишним раза больше.

Таблица 2. Вклад предотвратимых причин в смертность мужчин и женщин Республики Тыва в возрасте 5–64 л. в 2003, 2008, 2013 и 2019 гг., в %

Table 2. Contribution of preventable causes to mortality of men and women aged 5–64 years in the Republic of Tuva and the Russian Federation in 2003, 2008, 2013 and 2019, %

Возрастная группа, лет	Год	Республика Тыва		Российская Федерация	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
5–64	2003	73,5	79,2	58,6	57,2
	2008	70,3	72,0	57,1	56,1
	2013	71,1	75,0	56,2	55,1
	2019	68,7	66,8	52,9	52,7
20–34	2003	89,8	87,0	79,3	73,5
	2008	89,4	86,7	77,4	72,6
	2013	92,3	89,2	76,6	72,9
	2019	92,6	86,0	74,7	69,4
35–64	2003	69,6	78,0	55,6	55,0
	2008	65,9	69,3	53,6	53,7
	2013	66,0	70,3	52,0	52,5
	2019	64,9	64,5	50,5	50,8

¹ Постановление Правительства Республики Тыва от 18.04.2013 № 228 Об утверждении Положения о министерстве здравоохранения республики Тыва [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453376813> (дата обращения: 25.08.2022).

² В Кызыле открылась первая спортплощадка в рамках губернаторского проекта «Спорт — во дворы» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2013, 29 июля. URL: https://rtuva.ru/press_center/news/sport/4375/ (дата обращения: 25.08.2022); Глава Тувы направил автопоезд «Маршрут здоровья» в районы республики [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2014, 27 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2014/05/27/glava-tuvy-napravil-avtopoezd-marshrut-zdorovya-v-rayony-respubliki.html> (дата обращения: 28.09.2022).

В возрастной структуре предотвратимой смертности доля лиц младше 20 лет составляла 5,7% в 2003 г. и 4,7% в 2021 г., поэтому в возрастном разрезе мы дополнительно рассматривали предотвратимую смертность для двух возрастных групп населения: молодёжи (20–34 л.) и старшего трудоспособного возраста (35–64 л.). Как видно из *таблицы 2*, вклад предотвратимых причин в смертность молодёжи Тувы на фоне выраженного снижения смертности не изменился к 2008 г. и заметно вырос к 2013 г., тогда как в стране в среднем наблюдалось равномерное снижение этого показателя. За весь период среди молодёжи республики уменьшения вклада предотвратимых причин в смертность не произошло, ситуация улучшилась лишь среди лиц 35 лет и старше.

Следует отметить, что в возрастной структуре предотвратимой смертности доля молодёжи уменьшилась с 2003 по 2019 гг.: с 30,9% до 21,5% среди мужчин и с 18,2 до 15,5% среди женщин, однако статистически значимым является только изменение доли молодых мужчин ($p < 0,0001$; $RR = 1,44 [1,22-1,69]$).

Наибольший вклад в величину предотвратимой смертности вносят причины, связанные с условиями и образом жизни населения (*табл. 3*). Смертность от них управляется мерами первичной профилактики заболеваний и лишь в ограниченной степени зависит от усилий системы здравоохранения. Причины, смерть от которых зависит от реализации мер вторичной и третичной профилактики, отражают деятельность учреждений здравоохранения гораздо в большей степени. В список причин, зависящих от раннего выявления заболеваний (вторичная профилактика) входят некоторые онкологические заболевания женских половых органов и рак кожи, от которых мужчины умирают редко, поэтому вклад этой группы причин в мужскую предотвратимую смертность часто равен нулю¹.

Таблица 3. Вклад причин, управляемых мерами первичной, вторичной и третичной профилактики, в предотвратимую смертность среди мужчин и женщин Республики Тыва в разные годы, в %

Table 3. Contribution of causes controlled by the primary, secondary and tertiary prevention measures to preventable mortality among men and women in the Republic of Tuva in different years, %

Годы	Мужчины			Женщины		
	ПП	ВП	ТП	ПП	ВП	ТП
2003	79,8	0,14	20,1	76,5	3,5	20,0
2008	78,2	0,12	21,7	75,6	4,1	20,3
2013	79,9	0	20,1	73,9	6,4	19,8
2019	77,4	0	22,6	74,0	6,6	19,4
2021	80,4	0,18	19,4	71,3	8,5	20,3

Прим.: ПП – первичная профилактика, ВП – вторичная профилактика, ТП – третичная профилактика.

В женской предотвратимой смертности доля причин, управляемых мерами первичной профилактики, постепенно снижалась, в отличие от мужской смертности. При этом существенно вырос вклад причин, зависящих от раннего выявления заболеваний, что отражает снижение доступности медицинской помощи для населения.

Если изменение смертности от причин, управляемых мерами первичной, вторичной и третичной профилактики сравнить в выделенных возрастных группах, то окажется, что с 2008 по 2013 гг. у мужчин обеих групп уровень смертности от причин, связанных с поведенческими факторами риска, практически не менялся (*табл. 4*). К 2013 г. доля причин этой группы в предотвратимой смертности в большей степени выросла у молодых мужчин.

¹ Вклад этой группы причин (ВП) в мужскую предотвратимую смертность часто равен нулю, по этой причине показатели исключены из *таблицы 4*.

Таблица 4. Среднегодовой прирост предотвратимой смертности, управляемой мерами первичной, вторичной и третичной профилактики, среди мужчин и женщин Республики Тыва в возрасте 20–34 и 35–64 л. в периоды 2003–2008 гг., 2008–2013 гг. и 2013–2019 гг., в %

Table 4. The average annual increase in preventable mortality controlled by the primary, secondary and tertiary prevention measures among men and women aged 20–34 and 35–64 years in the Republic of Tuva in 2003–2008, 2008–2013 and 2013–2019, %

Возрастные группы, лет	Годы	Мужчины*		Женщины		
		ПП	ТП	ПП	ВП	ТП
20–34	2003–2008	-7,1	0,84	-2,6	-16,3	-0,06
	2008–2013	-0,52	-4,8	-3,2	28,2	-4,5
	2013–2019	-8,4	-3,6	-7,9	2,3	-4,3
35–64	2003–2008	-8,2	-6,1	-10,1	-2,9	-8,4
	2008–2013	0,56	-4,1	-4,1	4,0	-3,1
	2013–2019	-5,2	-1,8	-5,4	2,7	-4,4

Прим.: * — вклад этой группы причин (ВП) в мужскую предотвратимую смертность часто равен нулю, по этой причине показатели исключены из таблицы; ПП — первичная профилактика, ВП — вторичная профилактика, ТП — третичная профилактика.

В период до 2008 г. смертность от причин, зависящих от качества оказания медицинской помощи, мало менялась среди молодёжи, заметно снизившись среди лиц старшего трудоспособного возраста. Что касается причин, зависящих от раннего выявления и своевременности начала лечения (вторичная профилактика), то после 2008 г. смертность женщин от них стала расти в обеих группах. Что совпадает с тенденциями изменения непредотвратимой женской смертности.

Среди городских жителей республики уровень предотвратимой смертности ниже, чем среди сельского населения (в 2019 г. 566,8 против 891,4 на 100 тыс. у мужчин и 224,1 против 389,4 — у женщин). Её доля в смертности лиц в возрасте 5–64 л. в городах меньше (68,4% у мужчин и 65,1% у женщин против — соответственно 72,4% и 68,9%). Доля причин, смерть от которых зависит от реализации мер вторичной и третичной профилактики, среди горожан больше (27,4% против 22,7 у мужчин и 30,1 против — 22,0% у женщин). То есть, предотвратимая смертность сельских жителей республики в большей степени зависит от распространения поведенческих факторов риска.

При анализе возрастных особенностей смертности от связанных с ними причин найдено, что среди сельских мужчин обеих возрастных групп уровень смертности повышался на фоне его снижения среди городских жителей (рис. 2). Среди сельских молодых женщин эта смертность росла с 2003 по 2013 гг., снижаясь у женщин среднего и старшего трудоспособного возраста.

Поведенческие факторы риска в большей степени сказываются на смертности сельских мужчин после 35-летнего возраста и на смертности более молодых сельских женщин.

Смертность молодёжи от причин, зависящих от раннего выявления, своевременности начала и качества лечения (вторичная и третичная профилактика) после 2008 г. имеет неблагоприятную тенденцию именно среди жителей сельской местности, особенно среди женщин (табл. 5). Для лиц среднего и старшего трудоспособного возраста неблагоприятная тенденция этой категории предотвратимой смертности наблюдается среди сельских мужчин и городских женщин.

То есть доступность медицинской помощи не всегда является решающим фактором изменения женской смертности от предотвратимых причин.

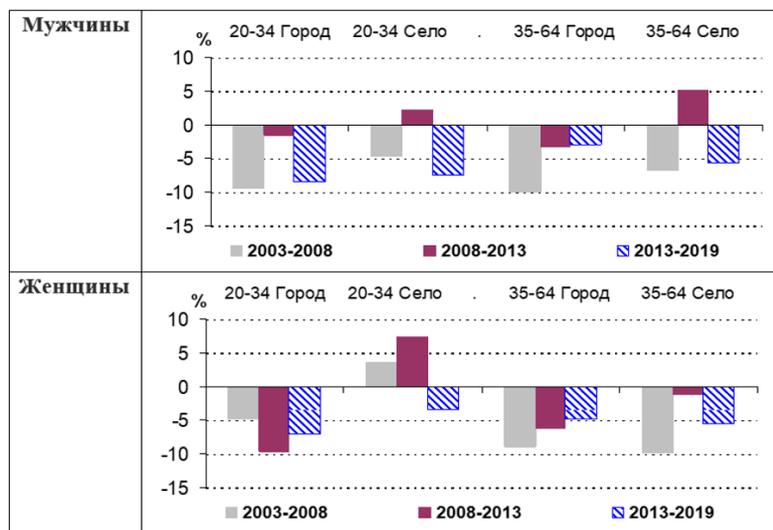

Рисунок 2. Среднегодовой прирост предотвратимой смертности, управляемой мерами первичной профилактики, среди мужчин и женщин Республики Тыва, проживающих в городской и сельской местности, в возрасте 20–34 л. и 35–64 л. в разные периоды, в %.

Fig. 2. The average annual increase in preventable mortality controlled by the primary prevention measures among men and women aged 20–34 and 35–64 years living in urban and rural areas of the Republic of Tuva, in different periods, %.

Таблица 5. Среднегодовой прирост предотвратимой смертности, управляемой мерами вторичной и третичной профилактики, среди женщин Республики Тыва, проживающих в городской и сельской местности, в возрасте 20–34 л. и 35–64 л., в разные периоды, в %

Table 5. The average annual increase in preventable mortality controlled by the secondary and tertiary prevention measures among women aged 20–34 and 35–64 years living in urban and rural areas of the Republic of Tuva, in different periods, %

Годы / возраст	Мужчины		Женщины	
	20–34	35–64	20–34	35–64
<i>Городские жители</i>				
2003–2008	6,7	-3,9	12,1	-9,0
2008–2013	-5,7	-4,6	-8,1	1,9
2013–2019	-9,2	-3,0	-3,3	0,06
<i>Сельские жители</i>				
2003–2008	-2,7	-5,7	-3,9	-6,9
2008–2013	0,21	-0,74	3,4	-1,8
2013–2019	2,2	0,31	4,7	-3,3

Влияние пандемии COVID-19 на предотвратимую смертность

Пандемия COVID-19 нанесла населению республики несколько меньший демографический урон, чем стране в целом. Общая смертность населения Тувы от COVID-19 в текущий период составляет 111,0 на 100000 человек, тогда как в среднем по стране 258,0. При этом частота заражений новой коронавирусной инфекцией в республике больше: 16192,9 против 13979,8 на 100000 чел. С 2019 по 2021 гг. уровень стандартизованной смертности населения в возрасте 5–64 л. от всех причин увеличился в стране на 18,1% среди мужчин и на 37,9% среди женщин, тогда как в Туве смертность мужчин этого возраста снизилась (на 5,6%), а смертность женщин выросла на 15,6%.

Поэтому и структура смертности населения в возрасте 5–64 л. в Туве изменилась за период пандемии в гораздо меньшей степени, чем в среднем по стране. Если в структуре причин смертности мужчин России с 2019 по 2021 гг. значительно увеличилась доля новообразований и болезней органов дыхания при уменьшении доли инфекционных заболеваний (без учета новой коронавирусной инфекции), травм и отравлений (для всего $p < 0,0001$), то в разрезе республики — значительно уменьшилась только доля болезней нервной системы ($p = 0,012$; $RR = 3,31 [1,23–8,94]$). В структуре причин смерти женщин России значительно увеличилась доля болезней органов дыхания и уменьшилась доля инфекционных заболеваний, новообразований, болезней системы кровообращения, болезней органов пищеварения, травм и отравлений. Структура смертности женщин Тувы значительно не изменилась. С 2020 по 2021 гг. вклад COVID-19 в смертность российского населения анализируемого возраста вырос с 5,1% до 12,0% у мужчин и с 8,0% до 23,4% у женщин ($p < 0,0001$). В Туве рост вклада новой коронавирусной инфекции в смертность лиц в возрасте 5–64 л.) был статистически не значим (с 4,5% до 5,9% у мужчин и с 8,6% до 10,1% у женщин).

Изменения уровня предотвратимой смертности в Республике Тыва в период пандемии новой коронавирусной инфекции отличны от среднероссийских. Уровень мужской смертности на пандемию в Республике Тыва отличался и от уровня смертности женщин, и от среднероссийской тенденции: предотвратимая смертность тувинских мужчин после 2019 г. продолжила снижение. Женщины «среагировали» на пандемию гораздо более остро, чем мужчины. В таблице 6 приведена величина прироста предотвратимой и непродотвратимой смертности населения Республики Тыва и Российской Федерации с 2019 по 2021 гг.

Таблица 6. Прирост предотвратимой и непродотвратимой смертности населения Республики Тыва и Российской Федерации с 2019 по 2021 гг., стандартизованный показатель на 100 000 соответствующего населения
Table 6. The increase in preventable and unavoidable mortality of the population of the Republic of Tuva and the Russian Federation from 2019 to 2021, standardized indicator per 100,000 of the corresponding population

Возраст, лет	Республика Тыва		Российская Федерация	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>Предотвратимая смертность</i>				
5–64	–9,2	28,4	2,6	7,5
20–34	–13,9	94,2	–2,1	–0,5
35–64	–9,1	14,4	3,2	8,4
<i>Непредотвратимая смертность</i>				
5–64	1,9	–0,9	35,5	71,7
20–34	86,4	–24,5	31,3	51,2
35–64	0,9	6,9	36,0	73,8

Для всего анализируемого возрастного интервала непредотвратимая смертность мужчин статистически значимо не изменилась ($313,6 \pm 13,4$ в 2019 г. и $326 \pm 13,5$ в 2021 г.). Но она заметно выросла у молодых мужчин (с 37,8 до 72,3 на 100000 соответствующего населения, $p < 0,0001$), не изменившись у мужчин в возрасте 35–64 л.

В отличие от среднероссийской ситуации, предотвратимая смертность молодых женщин Тувы существенно увеличилась, а непредотвратимая смертность уменьшилась. Непредотвратимая смертность женщин среднего и старшего трудоспособного возраста выросла в меньшей степени, чем в среднем по стране.

Наибольшие изменения в структуре предотвратимой смертности произошли среди сельского населения Республики Тыва (рис. 3). Среди сельских женщин заметно выросла смертность от причин, связанных с качеством оказания медицинской помощи (третичная профилактика), а среди женщин до 35-летнего возраста — и от причин, обусловленных поведенческими факторами риска. За счёт объективного снижения доступности медицинской помощи в период пандемии среди всего населения выросла смертность, зависящая от своевременности выявления заболевания и начала его лечения на ранних стадиях (вторичная профилактика).

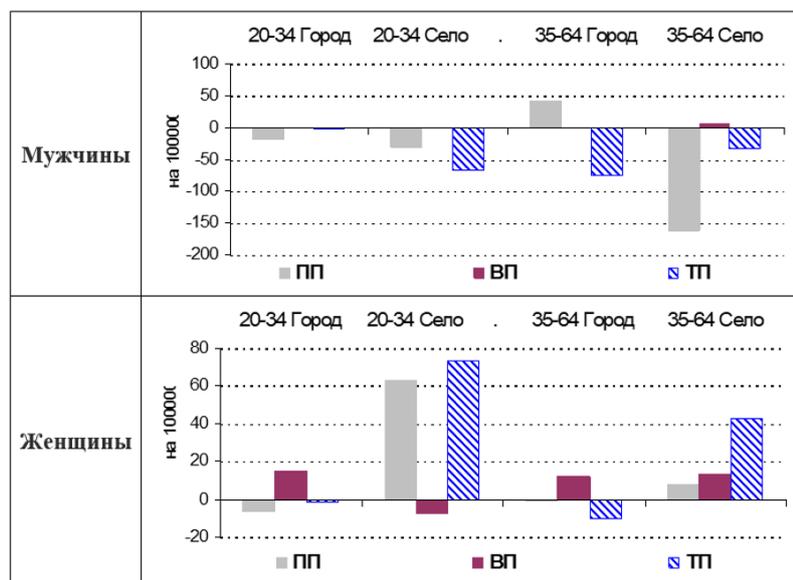

Рисунок 3. Прирост предотвратимой смертности, управляемой мерами первичной, вторичной и третичной профилактики, среди мужчин и женщин Республики Тыва, проживающих в городской и сельской местности, в возрасте 20–34 л. и 35–64 л., за период 2019–2021 гг. (изменение величины стандартизированной смертности на 100 тыс. населения)

Figure 3. The increase in preventable mortality controlled by the primary, secondary and tertiary prevention measures among men and women aged 20–34 and 35–64 years living in urban and rural areas of the Republic of Tuva over the period of 2019–2021 (change in the rate of standardized mortality per 100 thousand people)

Прим.: ПП — первичная профилактика, ВП — вторичная профилактика, ТП — третичная профилактика.

Мужская предотвратимая смертность, управляемая качеством лечения, снизилась, хотя в предыдущий период она росла среди сельских мужчин. Городские мужчины «среагировали» на стресс, связанный с пандемией, ростом смертности от причин, обусловленных поведенческими факторами, тогда как среди сельских мужчин роста этой смертности не наблюдалось.

Анализ данных Центра здоровья

На рисунке 4 приведены сведения о количестве визитов в ГБУЗ РТ «РЦОЗМП» (г. Кызыл) в 2010–2022 гг. по годам обследования на основе записей результатов биоимпедансных измерений, а на рисунке 5 — возрастная структура посещаемости ГБУЗ РТ «РЦОЗМП». Общее количество записей результатов из-

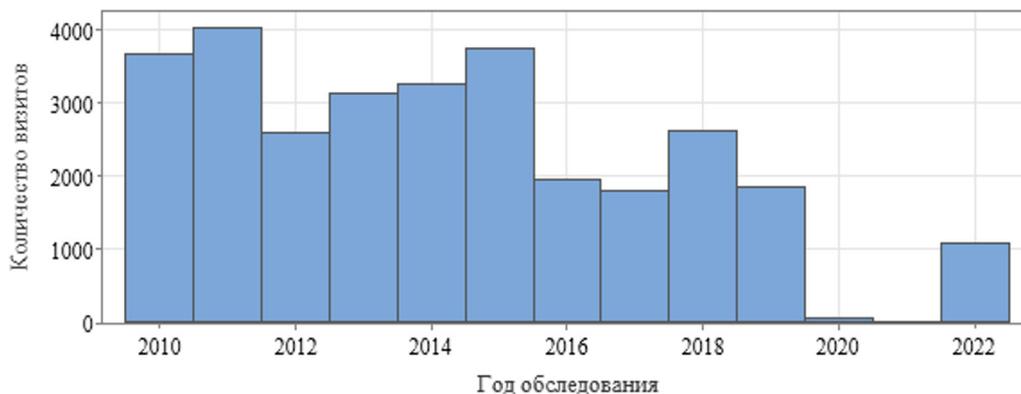

Рисунок 4. Распределение общего количества визитов в ГБУЗ РТ «РЦОЗМП» (г. Кызыл) по годам обследования (по данным биоимпедансных измерений)

Fig. 4. The distribution of the total number of visits to the Republican Center for Public Health and Medical Prevention (Kyzyl) by survey years (according to bioimpedance measurements)

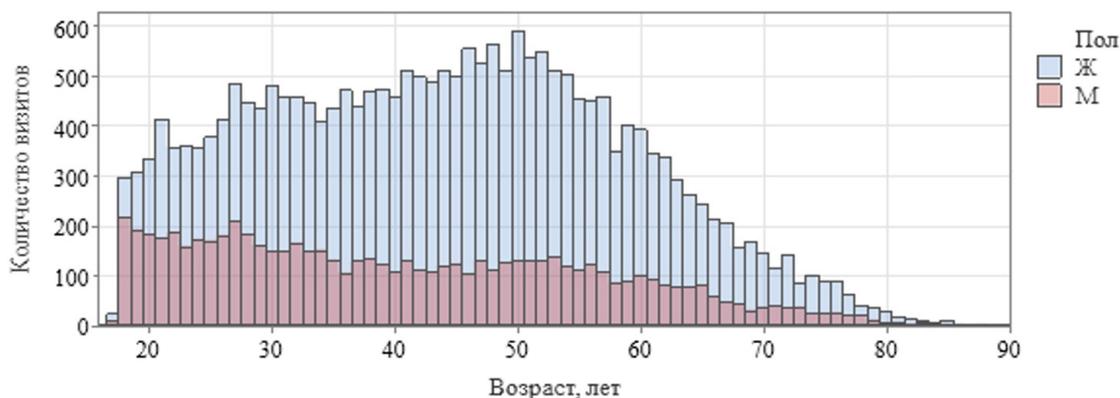

Рисунок 5. Половозрастная структура посещаемости ГБУЗ РТ «РЦОЗМП» (г. Кызыл) в 2010–2022 гг.

Fig. 5. Gender and age structure of customers of the Republican Center for Public Health and Medical Prevention (Kyzyl) in 2010–2022

мерений составило 29701, из них 22795 женщин и 6906 мужчин. На *рисунке 4* видно, что посещаемость центра здоровья имела общую тенденцию к снижению, что соответствует общероссийским данным, при этом количество обследований в 2020 и 2021 гг. практически равнялось нулю, что, по-видимому, объясняется влиянием ограничений, вызванных пандемией COVID-19. В структуре посещаемости центра здоровья преобладали женщины в отношении 3,3:1, что может свидетельствовать о более внимательном отношении женщин к своему здоровью. При этом максимум посещаемости центра здоровья мужчинами приходился на возраст 20–30 л., а женщинами — на возраст 45–55 л.

Согласно классификации ВОЗ по индексу массы тела (ИМТ), среди посетителей центра здоровья избыточный вес и ожирение имели 61,2% женщин и 53,3% мужчин.

В *таблицах 6 и 7* приведена структура значений ИМТ по годам обследования для женщин и мужчин соответственно. Видно, что в зависимости от года обследования лишь от одной четверти до трети женщин, обследованных в центре здоровья, имели нормальные значения индекса массы тела, а большинство из них имели избыточный вес или ожирение. Среди мужчин доля обследованных с нормальными значениями ИМТ была несколько выше, а с повышенными и высокими значениями ИМТ — несколько ниже, чем среди женщин, что соответствует общероссийским данным центров здоровья (Руднев и др., 2014). При этом частота истощения у лиц обоего пола была низкой, но несколько выше у мужчин (с максимумами 2,6% и 0,8% соответственно).

Таблица 6. Структура значений индекса массы тела по годам обследования (данные для женщин)

Table 6. Structure of body mass index values by survey years: data for women

Состояние по ИМТ, в %	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2022
Истощение	0,4	0,8	0,3	0,5	0,4	0,5	0,7	0,6	0,8	0,4	0,7
Недостаточный вес	8,1	9,5	5,1	9,1	9,4	10,3	13,3	9,0	9,7	7,2	6,8
Норма	26,4	31,7	23,7	27,4	27,8	31,3	35,8	32,4	31,4	27,6	28,2
Избыточный вес	30,6	29,2	37,6	32,3	30,2	30,3	27,9	30,6	30,1	32,7	35,6
Ожирение	34,4	28,8	33,4	30,7	32,2	27,6	22,3	27,4	28,0	32,1	28,7

Таблица 7. Структура значений индекса массы тела по годам обследования (данные для мужчин)

Table 6. Structure of body mass index values by survey years: data for men

Состояние по ИМТ, в %	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2022
Истощение	1,7	1,0	0,8	0,5	2,5	2,6	1,0	1,0	0,9	0,9	0,0
Недостаточный вес	8,2	8,4	5,7	9,1	7,8	10,7	12,2	13,0	9,9	8,0	7,5
Норма	34,9	40,2	32,4	32,9	32,0	37,3	42,8	40,4	38,8	37,6	28,2
Избыточный вес	33,3	30,9	39,4	35,0	34,5	30,2	30,1	30,9	31,4	34,4	42,5
Ожирение	22,0	19,7	21,6	22,4	23,3	19,2	13,9	14,7	18,9	19,1	21,8

Обсуждение

Превышение республиканского уровня предотвратимой смертности среднероссийских показателей объясняется, прежде всего, экономическими причинами: Республика Тыва — беднейший, дотационный регион Российской Федерации и, по мнению, например, Т. Ю. Гусакова, из-за выбора исключительно аграрного пути развития, а также ряда других значимых социально-экономических факторов, по причине которых процесс выхода региона из категории бедных затруднён (Гусаков, 2019). Для Тувы выявлена сильная обратная связь между показателями общей смертности (как всего, так и для мужчин и женщин) с факторами, отражающими материально-экономическое благополучие населения, и уровень социально-экономического развития региона оказывает более значимое влияние на показатели смертности, чем непосредственно сама система здравоохранения (Голубева, Шибалков, 2017). В связи с высокой рождаемостью каждая третья семья в республике является многодетной, а в такой ситуации велик риск попадания многодетных семей в категорию малоимущих (Натсак, 2021).

В республике наблюдается чрезвычайно высокая доля предотвратимых причин в структуре смертности, что характерно для беднейших территорий. В начале века было показано, что вклад предотвратимой смертности в общую смертность населения в высокоразвитых странах колеблется от 10% до 30%, тогда как в странах со слабой экономикой он составляет 40–50% (Westerling, 2001). Внутри страны уровень предотвратимой смертности выше в регионах со слабым социально-экономическим развитием и среди населения низкого социального статуса (Westerling, Gullberg, Rosen, 1996). По-

следнее отражается более высокими уровнем и долей предотвратимой смертности среди сельского населения Тувы.

В Республике Тува предотвратимая смертность снижалась в допандемический период более быстрыми темпами, чем в стране в целом, что позволило снизить разрыв показателей ожидаемой продолжительности жизни в республике и стране в среднем. Наиболее выражено предотвратимая смертность замедлила снижение в женской популяции. У тувинских мужчин несколько большие темпы снижения по сравнению со среднероссийскими наблюдались и для непредотвратимой смертности, тогда как женская непредотвратимая смертность в республике росла. В других странах также показано наличие различий в динамике предотвратимой смертности мужчин и женщин (Souza, Siviero, 2020), и эти различия зависят от политики в области здравоохранения (Westerling, 2003). Можно предположить, что имеются различия в доступности медицинской помощи для мужчин и женщин Тувы, и, согласно полученных результатам, эти различия нарастают со временем.

Кроме роста непредотвратимой смертности, для женской популяции республики показан рост смертности, управляемой вторичной профилактикой (ранним выявлением заболеваний), а в период пандемии – и от качества оказания медицинской помощи. Вероятным объяснением роста женской смертности этих категорий является бедность населения. Давно показано, что женское здоровье существенно определяется не только биологией, но и социальным контекстом: хотя бедность отрицательно сказывается на здоровье как мужчин, так и женщин, более высокая доля женщин страдает от её последствий (Cohen, 1994). Кроме того, в республике среди занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда в организациях сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбководства на конец 2019 г. женщин было в полтора раза больше, чем мужчин, и такого гендерного соотношения нет в других субъектах Российской Федерации (Натсак, 2021). Таким образом, большая часть женщин подвержена влиянию неблагоприятных условий труда, что приводит к избыточной смертности.

Снижение уровня предотвратимой смертности в Туве происходило неравномерно. Логично предположить, что при наличии чрезмерной сверхсмертности населения в начале века некоторая стабилизация социально-экономической ситуации в стране привела к резкому снижению предотвратимой смертности населения в первые пять лет, после чего темпы её снижения замедлились. И после появления дополнительных факторов управления смертностью со стороны учреждений здравоохранения в 2013 г. снижение уровня предотвратимой смертности вновь ускорилось. По оценкам специалистов, благодаря усилиям органов власти республики разных уровней, общественных и научных организаций Тувы по целенаправленному проведению профилактических мероприятий в 2014 г. по сравнению с 2013 г. значительно снизилась смертность населения от управляемых причин смертности, например, от ДТП – на 18%, случайных отравлений алкоголем – на 46%, прочих случайных отравлений – на 82%, от самоубийств – на 82%, убийств – на 33% (Чупикова, Куулар, Аракчаа, 2015).

В Республике Тыва улучшение социально-экономической ситуации и снижение социальной напряжённости в меньшей степени отразились на мужской смертности. Из анализа структуры предотвратимой смертности следует, что смертность мужчин от причин, зависящих от наличия поведенческих факторов риска, перестала снижаться после 2008 г. Здесь, прежде всего, сказывается социально-психологическая уязвимость мужчин – их более низкая устойчивость к стрессам и худшая адаптация к меняющимся социальным условиям, что проявляется в большей распространённости психических отклонений, мужского алкоголизма, девиации, суицидного поведения (Носкова, 2016). Суициды, убийства, травматизм и алкогольные отравления обуславливаются и во многом зависят от условий и образа жизни населения. Они в значительной мере определяются поведенческими факторами, отношением людей к своему здоровью, к жизни и смерти как таковым. Эти причины вносят наибольший вклад в смертность от внешних причин, относящимся к предотвратимым потерям населения. По оценкам специалистов, вплоть до 2016 г. наибольшая доля обусловленных внешними причинами смертей среди всех субъектов РФ стабильно отмечалась в Республике Тыва (Короленко, 2020).

Вторая причина худшей динамики предотвратимой смертности мужчин до 2013 года – мужская безработица. Республика Тыва является единственным субъектом Российской Федерации, где уровень женской занятости выше, чем мужской: в постсоветский период после разрушения предприятий индустриального сектора, сельского хозяйства, строительства, в которых была сосредоточена преи-

мужественно мужская часть занятого населения, рабочие места сохранились в «третичном» секторе экономики, где традиционно трудились в большей степени женщины (Натсак, 2021). Риск смерти от потери работы у мужчин больше, чем у женщин: по данным коллектива канадских исследователей под руководством С. А. Мустард, скорректированный по возрасту относительный риск смерти от всех причин составил 1,37 для мужчин [1,32–1,41] и 1,27 для женщин [1,20–1,35] (Mustard et al., 2013). Как для мужчин, так и для женщин коэффициент риска смерти, связанный с безработицей, снижался с возрастом, однако во всех возрастных группах безработные мужчины имели повышенные коэффициенты смертности от заболеваний, связанных с алкоголем (2,25 [1,86–2,71]), несчастных случаев и насильственных причин смерти (1,94 [1,78–2,12]). Для Республики Тыва обнаружена сильная прямая зависимость смертности мужчин от уровня безработицы (Голубева, Шибалков, 2017). Социальная напряжённость, связанная с недостатком рабочих мест, проявилась в период пандемии ростом смертности городских мужчин от причин, управляемых первичной профилактикой заболеваний.

Вклад предотвратимых причин в смертность молодых мужчин вырос к 2013 г. в большей степени, чем у мужчин более старшего возраста при практически неизменном уровне предотвратимой смертности, управляемой мерами первичной профилактики, в обеих возрастных группах, т. е. за этот период предотвратимая смертность в большей степени снизилась среди молодёжи. В настоящий период поведенческие факторы риска в большей степени сказываются на смертности сельских мужчин после 35-летнего возраста. Снижение предотвратимой смертности, управляемой мерами вторичной и третичной профилактики, также более быстрыми темпами происходит среди молодых мужчин, однако это утверждение верно только для городских жителей: среди сельских мужчин предотвратимая смертность этой категории растёт.

Для женщин остро стоит проблема смертности от причин, зависящих от раннего выявления и своевременности начала лечения (вторичная профилактика). В целом, проблема смертности, управляемой мерами вторичной и третичной профилактики, более актуальна для городских жительниц 35 лет и старше, а также для сельских молодых женщин. Для последних характерны также проблемы, связанные с поведенческими факторами риска. Эти проблемы остро проявились в период пандемии.

Заключение

В настоящей работе выявлены некоторые тенденции в структуре посещаемости центра здоровья для взрослых Республики Тыва и дана характеристика половых различий распространённости нарушений нутритивного статуса, таких как избыточный вес и ожирение. Указанные нарушения ассоциированы с повышенным риском развития хронических заболеваний и смертности (Calle et al., 1999) и являются модифицируемыми факторами риска.

Из всех рассматриваемых возрастных групп, молодёжь является самой рискованной группой с высокой вероятностью смерти от предотвратимых причин. Если для юношей наиболее актуальным методом снижения смертности является первичная профилактика, то для девушек — раннее выявление злокачественных заболеваний и качество оказания медицинской помощи.

Можно обозначить первоочередные проблемы, требующие решения для дальнейшего роста продолжительности жизни населения Республики Тыва. Основным фактором избыточной смертности на сегодняшний день является бедность населения, её преодоление необходимо для дальнейшего снижения уровня смертности. Эта задача не решается силами здравоохранения.

Следующая проблема заключается в чрезмерном распространении поведенческих факторов риска среди сельской молодёжи. Учреждения здравоохранения в этом направлении могут вести образовательную работу в школах здоровья и через СМИ, взаимодействовать со спортивными и молодёжными организациями для широкого привлечения сельской молодёжи к всевозможным соревнованиям, конкурсам, общественно полезной волонёрской деятельности. В силах учреждений здравоохранения поощрять медицинских работников, добившихся снижения распространённости факторов риска среди прикрепленного населения.

Необходимо активизировать работу по раннему выявлению онкологических заболеваний. К настоящему моменту разработаны разные варианты организации такой работы на отдалённых и труднодоступных территориях.

И наконец, следует повысить качество оказания медицинской помощи, как минимум — лицам трудоспособного возраста. Эта задача сейчас стоит перед всеми учреждениями страны, поэтому для

Республики Тыва есть шансы изыскать поддержку федеральных органов в улучшении оснащения медицинских организаций и повышении квалификации медицинских работников.

Иными словами, Республика Тыва располагает значительными резервами увеличения продолжительности жизни за счёт повышения благосостояния населения, дальнейшей модернизации здравоохранения и формирования у населения ответственного отношения к своему здоровью.

Новая коронавирусная инфекция нанесла сравнительно меньший демографический урон республике, чем многим другим территориям нашей страны.

Ограничения

Выбор причин смерти, принимаемых как предотвратимые, зависит от уровня развития системы здравоохранения страны или региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев, Б. С., Кицул, И. С., Тармаева, И. Ю., Богданова, О. Г. (2020) Региональные особенности предотвратимой смертности населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 28. № 6. С. 1362–1366. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-6-1362-1366>

Голубева, А. А., Шибалков, И. П. (2017) Анализ структуры смертности и социально-экономических факторов смертности в некоторых регионах Сибирского федерального округа // Общество: политика, экономика, право. № 8. С. 42–46.

Гунаев, Е. А., Бадмаева, Н. В., Кованова, Е. С. (2019) Индикаторы социального неблагополучия населения: этнорегиональная специфика Калмыкии, Бурятии и Тувы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 190–201. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.14>

Гусаков, Т. Ю. (2019) Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республики Тыва) // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 76–95. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>

Иванова, А. Е., Семёнова, В. Г., Сабгайда, Т. П. (2021) Резервы снижения смертности в России, обусловленные эффективностью здравоохранения // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 9. С. 865–878. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086958732109005X>

Короленко, А. В. (2020) Смертность населения регионов России в текущем десятилетии: тенденции, структура и дифференциация показателей // Социальное пространство. Т. 6. № 3. С. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.7>

Натсак, О. Д. (2021) Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. Т. 24. № 2. С. 120–130. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>

Носкова, А. В. (2016) Гендерные уязвимости: гуманистический поворот в исследованиях народонаселения // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, социологический факультет: материалы конференции / под общ. ред. В. П. Васильева. М.: МАКС Пресс. 768 с. С. 661–665.

Руднев, С. Г., Соболева, Н. П., Стерликов, С. А., Николаев, Д. В., Старунова, О. А., Черных, С. П., Ерюкова, Т. А., Колесников, В. А., Мельниченко, О. А., Пономарёва, Е. Г. (2014) Биоимпедансное исследование населения России в центрах здоровья. М.: РИО ЦНИИОИЗ. 493 с.

Сабгайда, Т. П. (2017) Предотвратимые причины смерти в России и странах Евросоюза // Здравоохранение Российской Федерации. Т. 61. № 3. С. 116–122. DOI: <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122>

Сабгайда, Т. П., Аксенова, Е. И., Евдокушкина, Г. Н. (2019) Предотвратимая смертность населения трудоспособного возраста // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М.: Экон-Информ. 558 с. С. 127–131.

Стародубов, В. И., Руднев, С. Г., Николаев, Д. В., Коростылёв, К. А. (2015) Федеральный информационный ресурс центров здоровья: современное состояние и перспективы развития // Социальные аспекты здоровья населения. № 5 (45). С. 1–16.

Чупикова, С. А., Куулар, Л. Ы., Аракчаа, К.-К. Д. (2015) Исследования пространственного распределения смертности в Республике Тыва средствами геоинформационных систем // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. № 2. С. 62–66.

Aburto, J. M., Riffe, T., Canudas-Romo, V. (2018) Trends in avoidable mortality over the life course in Mexico, 1990-2015: A cross-sectional demographic analysis // *BMJ open*. Vol. 8. Issue 7. P. e022350. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-022350>

Böhm, A., Heitmann, B. L. (2013) The use of bioelectrical impedance analysis for body composition in epidemiological studies // *European Journal of Clinical Nutrition*. Vol. 67 (Suppl. 1). P. S79–S85. DOI: <https://doi.org/10.1038/ejcn.2012.168>

Calle, E. E., Thun, M. J., Petrelli, J. M., Rodriguez, C., Heath, C. W. (1999) Body-mass index and mortality in a prospective cohort of U.S. adults // *The New England Journal of Medicine*. Vol. 341. No. 15. P. 1097–1105. DOI: <https://doi.org/10.1056/NEJM199910073411501>

Cohen, M. (1994) Impact of poverty on women's health // *Canadian Family Physician*. Vol. 40. P. 949–958.

Costa, C., Freitas, A., Almendra, R., Santana, P. (2020) The association between material deprivation and avoidable mortality in Lisbon, Portugal // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. Issue 22. P. 8517. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17228517>

Herrero-Huertas, L., Andérica, E., Belza, M. J., Ronda, E., Barrio, G., Regidor, E. (2022) Avoidable mortality for causes amenable to medical care and suicide in physicians in Spain // *International Archives of Occupational and Environmental Health*. Vol. 95. Issue 5. P. 1147–1155. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00420-021-01813-9>

Holland, W. (Ed.) (1988) *European community atlas of 'avoidable death'*. Oxford ; N. Y. ; Tokyo : Oxford University Press. xxiii, 356 p. (Commission of the European Communities Health Services Research Series, no. 3).

Farrow, S. C. (1990) *European community atlas of avoidable death* // *Postgraduate Medical Journal*. Vol. 66. Issue 775. P. 413–414. DOI: <https://doi.org/10.1136/pgmj.66.775.413-a>

Kiadaliri, A. (2021) Avoidable deaths in Sweden, 1997–2018: Temporal trend and the contribution to the gender gap in life expectancy // *BMC Public Health*. Vol. 21. No. 1. Article number: 519. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10567-5>

Mühlichen, M. (2019) Avoidable mortality in the German Baltic Sea region since reunification: Convergence or persistent disparities? // *European Journal of Population*. Vol. 35. Issue 3. P. 609–637. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9496-y>

Mustard, C. A., Bielecky, A., Etches, J., Wilkins, R., Tjepkema, M., Amick, B. C., Smith, P. M., Aronson, K. J. (2013) Mortality following unemployment in Canada, 1991–2001 // *BMC Public Health*. Vol. 13. Article number: 441. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-441>

Nolte, E., McKee, M. (2003) Measuring the health of nations: Analysis of mortality amenable to health care // *BMJ*. Vol. 327. No. 7424. Article number: 1129. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.327.7424.1129>

Rutstein, D. D., Berenberger, W., Chalmers, T. C., Child, G. C., Fischmen, A. P., Perrin, E. B. (1976) Measuring the quality of medical care — a clinical method // *The New England Journal of Medicine*. Vol. 294. No. 11. P. 582–588. DOI: <https://doi.org/10.1056/NEJM197603112941104>

Simonato, L., Ballard, T., Bellini, P., Winkelmann, R. (1998) Avoidable mortality in Europe 1955–1994: A plea for prevention // *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 52. No. 10. P. 624–630. DOI: <https://doi.org/10.1136/jech.52.10.624>

Souza, L. G., Siviero, P. C. L. (2020) Sex differentials in avoidable mortality and potential life expectancy gains in São Paulo, SP, Brazil: A cross-sectional study of the period 2014–2016 // *Epidemiologia e Serviços de Saúde*. Vol. 29. No. 3. Article number: e2018451. DOI: <https://doi.org/10.5123/S1679-49742020000300004>

Știrba, V., Pahomii, I. (2019) The contribution of avoidable mortality to the life expectancy change in the Republic of Moldova. // *Demography and Social Economy*. No. 4 (38). P. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.15407/dse2019.04.058>

Subedi, R., Greenberg, T. L., Roshanafshar, S. (2019) Does geography matter in mortality? An analysis of potentially avoidable mortality by remoteness index in Canada // *Health Reports*. Vol. 30. No. 5. P. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.25318/82-003-x201900500001-eng>

Walsh, M., Grey, C. (2019) The contribution of avoidable mortality to the life expectancy gap in Māori and Pacific populations in New Zealand — a decomposition analysis // *New Zealand Medical Journal*. Vol. 132. No. 1492. P. 46–60.

Westerling, R., Gullberg, A., Rosen, M. (1996) Socioeconomic differences in 'avoidable' mortality in Sweden 1986-1990 // *International Journal of Epidemiology*. Vol. 25. Issue 3. P. 560–567. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/25.3.560>

Westerling, R. (2001) Commentary: evaluating avoidable mortality in developing countries — an important issue for public health // *International Journal of Epidemiology*. Vol. 30. Issue 5. P. 973–975. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/30.5.973>

Westerling, R. (2003) Decreasing gender differences in “avoidable” mortality in Sweden // *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 31. Issue 5. P. 342–349. DOI: <https://doi.org/10.1177/14034948030310050201>

Zhu, S., Wang, Z., Shen, W., Heymsfield, S. B., Heshka, S. (2003) Percentage body fat ranges associated with metabolic syndrome risk: Results based on the third National Health and Nutrition Examination Survey (1988–1994) // *The American Journal of Clinical Nutrition*. Vol. 78. Issue 2. P. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.1093/ajcn/78.2.228>

Дата поступления: 13.12.2022 г.

Дата принятия: 15.02.2023 г.

REFERENCES

Budaev, B. S., Kitsul, I. S., Tarmaeva, I. Yu. and Bogdanova, O. G. (2020) Regional'nye osobennosti predotvratimoi smertnosti naseleniia [The regional characteristics of preventable mortality of population]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, vol. 28, no. 6, pp. 1362–1366. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-6-1362-1366>

Golubeva, A. A. and Shibalkov, I. P. (2017) Analiz struktury smertnosti i sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov smertnosti v nekotorykh regionakh Sibirskogo federal'nogo okruga [The analysis of the structure of mortality and its social and economic factors in several regions of the Siberian Federal District]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, no. 8, pp. 42–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.8.9>

Gunaev, E. A., Badmaeva, N. V. and Kovanova, E. S. (2019) Indikatory sotsial'nogo neblagopoluchiiia naseleniia: etnoregional'naia spetsifika Kalmykii, Buriatii i Tuvy [Social insecurity indicators: Ethnoregional specifics in Kalmykia, Buryatia and Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 190–201. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.14>

Gusakov, T. Yu. (2019) Mnogoukladnost' sovremennogo etnicheskogo regiona Rossii: arkhazatsiia, agrarizatsiia i migratsii (na primere Respubliki Tyva) [The multistructure of the contemporary ethnic region in Russia: Archaization, agrarianization and migration (on the example of Republic of Tyva)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 76–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>

Ivanova, A. E., Semenova, V. G. and Sabgaida, T. P. (2021) Rezervy snizheniia smertnosti v Rossii, obuslovlennnye effektivnost'iu zdravookhraneniia [Reserves for reducing mortality in Russia due to the effectiveness of healthcare]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 91, no. 9, pp. 865–878. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086958732109005X>

Korolenko, A. V. (2020) Smertnost' naseleniia regionov Rossii v tekushchem desiatiletii: tendentsii, struktura i differentsiatsiia pokazatelei [Mortality in Russian regions in the current decade: Trends, structure, and differentiation of indicators]. *Social area*, vol. 6, no. 3, pp. 1–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.7>

Natsak, O. D. (2021) Gendernye i demograficheskie osobennosti rynka truda Respubliki Tyva: tendentsii i perspektivy [Gender and demographic features of the labor market of the Republic of Tuva: Trends and prospects]. *Population*, vol. 24, no. 2, pp. 120–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.11>

Noskova, A. V. (2016) Gendernye uiazvimosti: gumanisticheskii povorot v issledovaniakh narodonaseleniia [Gender vulnerabilities: A humanistic turn in population studies]. In: *Upravlenie sotsial'nymi izmeneniami v nestabil'nykh usloviakh [Management of social changes in unstable conditions]*: All-Russian scientific conference; May 24, 2016, Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology : Proceedings / ed. by V. P. Vasilieva. Moscow, MAKS Press. 768 p. Pp. 661–665. (In Russ.).

Rudnev, S. G., Soboleva, N. P., Sterlikov, S. A., Nikolaev, D. V., Starunova, O. A., Chernykh, S. P., Eriukova, T. A., Kolesnikov, V. A., Mel'nichenko, O. A. and Ponomareva, E. G. (2014) *Bioimpedansnoe issledovanie naseleniia Rossii v tsentrakh zdorov'ia [Bioimpedance study of the Russian population in health centers]*. Moscow, Editorial and Publishing Unit at Russian Research Institute of Health. 493 p. (In Russ.).

Sabgayda, T. P. (2017) Predotvratimye prichiny smerti v Rossii i stranakh Evrosoiuzia [The preventable causes of death in Russia and in the EU countries]. *Health care of the Russian Federation*, vol. 61, no. 3, pp. 116–122. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-3-116-122>

Sabgayda, T. P., Aksonova, E. I. and Evdokuschkina, G. N. (2019) Predotvratimaia smertnost' naseleniia trudosposobnogo vozrasta [Avoidable mortality of the working age population]. In: *Natsional'nye demograficheskie prioritety: podkhody i mery realizatsii [National demographic priorities: Approaches and measures of realization]* / ed. by S. V. Ryazantsev and T. K. Rostovskaya. Moscow, Ekon-Inform. 558 p. Pp. 127–131. (In Russ.).

Starodubov, V. I., Rudnev, S. G., Nikolaev, D. V. and Korostylev, K. A. (2015) Federal'nyi informatsionnyi resurs tsentrov zdorov'ia: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia [Federal information resource of health centres: Current state and developmental prospects]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia*, no. 5 (45), pp. 1–16. (In Russ.).

Chupikova, S. A., Kuular, L. Y. and Arakchaa, K.-K. D. (2015) Issledovaniia prostranstvennogo raspredeleniia smertnosti v respublike Tyva sredstvami geoinformatsionnykh sistem [Investigation of spatial distribution of mortality in the Republic of Tyva by means of GIS]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvennye i sel'skokhoziaistvennye nauki*, no. 2 (25), pp. 62–66. (In Russ.).

Aburto, J. M., Riffe, T. and Canudas-Romo, V. (2018) Trends in avoidable mortality over the life course in Mexico, 1990–2015: A cross-sectional demographic analysis. *BMJ open*, vol. 8, issue 7, p. e022350. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2018-022350>

Böhm, A. and Heitmann, B. L. (2013) The use of bioelectrical impedance analysis for body composition in epidemiological studies. *European Journal of Clinical Nutrition*, vol. 67 (Suppl. 1), pp. S79–S85. DOI: <https://doi.org/10.1038/ejcn.2012.168>

Calle, E. E., Thun, M. J., Petrelli, J. M., Rodriguez, C. and Heath, C. W. (1999) Body-mass index and mortality in a prospective cohort of U.S. adults. *The New England Journal of Medicine*, vol. 341, no. 15, pp. 1097–1105. DOI: <https://doi.org/10.1056/NEJM199910073411501>

Cohen, M. (1994) Impact of poverty on women's health. *Canadian Family Physician*, vol. 40, pp. 949–958.

Costa, C., Freitas, A., Almendra, R. and Santana, P. (2020) The association between material deprivation and avoidable mortality in Lisbon, Portugal. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, issue 22, p. 8517. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17228517>

Herrero-Huertas, L., Andérica, E., Belza, M. J., Ronda, E., Barrio, G. and Regidor, E. (2022) Avoidable mortality for causes amenable to medical care and suicide in physicians in Spain. *International Archives of Occupational and Environmental Health*, vol. 95, issue 5, pp. 1147–1155. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00420-021-01813-9>

Holland W. (Ed.) (1988) European community atlas of 'avoidable death'. Oxford ; New York ; Tokyo : Oxford University Press. xxiii, 356 p. (Commission of the European Communities Health Services Research Series, no. 3).

Farrow, S. C. (1990) European community atlas of avoidable death. *Postgraduate Medical Journal*, vol. 66, issue 775, pp. 413–414. DOI: <https://doi.org/10.1136/pgmj.66.775.413-a>

Kiadaliri, A. (2021) Avoidable deaths in Sweden, 1997–2018: Temporal trend and the contribution to the gender gap in life expectancy. *BMC Public Health*, vol. 21, no. 1, article number: 519. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-021-10567-5>

Mühlichen, M. (2019) Avoidable mortality in the German Baltic Sea region since reunification: convergence or persistent disparities? *European Journal Population*, vol. 35, issue 3, pp. 609–637. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-018-9496-y>

Mustard, C. A., Bielecky, A., Etches, J., Wilkins, R., Tjepkema, M., Amick, B. C., Smith, P. M. and Aronson, K. J. (2013) Mortality following unemployment in Canada, 1991–2001. *BMC Public Health*, vol. 13, article number: 441. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-441>

Nolte, E. and McKee, M. (2003) Measuring the health of nations: Analysis of mortality amenable to health care. *BMJ*, vol. 327, no. 7424, article number: 1129. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.327.7424.1129>

Rutstein, D. D., Berenberger, W., Chalmers, T. C., Child, G. C., Fischmen, A. P. and Perrin, E. B. (1976) Measuring the quality of medical care — a clinical method. *The New England Journal of Medicine*, vol. 294, no. 11, pp. 582–588. DOI: <https://doi.org/10.1056/NEJM197603112941104>

Simonato, L., Ballard, T., Bellini, P. and Winkelmann, R. (1998) Avoidable mortality in Europe 1955–1994: A plea for prevention. *Journal of Epidemiology and Community Health*, vol. 52, no. 10, pp. 624–630. DOI: <https://doi.org/10.1136/jech.52.10.624>

Souza, L. G. and Siviero, P. C. L. (2020) Sex differentials in avoidable mortality and potential life expectancy gains in São Paulo, SP, Brazil: A cross-sectional study of the period 2014–2016. *Epidemiologia e Serviços de Saúde*, vol. 29, no. 3, article number: e2018451. DOI: <https://doi.org/10.5123/S1679-49742020000300004>

Știrba, V. and Pahomii, I. (2019) The contribution of avoidable mortality to the life expectancy change in the Republic of Moldova. *Demography and Social Economy*, no. 4 (38), pp. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.15407/dse2019.04.058>

Subedi, R., Greenberg, T. L. and Roshanafshar, S. (2019) Does geography matter in mortality? An analysis of potentially avoidable mortality by remoteness index in Canada. *Health Reports*, vol. 30, no. 5, pp. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.25318/82-003-x201900500001-eng>

Walsh, M. and Grey, C. (2019) The contribution of avoidable mortality to the life expectancy gap in Māori and Pacific populations in New Zealand — a decomposition analysis. *New Zealand Medical Journal*, vol. 132, no. 1492, pp. 46–60.

Westerling, R., Gullberg, A. and Rosen, M. (1996) Socioeconomic differences in 'avoidable' mortality in Sweden 1986–1990. *International Journal of Epidemiology*, vol. 25, issue 3, pp. 560–567. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/25.3.560>

Westerling, R. (2001) Commentary: Evaluating avoidable mortality in developing countries — an important issue for public health. *International Journal of Epidemiology*, vol. 30, issue 5, pp. 973–975. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/30.5.973>

Westerling, R. (2003) Decreasing gender differences in “avoidable” mortality in Sweden. *Scandinavian Journal of Public Health*, vol. 31, issue 5, pp. 342–349. DOI: <https://doi.org/10.1177/14034948030310050201>

Zhu, S., Wang, Z., Shen, W., Heymsfield, S. B. and Heshka, S. (2003) Percentage body fat ranges associated with metabolic syndrome risk: Results based on the third National Health and Nutrition Examination Survey (1988–1994). *The American Journal of Clinical Nutrition*, vol. 78, issue 2, pp. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.1093/ajcn/78.2.228>
Zhu, S., Wang, Z., Shen, W., Heymsfield, S. B. and Heshka, S. (2003) Percentage body fat ranges associated with metabolic syndrome risk: results based on the third National Health and Nutrition Examination Survey (1988–1994). *The American Journal of Clinical Nutrition*, vol. 78, no. 2, pp. 228–235. DOI: <https://doi.org/10.1093/ajcn/78.2.228>

Submission date: 13.12.2022.

Acceptance date: 15.02.2023.

Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи

Константин А. Чернышев

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Екатерина В. Митягина

Вятский государственный университет; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Наталья В. Чернышева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Евгений Ю. Петров

Томский государственный университет; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

В работе рассматривается внутрirosсийская миграция молодого населения Тувы, связанная с получением высшего образования. Отмечается преимущественно возвратный характер межрегиональной образовательной миграции. Направления перемещений мигрантов изучены на основе изучения нетрадиционных источников данных: цифровых следов 3090 пользователей социальной сети «ВКонтакте», указавших в качестве места рождения или окончания школы населённые пункты республики; сведений Министерства образования Республики Тыва о местах обучения 1282 студентов, получивших высшее образование в 2021–2022 учебном году (поступление в 2016–2021 гг.) в рамках целевой программы подготовки кадров.

Выявлено, что чаще всего высшее образование жители республики получают в Тувинском государственном университете, расположенном в столице региона. Значение Кызыла как центра высшего образования имеет черты сходства с организацией внутрирегиональной миграции в соседних республиках — на Алтае и в Хакасии. Территориальное распределение контингента межрегиональных мигрантов характеризуется высокой долей сибирских регионов (Красноярский край, Новосибирская, Томская области), а также Москвы. Сопоставление двух источников информации об образовательной миграции позволяет увидеть более точную картину. География миграции студентов из Тувы, выявленная на основе цифровых следов, характеризуется большим разнообразием, чем обучающихся по целевым направлениям.

Факторы, повлиявшие на сложившееся распределение: территориальная доступность вузов других субъектов РФ, отставание в уровне социально-экономического развития Тувы по сравнению с большинством российских регионов, ограниченная сеть высших учебных заведений в республике.

Ключевые слова: Республика Тыва; внутренняя миграция; образовательная миграция; миграция молодёжи; Кызыл; население Тувы; цифровые следы; социальные сети

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00766, <https://rscf.ru/project/22-28-00766/>

Для цитирования:

Чернышев К. А., Митягина Е. В., Чернышева Н. В., Петров Е. Ю. Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

Чернышев Константин Анатольевич — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов. Адреса: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: kochern81@gmail.com

Митягина Екатерина Владимировна — доктор социологических наук, проректор по развитию на основе анализа данных Вятского государственного университета; ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адреса: 610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, д. 36; 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: usr07868@vyatsu.ru

Чернышева Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адрес: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: natiche84@mail.ru

Петров Евгений Юрьевич — лаборант суперкомпьютерного центра Томского государственного университета; младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. Адреса: 634050, Россия, г. Томск, проспект Ленина, 36; 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1. Эл. адрес: petrov@data.tsu.ru

Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth

Konstantin A. Chernyshev

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS; Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation,

Ekaterina V. Mitiagina

Vyatka State University; Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Russian Federation,

Natalia V. Chernysheva

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Russian Federation,

Evgeniy Yu. Petrov

Tomsk State University; Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Russian Federation

The article examines the internal migration of young Tuvans within Russia, which is attributed to acquiring higher education. It is noted that interregional educational migration is predominantly recurrent. We have studied the directions of migration flows using non-traditional sources of information. One of them comprises digital traces of 3,090 VK users who indicated locations in the Republic as their birthplaces or settlements where they had finished school. In addition, we use the data provided by the Ministry of Education of the Republic of Tuva on the places where 1,282 students were obtaining higher education in the 2021/2022 academic year (admissions in 2016–2021) within the framework of the purpose-oriented program for training human resources.

Tuvan State University is located in the capital of the region and turns out to be the most popular university among the residents of the Republic. The significance of Kyzyl as a center of higher education is similar to those of the capital cities of the neighboring Altai Republic and the Republic of Khakassia in terms of organizing intraregional migration.

Siberian regions (Krasnoyarsk Krai, Novosibirsk and Tomsk Oblasts) as well as Moscow are considered to be the main directions of the interregional migration flows. Comparing the two sources of information on educational migration provides a more accurate picture. The geographies of students' migration from Tuva, identified on the basis of their digital footprints, are characterized by a greater diversity in comparison with those of the students involved in the targeted training program.

The current distribution is influenced by territorial accessibility of HEIs in other subjects of the Russian Federation, the lower level of socio-economic development of Tuva compared to most Russian regions and a limited number of higher education institutions in the Republic.

Keywords: Republic of Tuva; internal migration; educational migration; youth migration; Kyzyl; population of Tuva; digital footprints; social networks

Financing

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00766, <https://rscf.ru/en/>

For citation:

Chernyshev K. A., Mityagina E. V., Chernysheva N. V. and Petrov E. Yu. Masshtaby i napravleniia obrazovatel'noi migratsii tuvinskoi molodezhi [Incidence and directions of educational migration of Tuvan youth]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 70–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5>

CHERNYSHEV, Konstantin Anantolievich, Candidate of Geography, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Regional Economics and Geography, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal addresses: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation; 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: kochern81@gmail.com **ORCID ID:** 0000-0003-3543-4776

MITIAGINA, Ekaterina Vladimirovna, Doctor of Sociology, Vice rector for Development Based on Data Analysis, Vyatka State University; Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 36, Moskovskaya St., 610000 Kirov, Russian Federation; Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: usr07868@vyatsu.ru **ORCID ID:** 0000-0002-7294-4508

CHERNYSHEVA, Natalia Viktorovna, Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: natiche84@mail.ru **ORCID ID:** 0000-0002-1492-5368

PETROV, Evgeniy Yurievich, Laboratory Assistant, Supercomputer Center, Tomsk State University; Junior Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: 36, Prospekt Lenina, 634050 Tomsk, Russian Federation; 6, Fotievoi St., 119333 Moscow, Russian Federation. E-mail: petrov@data.tsu.ru **ORCID ID:** 0000-0002-7140-7882

Введение

Специфика Республики Тыва (Туву) как региона формирования исходящих миграционных потоков связана с ее уникальным географическим положением, культурно-историческими, этническими особенностями, а также относительно благополучной ситуацией в сфере рождаемости и, соответственно, высокой долей молодёжи в населении. Однако учреждения высшей школы региона представлены лишь расположенными в столице республики Тувинским государственным университетом (сосредотачивает 98,6% студентов региона), а также филиалом негосударственного Сибирского университета потребительской кооперации¹. Уровень развития и размещение сети высших учебных заведений республики не могут полностью удовлетворить потребности молодёжи и интересы экономической сферы региона, что способствует образовательной миграции молодёжи.

Официальная статистика позволяет судить о масштабах зарегистрированной миграции населения Туву в интересующих возрастных группах, но не даёт возможности определить направления перемещений².

В целом, интенсивность миграции молодёжи Туву (население от 15 по 29 лет) выше по сравнению с другими возрастными группами: на молодёжь приходится 46% всех типов миграционных перемещений населения республики. Миграционный оборот молодого населения республики включает потоки международной миграции, на которую приходится 39% учтённого оборота в 2020 г., а также внутрироссийской миграции. Последний тип перемещений рассматривается в данной работе и в свою очередь складывается из межрегиональной (23% миграционного оборота) и внутриреспубликанской миграции (38% миграционного оборота). Существуют половозрастные различия в интенсивности внутрироссийской миграции молодёжи. В возрасте младше 25 лет молодое население Туву интенсивнее участвует в межрегиональных миграциях, а в более старших возрастах переселения осуществляются в основном внутри республики. В межрегиональной миграции наиболее активно участвуют лица в возрасте 17–24 лет, тогда как для переселений внутри республики пик интенсивности смещён на более старший возраст и выражен только для женского населения. Молодые девушки с возраста старше 17-18 лет больше вовлечены в процессы внутри- и межрегиональной миграции, чем юноши. Отметим, что для межрегиональной миграции характерна убыль молодёжи в возрасте до 19 лет, но положительное сальдо в более старших возрастах — по 26 лет включительно. Это косвенно указывает на возвратный характер межрегиональной миграции: возвращение после получения образования.

Сложившийся половозрастной профиль миграции тувинской молодёжи объясняется получением большинством юношей и девушек общего, а затем профессионального образования с последующим выходом на рынок труда. Интенсивность миграции у молодых женщин выше, что связано с обучением в профессиональных учебных заведениях, а также призывом их сверстников на военную службу, которая не учитывается в статистике как миграция. Кроме того, в молодом возрасте люди нередко вступают в брак, и это событие также может сопровождаться сменой места жительства.

Однако проблемами традиционной статистики являются выделение в общем потоке переселенцев тех, кто мигрирует с целью получения высшего образования, а также отражение перемещений в разрезе конкретных городов-центров высшего образования. Это определяет необходимость поиска иных источников информации об образовательной миграции в республике.

Теоретико-методологической основой работы выступили проведённые ранее исследования региональной миграции населения (см. обзор далее), которые осуществлялись в рамках демографии, социологии, смежных научных дисциплин с использованием традиционных источников данных — официальной миграционной статистики и результатов социологических опросов. В основе нашей работы изучение направлений перемещения мигрантов с помощью двух источников информации, главным из которых выступили данные цифровых следов пользователей социальной сети «ВКонтакте», указавших в качестве места рождения или окончания школы населённые пункты республики. До-

¹ Характеристика системы высшего образования. Сибирский федеральный округ. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2021/_vpo/material.php?type=2&id=11005 (дата обращения: 12.09.2022).

² Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58614>; <https://fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 11.09.2022).

полнительным источником информации выступили сведения Министерства образования Республики Тыва о местах обучения студентов, получающих высшее образование в рамках реализации государственного заказа на целевую подготовку кадров¹.

Целью работы является изучение направлений образовательной миграции и оценка её масштабов в республике на основе нетрадиционных источников информации, в качестве которых рассматриваются цифровые следы мигрантов (данные профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте»), а также сведения о местах обучения студентов-целевиков. Задачами статьи выступают обзор исследований миграционных процессов в Туве; использование источников данных о направлениях и масштабах образовательной миграции, дополняющих традиционную статистику, характеристика географии обучения тувинских студентов.

Основным источником информации, используемым в работе, выступили данные выгрузки профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте» по всем регионам России (февраль 2022 г.). Дополнительным источником явились данные Министерства образования Республики Тыва о местах 1282 студентов, получающих высшее образование в 2021–2022 учебном году (поступление в 2016–2021 гг.) в рамках целевой подготовки кадров². В дополнение использовались данные более ранней выгрузки профилей пользователей «ВКонтакте» по Республике Тыва (март 2021 г.) и официальные данные Росстата о половозрастной структуре миграции населения региона.

Краткий обзор исследований миграционных процессов в Туве

Исследования процессов миграции населения Тувы, в том числе молодёжи, традиционно строятся на основе данных миграционной статистики (текущего учёта, переписей населения) или результатов социологических опросов.

З. В. Анайбан на основе текущей миграционной статистики рассматривает динамику и территориальную структуру миграционной убыли Тувы, различия в характере протекания миграционных процессов русского и тувинского населения (Анайбан, 2020). Особенности внутрорегиональных миграций, различия в миграционной подвижности между районами республики выявляются в статьях М. А. Хольшиной, А. Ч. Кылгыдай (Хольшина, Кылгыдай, 2014), Ц. Д. Гончикова с соавторами (Гончиков и др., 2019). С. И. Абылкаликов, используя данные переписей населения, проводит оценку вклада миграции в демографический баланс, выявил миграционные связи республики, а на основе данных проводимого Росстатом выборочного обследования рабочей силы, описал баланс межрегиональной трудовой миграции республики (Абылкаликов, 2021). Р. Ш. Харунов и М. М.-Б. Харунова для анализа образовательной миграции используют ведомственную статистику республиканского Минобрнауки, указывая, что около 60% получающих высшее образование направляются за пределы Тувы, что создаёт предпосылки для невозвращения высокообразованной молодёжи в регион (Харунов, Харунова, 2021).

Исследователи также используют нестатистические источники информации, в первую очередь результаты опросов, затрагивающих различные стороны миграционных процессов в Туве. Наибольшее внимание уделяется вопросам выбытия населения из республики. Ч. К. Ламажаа описывает сложившееся расселение тувинцев и обобщает результаты опроса представителей диаспоры, проживающих за пределами республики: их образ жизни и связи с малой Родиной (Ламажаа, 2014). Г. Ф. Балакина и З. В. Анайбан изучали факторы и последствия интенсивного оттока русского населения в постсоветский период (Балакина, Анайбан, 2016). С. А. Сарыглар, напротив, рассматривает въезд мигрантов и оценивает проблемы адаптации и интеграции иностранцев в Туве с помощью опросов местного населения, экспертов и самих приезжающих иностранцев (Сарыглар, 2019). Т. М. Ойдуп с помощью опросных методов оценивает миграционные намерения населения республики для внутриреспубликанской, межрегиональной и международной миграции (Ойдуп, 2021). Н. В. Бадмаева и О. Д. Натсак на основе глубинных интервью с выходцами из Тувы и Калмыкии, работающими в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока, выявляют региональные особенности трудовой миграции: решающая роль экономических факторов (связь с уровнем бедности, безработицей), семейный характер миграции, возвратность, сохранение связи с малой родиной (Бадмаева, Натсак, 2021).

¹ Студентов такого набора часто называют «целевиками».

² Информация получена от Министерства образования Республики Тыва по запросу Института демографических исследований ФНИСЦ РАН № 86 от 31.03.2022 г. Официальный запрос института и ответ Министерства хранится в отделе геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН.

Проблематику образовательной миграции затрагивают исследования, в основе которых лежат социологические опросы жизненных планов, интересов, потребностей выпускников школ, которых рассматривают как ресурс для пополнения человеческого капитала региона. Результаты опросов выявили у большинства выпускников школ Кызыла, как русской, так и тувинской национальности, отсутствие желания связывать свою будущую трудовую деятельность со своим регионом, обусловленное текущими социально-экономическими проблемами республики (Ойдуп, Кылгыдай, 2021; Ойдуп, Трошкина, 2022).

Относительно новым является использование данных электронных социальных сетей в изучении миграции населения, из которых наиболее подходящей для сбора информации о перемещениях пользователей и обладающей широким охватом населения является сеть «ВКонтакте» (vk.com). Одно из первых исследований, использовавшим данные социальных сетей для анализа образовательной миграции, была работа Н. Ю. Замятиной, предложившей на основе сведений из «ВКонтакте» оценивать территориальные зоны сбора абитуриентов и зоны преимущественного распределения выпускников вузов (Замятина, 2012). Исследования выездной образовательной миграции из России в зарубежные страны с помощью данных социальной сети проводились Д. А. Александровым с соавторами (Alexandrov, Karepin, Musabirov, 2016). Кроме того, данные цифровых следов были положены в основу типологии миграционного поведения студентов (Габдрахманов, Орлова, Александрова, 2021).

Исследование распределения выпускников высших учебных заведений двадцати регионов-миграционных доноров, к которым относится и Тува, осуществлённое на основе выгрузки данных «ВКонтакте» в марте 2021 г., охватывало пользователей сети с заполненными полями «вуз» (без учёта года выпуска), «родной город», «город сейчас». Данная выгрузка, рассматриваемая нами в данной работе как дополнительный источник информации, была ограничена по количеству регионов, поскольку охватывала только 20 субъектов РФ с наибольшей миграционной убылью. Указанное исследование показало выбор выпускниками «ТувГУ» для дальнейшей карьеры городов, расположенных в других регионах России (Красноярск, Москва, Новосибирск, Абакан и др.), а также невысокую долю выпускников, возвращающихся в районы республики после обучения в Кызыле (Митягина и др., 2021).

Нетрадиционные источники данных для изучения образовательной миграции

Конкретные города-центры и регионы, куда направляются для получения высшего образования жители Тувы, можно выявить на основе анализа цифровых следов, которые оставляют в интернете пользователи социальной сети «ВКонтакте». Причины выбора данной социальной сети заключаются в том, что она является наиболее распространённой на территории РФ, а также одной из наиболее популярных среди тувинцев, наряду с *Viber* и *Instagram*¹ (Ламажаа, 2021). Кроме того, сеть «ВКонтакте» имеет открытое API (*application programming interface*), что позволяет получать доступ к базе данных и выгружать их.

Маршруты образовательной миграции можно определить, используя данные профилей, который заполняют пользователи при регистрации. Для идентификации места выбытия пользователя и отнесения его к Туве использовалась заполненная информация в поле «родной город» (“home_city”), а в случае, если оно было не заполнено или скрыто, то поле «школа» (“school_city”), которую окончил пользователь. Для определения места получения высшего образования использовалась поле «город вуза» (“universities_city”) в профиле пользователя в сети «ВКонтакте».

Выгрузка осуществлялась в феврале 2022 г. при помощи Платформы по сбору и обработке данных социальных сетей Университетского консорциума исследователей больших данных, правообладателем которой является Томский государственный университет². Поскольку образовательная миграция имеет значение для сохранения человеческого капитала республики, то в работе рассматривались только пользователи, указавшие в профиле высшие учебные заведения. Из рассмотрения также были исключены закрытые профили, а также профили, по которым невозможно соотнести информацию

¹ С 21 марта 2022 г. социальная сеть *Instagram* запрещена в России в связи с признанием компании-владельца сети *Meta* (США) экстремистской организацией.

² Платформа по сбору и анализу данных социальных сетей. Главная страница [Электронный ресурс] // Университетский консорциум исследователей больших данных. URL: <https://lk.opendata.university/> (дата обращения: 25.02.2022).

о месте выбытия и месте получения высшего образования пользователя. Период обучения и год завершения обучения в вузе не учитывался. Цифровой след пользователей социальной сети, на основании которого осуществлялся расчёт миграционных показателей актуален на февраль 2022 г. Если на момент выгрузки у пользователя были заполнены необходимые для анализа миграции поля профиля, то он попадал в результирующую выборку, используемую для расчёта.

Предоставления о времени обучения в школе основной масс тувинских пользователей «ВКонтакте» даёт выгрузка пользователей сети, сделанная в марте 2021 г. (Митягина и др., 2021), в которой почти 70% составили пользователи, указавшие, что учились в школе с 2000 по 2021 г. Такая оценка проводилась на основе анализа полей профиля «school_year_to» (поступление в школу) и «school_year_from» (окончание школы).

В выгрузке февраля 2022 г. поля профилей необходимые для изучения образовательной миграции, были заполнены у 3090 пользователей «ВКонтакте» из Тувы без учёта этнической принадлежности. Количество проанализированных профилей, с нашей точки зрения, достаточно для проведения исследования. В таблице 1 представлена выборка для каждого муниципального района (кожууна) и городского округа Тувы о количестве использованных для изучения миграции профилей пользователей, указавших в качестве «родного города» или места окончания школы населенные пункты муниципалитета. Данные представлены в разрезе указанных пользователями городов-центров получения высшего образования.

Таблица 1. Данные о выборке по местам получения высшего образования пользователями социальной сети «ВКонтакте» выходцев из муниципальных образований Тувы, чел.

Table 1. Data on the sample by places for acquiring higher education among users of the VK social network from municipal entities of Tuva, number of people

Муниципальный район или городской округ выхода мигрантов ("home city" или "school city")	Город-центр получения высшего образования ("universities city")						
	Кызыл	Красноярск	Новосибирск	Москва	Томск	Абакан	Другой
Ак-Довурак	28	18	9	3	1	7	26
Бай-Тайгинский кожуун	18	3	1	2	3	2	16
Барун-Хемчикский кожуун	14	3	3	3	2	3	11
Дзун-Хемчикский кожуун	39	17	8	4	5	2	27
Каа-Хемский кожуун	24	12	12	4	8	11	15
Кызыл	867	223	237	157	136	107	387
Кызылский кожуун	42	11	10	5	3	8	21
Монгун-Тайгинский кожуун	10	–	3	4	–	–	2
Овюрский кожуун	15	3	2		2	3	10
Пий-Хемский кожуун	19	10	4	4	2	12	21
Сут-Хольский кожуун	16	1	2	2	1		5
Тандинский кожуун	31	7	5	3	4	4	17
Тере-Хольский кожуун	–	–	–	–	–	1	1
Тес-Хемский кожуун	14	1	5	3	1	–	2
Тоджинский кожуун	6	4	6	2	1	4	7
Улуг-Хемский кожуун	47	13	8	9	5	10	30
Чаа-Хольский кожуун	7	3	1	2	1	1	8
Чеди-Хольский кожуун	11	13	4	3	5	3	13
Эрзинский кожуун	13	2	4	1	3	2	8
Всего	1221	344	324	211	183	180	627

Дополнительным источником информации, с которым сопоставлялись полученные результаты по межрегиональной миграции, выступили данные Министерства образования Республики Тыва в рамках реализации государственного заказа на целевую подготовку кадров. В целях решения кадрового вопроса и удовлетворения потребностей в специалистах правительством региона особое внимание уделяется подготовке специалистов по целевому обучению в образовательных организациях высшего образования РФ. Практика целевого обучения в современной Тыве восходит к советской системе подготовки национальных кадров, гарантировавшей поступление с минимальным конкурсом и бесплатным обучением для студентов, заручившихся направлением от республики (Харунов, Харунова, 2021).

В настоящее время ежегодно Министерством образования Республики Тыва составляет свод потребности в кадрах на целевое обучение от органов исполнительной власти и их подведомственных учреждений. Целевое обучение осуществляется на основании договора, заключенного между гражданином, поступающим на обучение по образовательной программе и заказчиком. Студенты-«целевики» поступают в учебное заведение по направлениям будущих работодателей и учатся бесплатно, но после получения диплома выпускник должен отработать не менее трёх лет в организации в Тыве, которая его направила. База данных об обучающихся в рамках целевой подготовки заполняется вручную, по результатам ответов образовательных организаций на запросы Министерства образования Республики Тыва¹.

Используемые для анализа в нашей работе источники информации об образовательной миграции не только могут существенно дополнить традиционную статистику, но и обладают рядом преимуществ. Во-первых, данные, публикуемые Росстатом, позволяют выделить информацию о миграции отдельных возрастных групп, но без привязки к факту обучения в вузе, что значимо в контексте необходимости сохранения человеческого капитала Тывы. Во-вторых, традиционная статистика не отражает перемещения в разрезе городов-центров притяжения мигрантов, тогда как «цифровые» данные и аналитика регионального Минобразования позволяют определить конкретные направления перемещений уроженцев и выпускников школ Тывы. Преимуществом данных социальной сети является также независимость получения информации от государственных структур, поскольку пользователи социальной сети — это «население, которое себя переписывает» (Яшунский, 2019: 144).

При этом авторы осознают, что использование «цифровых» данных для изучения образовательной миграции сопряжено с рядом проблем. Информация, которую указывают пользователи, может быть не состоявшимся фактом миграции, а только записью в профиле социальной сети. Данные «ВКонтакте» не позволяют судить об успешности завершения обучения в вузе. Пользователь может намереваться, но не осуществить переезд в указанный город-центр высшей школы, сообщить любую недостоверную информацию (например, завесить возраст или указать «головной» вуз вместо филиала). Распространённость социальных сетей среди социально-демографических групп населения неодинакова, пользователи «ВКонтакте» могут полностью или частично закрывать информацию о себе, что делает невозможным использование таких профилей в работе и определяет смещение выборки. Имеет значение, что данные о студентах-«целевиках», которые рассматривались в качестве дополнительного источника данных, охватывают только студентов, поступивших после 2016 г., тогда как информация социальной сети — всех соответствующих критериям выборки.

География образовательной миграции уроженцев и выпускников школ Тывы

Специфика развития российской высшей школы проявляется в том, что практически все студенты сосредоточены в административных центрах субъектов РФ. Потоки образовательных мигрантов внутри республики направлены в столицу региона, а межрегиональных — почти полностью в центры других субъектов РФ. Распределение образовательных мигрантов, выявленное на основании «цифровых» данных, характеризуется большим разнообразием регионов и центров высшей школы, где обучались и обучаются выходцы из Тывы.

Согласно информации «ВКонтакте», учебные заведения за пределами республики выбирает 58,9% выходцев из Кызыла и 63,7% — из других частей Тывы. География межрегиональной миграции из рес-

¹Информация получена от Министерства образования Республики Тыва по запросу Института демографических исследований ФНИСЦ РАН № 86 от 31.03.2022 г.

публики, связанной с получением высшего образования, охватывает как территориально близкие другие сибирские субъекты РФ, так и достаточно удалённые регионы, в первую очередь, столичные центры (рис. 1). Ключевые регионы, привлекавшие студентов — это Красноярский край (19,0% от обучавшихся за пределами республики), Новосибирская область, Москва, а также Томская область, Хакасия, Иркутская область и Бурятия. Несколько меньше выходцев из Тувы в своих профилях «ВКонтакте» указали Хакасию, а также Иркутскую область и Бурятию.

Результаты, полученные на основе анализа профилей «ВКонтакте» уроженцев и выпускников школ Тувы, в основном, подтверждают выявленные социологами установки тувинской молодёжи на миграцию в другие регионы. Однако они отличаются от результатов, полученных в ходе опроса выпускников школ, проведённого в 2021 г., показавшего, что около половины выпускников школ Кызыла планируют жить и работать в других городах России, тогда как популярность регионов Сибири, в том числе родной республики значительно ниже (Ойдуп, Трошкина, 2022). Данные цифровых следов продемонстрировали предпочтительность сибирских центров и позволили выявить, что студенты из Тувы не представлены в учреждениях высшего образования 29 субъектов РФ. Практически отсутствуют студенты-тувинцы на Северном Кавказе, крайне мало их в вузах Южного федерального округа и на Северо-Западе (исключение — г. Санкт-Петербург).

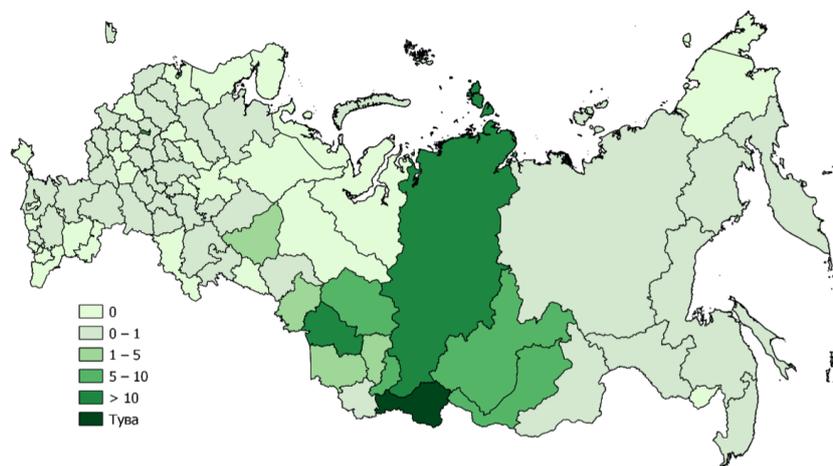

Рис. 1. Распределение межрегиональных мигрантов из Тувы по данным социальной сети «ВКонтакте» (выгрузка за февраль 2022 г.), в %.

Fig. 1. Distribution of interregional migrants from Tuva according to the VK social network (information retrieval as of February 2022), %.

«Цифровые» данные позволяют судить о роли г. Кызыл в качестве центра высшего образования в республике. Учреждения столицы региона в качестве места получения образования указали 39,5% пользователей «ВКонтакте», родившихся или закончивших школу в Туве. Отметим, что примерно такой же удельный вес Кызыла указывается в исследованиях образовательной миграции, проведённых с использованием ведомственной статистики (Харунов, Харунова, 2021). Подавляющее большинство обучавшихся в Кызыле отметили в профилях «ВКонтакте» в качестве учреждения получения образования Тувинский государственный университет («ТувГУ», «ТывГУ»¹). Остальные пользователи, указавшие Кызыл в качестве города вуза, указывали в профиле тувинские филиалы Сибирского университета потребительской кооперации («СибУПК (ТФ)»), Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств («ВСГАКИ (ТФ)», «ТФ ВСГИК (бывш. ВСГАКИ ТФ)») и другие, в том числе уже не осуществляющие образовательную деятельность учреждения.

В структуре российских студентов, обучающихся и обучавшихся, в вузах Кызыла только 5% абитуриентов приходится на другие регионы РФ. Это: Красноярский край, Хакасия и иные, в основном сибирские, регионы. Примерно две трети поступающих являются жителями республиканской столицы

¹ Предыдущее название университета — «Тывинский государственный университет». Отсюда сокращение «ТывГУ».

(таблица 2). По сравнению с соседями Кызыл — менее привлекательная для миграции столица региона: судя по «цифровым» данным, город отдаёт другим вузовским центрам России образовательных мигрантов в три раза больше, чем суммарно получает во внутрирегиональной и межрегиональной миграции.

Таблица 2. Распределение поступающих в столичные вузы Тувы и соседних субъектов РФ по месту рождения и окончания школы по данным социальной сети «ВКонтакте» (выгрузка за февраль 2022 г.)

Table 2. Distribution of applicants to HEIs in the capitals of Tuva and neighboring regions of the Russian Federation by places of birth and graduation from schools according to the VK social network (information retrieval as of February 2022)

Столица региона	Количество поступающих в столицу региона, чел. (в возрасте 17 лет и старше на момент выгрузки)	Места рождения или окончания школы, %		
		Столица региона	Другие муниципалитеты региона	Другие регионы РФ
Абакан	7841	48	27	25
Горно-Алтайск	2043	53	23	24
Иркутск	43828	45	37	18
Красноярск	62994	55	30	15
Кызыл	1291	67	27	5
Улан-Удэ	16369	56	29	15

В таблице 3 для Тувы и соседних регионов представлено количество поступающих в столицы этих субъектов РФ, а также в другие города, которые «забирают» заметную долю образовательных мигрантов. Наибольшее количество абитуриентов замыкают на себе столицы северных и северо-восточных соседей Тувы. Доля Красноярска, Иркутска и Улан-Удэ в привлечении образовательных мигрантов из своего региона составляет около двух третей от числа уроженцев и выпускников школ соответствующих субъектов РФ. Значение Кызыла как центра высшего образования в республике имеет черты сходства с организацией внутрирегиональной миграции на территории западных соседей Тувы. Так Абакан замыкает на себе менее половины абитуриентов из своей республики, а Горно-Алтайск — ещё меньше. Вторыми по популярности центрами притяжения в них являются города-столицы соседних регионов: для Республики Алтай — Барнаул, а для Хакасии — Красноярск.

Данные республиканского министерства образования также позволяют судить о направлениях образовательной миграции. Территориальное распределение студентов из Тувы, обучающихся по целевым направлениям, характеризуется меньшим разнообразием регионов и центров высшей школы по сравнению с результатами, полученными на основе «цифровых» данных (рис. 2). Это, на наш взгляд, обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, поступление ограничено вузами, с которыми заключены договоры на целевое обучение тувинских абитуриентов, во-вторых, особенностями информационной базы нашего исследования, в которой число соответствующих профилей межрегиональных мигрантов (без ограничения периода обучения в вузе), выявленных по «цифровым» данным, в 1,8 раза больше, чем количество обучающихся за пределами Тувы в рамках целевой подготовки в 2021–2022 учебном году.

Студенты-«целевики» из республики в 2021–2022 учебном году получали высшее образование в 104 учебных заведениях России 27 субъектов РФ (включая Туву). В университете столицы республики обучалось 17,8% студентов-«целевиков», остальные — в других субъектах РФ. Наибольшие контингенты студентов-«целевиков» обучались в вузах Томской области (15,6% от обучавшихся за пределами

Туву), Красноярского края, Новосибирской области, а также Москвы. Кроме того, заметное количество представителей Тувы обучается в учебных заведениях городов Кузбасса, Бурятии, Алтайского края, Иркутской области. Вузы, привлекавшие студентов из Тувы, расположены в столицах перечисленных субъектов РФ, а также Бийске и Новокузнецке. Отметим, что в расположенных на значительном удалении от республики таких крупных городах и центрах высшей школы как Ростов-на-Дону, Краснодар, Самара, Воронеж, а также располагающих федеральными университетами Архангельске, Якутске, Калининграде, Симферополе, Ставрополе в рамках реализации заказа на целевую подготовку студенты из Тувы не обучаются. «Целевики» из Тувы отсутствуют в вузах Северо-Кавказского и Северо-Западного федеральных округов (кроме Санкт-Петербурга).

Таблица 3. Распределение выходцев из Тувы и соседних субъектов РФ по городам-центрам получения высшего образования по данным социальной сети «ВКонтакте» (выгрузка за февраль 2022 г.)

Table 3. Distribution of natives of Tuva and neighboring subjects of the Russian Federation by cities-centers for acquiring higher education according to the VK social network (information retrieval as of February 2022)

Регионы выхода мигрантов	Всего, чел.	Доля столицы региона, в %	Доли иных городов-центров притяжения, в %
Республика Тыва	3090	Кызыл — 39	Красноярск — 11, Новосибирск — 10
Республика Алтай	3393	Горно-Алтайск — 46	Барнаул — 18
Республика Хакасия	11694	Абакан — 50	Красноярск — 22
Красноярский край	76449	Красноярск — 70	Ачинск — 2, Норильск — 4, Лесосибирск — 2, Абакан — 2, Санкт-Петербург — 3
Иркутская область	57385	Иркутск — 62	Братск — 9, Ангарск — 4, Усть-Илимск — 2, Красноярск — 4
Республика Бурятия	21147	Улан-Удэ — 65	Иркутск — 12, Новосибирск — 4

Для межрегиональных образовательных мигрантов наиболее популярными для обучения в рамках целевого набора являются те учебные заведения, которые осуществляют подготовку по востребованным в Туве специальностям и направлениям подготовки высшего образования: медицинским (отсутствующим в регионе), а также сельскохозяйственным. Наибольшим спросом, благодаря наличию целевых мест для абитуриентов из Тувы, пользуются медицинские учебные заведения Томска, Барнаула, Кемеровы, Благовещенска и Иркутска, а также сельскохозяйственные — Кемеровы и Улан-Удэ.

Направления образовательной миграции, выявленные по двум источникам данных, в основном совпадают, но имеются и некоторые отличия. Получение высшего образования по целевым направлениям республиканского министерства отражает перемещения в 2016–2021 гг., фактически является формой организованных миграций, носит временный характер, предполагая возвращение получивших специальность молодых людей в республику. Потоки мигрантов, оцениваемые по данным цифровых следов, отражают, во-первых, самостоятельный выбор абитуриентами городов и регионов для получения высшего образования, во-вторых, перемещения людей в разные периоды времени. Однако первые пять регионов-лидеров по привлечению студентов совпадают — это, собственно, Тува, а также, в разном порядке, Красноярский край, Новосибирская и Томская области, Москва. Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, расположенный в соседней с Тувой республике, если судить по данным социальной сети, весьма популярен для получения высшего образования (180 профилей «ВКонтакте»), но значительно меньше востребован у студентов-«целевиков» (1 чел.).

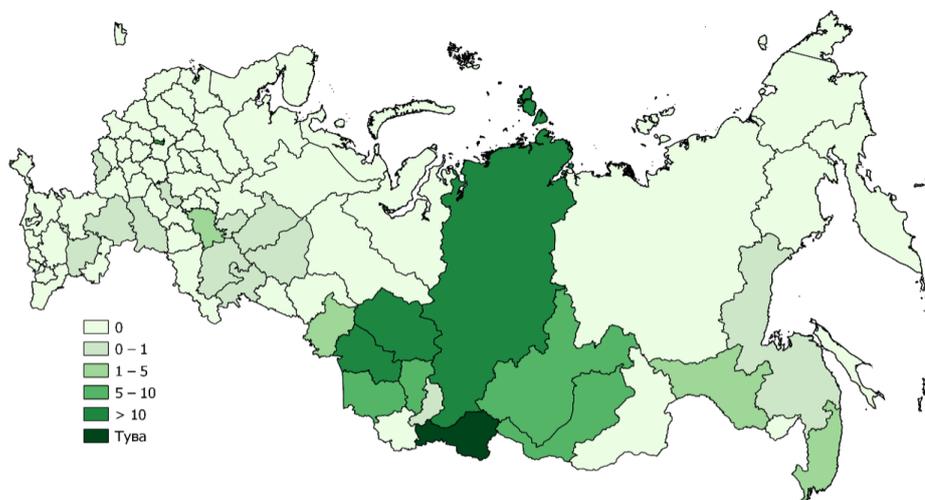

Рис. 2. Распределение студентов из Тувы, получавших высшее образование в рамках целевой подготовки кадров, по другим регионам России (данные Министерства образования Тувы на 2021–2022 уч. год), в %.
 Fig. 2. Distribution of students from Tuva who were studying in other regions of Russia within the framework of the purpose-oriented program for training human resources (data of the Ministry of Education of Tuva for the 2021–2022 academic year), in %.

Ограниченная сеть учреждений высшей школы и высокая доля молодёжи в населении Тувы способствуют формированию потоков межрегиональной миграции молодёжи, интенсивность которой выше, чем для перемещений внутри республики.

Заключение

Использование для анализа миграции молодёжи нетрадиционных источников информации является перспективным направлением миграционных исследований. Данные, которые указывают в своих профилях пользователи социальной сети, позволяют выявить потоки и направления самостоятельно поступающих в разрезе конкретных регионов и городов-центров. Информация Минобразования Республики Тыва о студентах-«целевиках» также даёт возможность оценить миграцию в каждый регион, город и вуз, где обучаются студенты из республики. Таким образом, совместное рассмотрение двух источников информации позволяет увидеть более точную картину.

Главными центрами притяжения образовательных мигрантов за пределами республики, согласно «цифровым» данным, в основном выступают сибирские города с крупными вузами (Новосибирск, Томск, Красноярск), а также столица России. Это объясняется различиями в уровне социально-экономического развития, географической близостью, развитостью сферы высшего образования в городах-университетских центрах, наличием в вузах направлений подготовки, востребованных тувинскими абитуриентами. Эти же факторы определили, что единственным географически близким регионом, где, судя по профилям в социальных сетях, отсутствует заметный контингент студентов из Тувы, является Республика Алтай, соседство с которой сопряжено с отсутствием автодороги из Тувы, а «сеть» учреждений высшей школы представлена одним университетом.

Внутри республики единственным центром притяжения мигрантов, получающих высшее образование, является Кызыл. Однако анализ «цифровых следов» показал, что значение его в подготовке студентов для региона ниже, чем у соседних столиц субъектов РФ, а сам город отдаёт в три раза больше образовательных мигрантов, чем суммарно получает во внутрирегиональной и межрегиональной миграции.

Распределение по регионам и городам студентов, поступивших в вузы в рамках целевого обучения, отражает организованную образовательную миграцию за менее продолжительный, чем «цифровые» данные период времени. Полученные результаты в основном соответствуют распределению по данным социальной сети, но с меньшим разнообразием территорий, где проходят обучение студенты-«целевики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Анайбан, З. В. (2020) Динамика развития этнодемографических процессов в постсоветской Туве // Вестник Института востоковедения РАН. № 2. С. 284–293. DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10 (390). С. 85–92.
- Габдрахманов, Н. К., Орлова, В. В., Александрова, Ю. К. (2021) Миграционное поведение студентов российских вузов на основе данных цифровых следов // Вестник Томского государственного университета. № 467. С. 106–114. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/467/14>
- Гончиков, Ц. Д., Мандыт, М. К., Гомбоев, Б. О., Урбанова, Ч. Б., Хальбаева, С. Р. (2019) Миграция населения как фактор формирования и размещения населения региона (на примере Республики Тыва) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. Т. 13. № 1. С. 56–65.
- Замятина, Н. Ю. (2012) Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. № 2 (36). С. 15–28.
- Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 152–165.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Митягина, Е. В., Коньшев, Е. В., Чернышев, К. А., Сайфулин, Э. Р. (2021) Цифровые следы выпускников вузов при исследовании миграции из регионов-доноров // Вестник Томского государственного университета. № 467. С. 144–155. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/467/18>
- Ойдуп, Т. М. (2021) Миграционные процессы в приграничном регионе: социологический анализ // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия (23–25 сентября 2021 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева Абакан : Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова. 346 с. С. 227–231.
- Ойдуп, Т. М., Кылгыдай, А. Ч. (2021) Выпускники школ как основа человеческого капитала региона (на примере Республики Тыва) // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 176–188. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>
- Ойдуп, Т. М., Трошкина, И. Н. (2022) Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 198–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>
- Сарыглар, С. А. (2019) Социологический анализ миграционной ситуации в Республике Тыва // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Т. 2. № 8. С. 233–238.
- Харунов, Р. Ш., Харунова, М. М.-Б. (2021) Образовательная миграция как жизненная стратегия молодежи Тувы // Ермолаевские чтения : материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики (26–27 августа 2021 г.). Кызыл : Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина РТ. 284 с. С. 32–36. DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36>
- Хольшина, М. А., Кылгыдай, А. Ч. (2014) Территориальное различие внутренней миграции населения республики Тыва // Перспективы науки. № 11 (62). С. 14–17.
- Яшунский, А. Д. (2019) Население, которое себя переписывает: данные из социальных сетей // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности. № 1 (2). С. 144–150. DOI: <http://doi.org/10.20948/future-2019-14>
- Alexandrov, D., Karepin, V., Musabirov, I. (2016) Educational Migration from Russia to China: Social Network Data // WebSci'16: Proceedings of the 8th ACM Conference on Web Science. May, P. 309–311. DOI: <http://dx.doi.org/10.1145/2908131.2908192>

Дата поступления: 06.11.2022 г.

Дата принятия: 07.12.2022 г.

REFERENCES

- Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Anayban, Z. V. (2020) Dinamika razvitiia etnodemograficheskikh protsessov v postsovetsoi Tuve [The dynamics of ethno-demographic processes development in post-Soviet Tuva]. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, no. 2, pp. 284–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2020-2-284-293>
- Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Balakina, G. F. and Anayban, Z. V. (2016) Osobennosti etnoregional'noi migratsii v Tuve [Features of ethno-regional migration in Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10 (390), pp. 85–92. (In Russ.).
- Gabdrakhmanov, N. K., Orlova, V. V. and Aleksandrova, Yu. K. (2021) Migratsionnoe povedenie studentov rossiiskikh vuzov na osnove dannykh tsifrovyykh sledov [Migration behavior of Russian university students based on digital footprint data]. *Tomsk State University Journal*, no. 467, pp. 106–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/467/14>
- Gonchikov, Ts. D., Mandyt, M. K., Gomboev, B. O., Urbanova, Ch. B. and Khal'baeva, S. R. (2019) Migratsiia naseleniia kak faktor formirovaniia i razmeshcheniia naseleniia regiona (na primere Respubliki Tyva) [Human migration as a factor of formation and location of the population in the region (the case of the Republic of Tuva)]. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Natural and Exact Sciences*, vol. 13, no. 1, pp. 56–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31161/1995-0675-2019-13-1-56-65>
- Zamyatina, N. Yu. (2012) Metod izucheniia migratsii molodezhi po dannym sotsial'nykh internet-setei: Tomskii gosudarstvennyi universitet kak «tsentr proizvodstva i raspredeleniia» chelovecheskogo kapitala (po dannym sotsial'noi internet-seti «VKontakte») [The method of studying the migration of young people on social networking sites: Tomsk State University as a “center of production and distribution” of human capital (according to the social online network “VKontakte”)]. *Regional'nye issledovaniia*, no. 2 (36), pp. 15–28. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Trans-Sayan Tuvans: Way of living, values and ideals]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsialnaia kultura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Mitiagina, E. V., Konyshchev, E. V., Chernyshev, K. A. and Saifulin, E. R. (2021) Tsifrovye sledy vypusknikov vuzov pri issledovanii migratsii iz regionov-donorov [A study of university graduates' migration in regions with high migration outflow: A digital footprint analysis]. *Tomsk State University Journal*, no. 467, pp. 144–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/467/18>
- Oidup, T. M. (2021) Migratsionnye protsessy v prigranichnom regione: sotsiologicheskii analiz [Migration processes in the border region: a sociological analysis]. In: *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma khakasskogo eposa, VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Narody i kul'tury Saiano-Altai i sopredel'nykh territorii», posviashchennoi 300-letiiu otkrytiia pamiatnikov eniseiskoi pis'mennosti i Godu khakasskogo eposa v Respublike Khakassii* [Proceedings of the International Symposium of Khakass Epic, the 8th International scientific conference “Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and bordering territories” dedicated to the 300th anniversary of the discovery of sites of the Yenisei script and to the Year of Khakass epic in the Republic of Khakassia] (September 23–25, 2021) / ed. by N. S. Maynagasheva. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publishing House. 346 p. Pp. 227–231. (In Russ.).
- Oydup, T. M. and Kylgiday, A. Ch. (2021) Vypuskniki shkol kak osnova chelovecheskogo kapitala regiona (na primere Respubliki Tyva) [School graduates as the basis of the human capital of the region (on the example of the Republic of Tyva)]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, vol. 12, no. 3, pp. 176–188. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.3.743>
- Oydup, T. M. and Troshkina, I. N. (2022) Professional'nye predpochteniia vypusknikov shkol stolits respublik Tyva, Altai i Khakassii kak osnova formirovaniia chelovecheskogo kapitala regionov (2021 g.) [Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 198–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Saryglar, S. A. (2019) Sotsiologicheskii analiz migratsionnoi situatsii v Respublike Tyva [Sociological analysis of the migration situation in the Republic of Tyva]. *Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve*, vol. 2, no. 8, pp. 233–238. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. and Kharunova, M. M.-B. (2021) Obrazovatel'naia migratsiia kak zhiznennaia strategiiia molodezhi Tuvy [Educational migration as life strategy of Tuva's youth]. In: *Ermolaevskie chteniia [Ermolaev Readings]* : Proceedings of the 5th jubilee science-to-practice conference with international participation dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Tuvan People's Republic (August 26–27, 2021). Kyzyl, Publishing Department of A. S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva. 284 p. Pp. 32–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24412/2686-9624-2021-32-36>

Khol'shina, M. A. and Kylgydai, A. Ch. (2014) Territorial'noe razlichie vnutrennei migratsii naseleniia respubliky Tyva [Territorial differentiation of internal migration of the population of the Republic of Tuva]. *Perspektivy nauki*, no. 11 (62), pp. 14–17. (In Russ.).

Yashunsky, A. D. (2019) Naselenie, kotoroe sebia perepisyvaet: dannye iz sotsial'nykh setei [A population self-census: Social network data]. *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoi real'nosti*, no. 1 (2), pp. 144–150. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.20948/future-2019-14>

Alexandrov, D., Karepin, V. and Musabirov, I. (2016) Educational migration from Russia to China: Social network data. *WebSci'16: Proceedings of the 8th ACM Conference on Web Science*. P. 309–311 DOI: <http://doi.org/10.1145/2908131.2908192>

Submission date: 06.11.2022.

Acceptance date: 07.12.2022.

DOI: 10.25178/nit.2023.2.6

Статья

Родительский труд в Республике Тыва в контексте региональной кластерной структуры демографического пространства России (1990–2019)

Анна П. Багирова, Оксана М. Шубат

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российская Федерация

Несмотря на общую положительную динамику демографических процессов в Республике Тыва, связанных с естественным воспроизводством населения, в регионе сегодня фиксируется достаточно негативное состояние целого ряда сфер функционирования и развития человеческого капитала. Это может свидетельствовать о проблемном состоянии сферы родительского труда в регионе. В статье представлены результаты идентификации места Республики Тыва в кластерных структурах российских регионов, сформированных по параметрам родительского труда за период с 1990 по 2019 г. Авторы оценивают место Республики Тыва в кластерном пространстве российских регионов по показателям, демонстрирующим условия, организацию и результаты родительского труда.

В основе исследования лежит междисциплинарная концепция родительского труда. Под ним понимается трудовой характер родительства, его соответствие всем признакам трудовой деятельности. Источники исследования: данные Федеральной службы государственной статистики; данные федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам.

Выявлены две ключевые особенности положения Республики Тыва в региональной кластерной структуре. Первая: Тыва либо не вписывается в структуру сформированного регионального кластерного пространства и не включается в какой-либо из выделенных кластеров, либо геометрически находится на очень далеком расстоянии от центра того кластера, к которому она отнесена. Вторая: профиль Тывы в составе всего кластера в большинстве случаев характеризуется полярностью и крайней неоднозначностью.

Ключевые слова: родительский труд; кластерный анализ; российский регион; Республика Тыва; условие труда; организация труда; результат труда

Исследование проведено в рамках проекта «Институты поддержки российской пронаталистской политики: потенциал и перспективы влияния на рост рождаемости», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НИШ–1327.2022.2).

Для цитирования:

Багирова А. П., Шубат О. М. Родительский труд в Республике Тыва в контексте региональной кластерной структуры демографического пространства России (1990–2019) // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 84–98. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.6>

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Адрес: Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. Эл. адрес: a.p.bagirova@urfu.ru

[urfu.ru](mailto:a.p.bagirova@urfu.ru)

Шубат Оксана Михайловна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Адрес: Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. Эл. адрес: o.m.shubat@urfu.ru

Parental labor in the Republic of Tuva in the context of the regional cluster structure of Russia's demographic space (1990–2019)

Anna P. Bagirova, Oksana M. Shubat

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Russian Federation

Despite the overall positive dynamics of demographic processes related to the natural reproduction of the population in the Republic of Tuva, the region currently experiences a fairly negative state of several spheres of human capital functioning and development. This may indicate a problematic state of the sphere of parental labor in the region. The article presents the results of identifying the place of the Republic of Tuva in the cluster structures of Russian regions. These structures were formed by the parameters of parental labor during the period from 1990 to 2019. The authors assess the place of the Republic of Tuva in the cluster space of Russian regions according to indicators that demonstrate the conditions, organization and results of parental labor.

The research is based on an interdisciplinary concept of parental labor, which implies the labor character of parenthood and its compliance with all the features of work activity. The sources of the study are the data of the Federal State Statistics Service and the data of federal statistical observations on socio-demographic issues.

Two key features of the position of the Republic of Tuva in the regional cluster structure have been identified. The first one is that Tuva either does not fit into the structure of the formed regional cluster space and is not included in any of the identified clusters, or it is geometrically located at a very far distance from the center of the cluster to which it is assigned. The second feature is that the profile of Tuva as part of the entire cluster is in most cases characterized by polarity and extreme ambiguity.

Keywords: *parental labor; cluster analysis; Russian region; Republic of Tuva; working conditions; work organization; work results*

Financing

The research was conducted as part of the project "Russian Pro-Natalist Policy Support Institutions: Potential and Prospects for Influencing Birth Rate Growth" supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation for State Support to Leading Scientific Schools of the Russian Federation (SS-1327.2022.2).

For citation:

Bagirova A. P. and Shubat O. M. Roditel'skii trud v Respublike Tyva v kontekste regional'noi klasternoii struktury demograficheskogo prostranstva Rossii (1990–2019) [Parental labor in the Republic of Tuva in the context of the regional cluster structure of Russia's demographic space (1990–2019)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 84–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.6>

BAGIROVA, Anna Petrovna, Doctor of Economics, Professor; Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Postal address: 19, Mira St., 620002 Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0001-5653-4093

Shubat, Oksana Mikhailovna, Doctor of Economics, Associate Professor; Professor, Department of Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Postal address: 19, Mira St., 620002 Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: o.m.shubat@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-0929-8144

Введение

Несмотря на общую положительную динамику демографических процессов в Республике Тыва, связанных с естественным воспроизводством населения, в регионе сегодня фиксируется достаточно негативное состояние целого ряда сфер функционирования и развития человеческого капитала. Так, например, в недавнем исследовании тувинских и башкирских ученых делается вывод о «большом поле проблем человеческого развития, человеческого потенциала» в Республике (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 6). Согласно официальной статистике, высокий уровень напряженности наблюдается на рынке труда (по уровню занятости, безработицы, времени поиска работы Республика Тыва занимает места в последней десятке российских регионов¹). По данным целого ряда исследований, нерешенность проблем рынка труда может способствовать увеличению объемов временного ресурса потенциальных родителей и высоким количественным результатам родительского труда. Кроме того, родительский труд имеет значительный потенциал влияния на демографическую и общеэкономическую ситуацию в регионе. Данный вид труда авторы определяют как процесс сознательной, целесообразной деятельности, с помощью которой субъекты этого вида труда (родители или другие лица, выполняющие родительские функции) формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда общественные и личные потребности. При этом родительский труд соответствует всем признакам трудовой деятельности².

Объектом исследования в данной статье выступают кластерные структуры российских регионов, сформированные по значениям региональных показателей условий, организация и результатов родительского труда; предметом — показатели условий, организация и результатов родительского труда в Республике Тыва, обеспечивающие ей определенное место в кластерных структурах. Соответственно, цель нашего исследования состоит в идентификации места Республики Тыва в кластерных структурах российских регионов, сформированных по параметрам родительского труда.

Задачами исследования выступают:

- оценка места Республики Тыва в региональной кластерной структуре, сформированной по показателям *условий* родительского труда;
- оценка места Республики Тыва в региональной кластерной структуре, сформированной по показателям *организации* родительского труда;
- оценка места Республики Тыва в региональной кластерной структуре, сформированной по показателям *результатов* этого вида труда.

В качестве источников для проведения анализа использовались данные и результаты исследований региональной кластерной структуры российского демографического пространства, проведенных нами в разные годы и с разных сторон характеризующих условия, организацию и результаты родительского труда (Шубат, Караева, 2017; Шубат, Шмарова, 2017; Шубат, Багирова, Акишев, 2019; Shubat, Bagirova, 2019; Багирова, Шубат, 2021; Shubat, Shmarova, 2022; Bagirova, Shubat, 2022 и др.³). Исследования охватывают период с 1990 по 2019 гг. и опираются на данные Федеральной службы государственной статистики, представленные в региональном разрезе.

Теоретико-методологическая основа исследования

Родительский труд как категория экономики и социологии появилась в научном обороте достаточно недавно. Трудовая трактовка родительства активно развивалась в XX в. в США в трудах социологов А. Окли (Oakley, 1974) и А. Р. Хохшильд (Hochschild, 1997), нашла отражение в исследованиях разделения домашнего труда и при изучении неформальной экономики. Несмотря на то, что целый ряд зарубежных работ, описывающий сложный, монотонный, ответственный характер родительства, появился в 1970-е гг., именно российские ученые впервые поставили вопрос об исследовании категории

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. М., 2021. 1112 с. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 02.09.2022).

² Багирова А. П. Методология исследования репродуктивной активности как развитие теоретических основ экономики репродуктивного труда : дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2009.

³ Там же; Шубат О. М. Развитие методологии статистического исследования рождаемости в российских регионах : дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2020.

родительского труда. Так, в работах А. М. Ильшева и И. В. Лаврентьевой в начале 2000-х гг. впервые было заявлено о трудовом характере родительства и обоснована необходимость и возможность включения родительского труда в национальную экономику (Ильшев, Лаврентьева, 2005), А. Л. Сеница изучал сочетание домашней и общественной форм труда по уходу за детьми дошкольного возраста (Сеница, 2012), а Е. Г. Великая рассматривала репродуктивный труд даже как инструмент роста национальной экономики (Великая, 2013). Системное представление о родительском труде было развито в научном направлении, основанном А. М. Ильшевым и ведущем свои исследования в рамках экономики, социологии и демографии (Багирова и др., 2014, 2015, 2017, 2018).

Согласно разработанному в рамках этого направления подходу, условия для реализации родительского труда могут формироваться на разных уровнях:

- макроуровень (государственный) — экономические и социокультурные условия, созданные для реализации родительского труда в стране. Это многочисленные формы и виды поддержки рождаемости, семей с детьми, отраженные, в частности, в национальном проекте «Демография» и входящих в него пяти федеральных проектах;

- мезоуровень (региональный) — экономические и социокультурные условия, созданные для реализации родительского труда в регионе. Они могут быть отражены в общественном сознании населения региона в виде социальных норм, традиций; кроме того, сюда относятся меры поддержки семей с детьми, закрепленные законодательством субъектов РФ;

- микроуровень (семейный) — социально-экономические, организационные условия для реализации родительского труда на уровне семьи. На уровне семьи реализация функций родительского труда может быть организована по-разному, в него могут быть вовлечены разные поколения семьи, в нем могут быть задействованы на регулярной или эпизодической основе разные члены семьи, или же наемный персонал (няни, гувернантки и т. д.);

- мини-уровень (личностный) — социально-экономические условия жизнедеятельности личности, которые формируют условия реализации родительского труда. Например, условия на этом уровне могут быть связаны с наличием (или отсутствием) баланса «семья — работа» у матери ребенка, ее личным отношением к родительскому труду, разделению его функций между членами семьи, и т. д.

Кроме того, условия родительского труда могут быть дифференцированы по трем типам:

- экономические, создающие основу для материальных инвестиций родителей в человеческий капитал детей;

- социально-демографические, обеспечивающие такой статус потенциальных субъектов родительского труда в обществе, при котором у них возникает желание включить в свою жизненную стратегию рождение и воспитание детей. Кроме того, этот тип условий связан с демографической структурой населения, задающей объективные возможности реализации родительского труда в тех или иных объемах;

- организационно-правовые, задающие своего рода «формат», обеспечивающие инфраструктуру для реализации функций родительского труда и возможности его правового регулирования.

Организация родительского труда, с одной стороны, проявляется в наличии и использовании инфраструктуры для формирования и развития человеческого капитала (детские сады, поликлиники, школы, больницы, учреждения дополнительного образования и др.), с другой — в форматах распределения функций родительского труда между его различными субъектами. При этом возможны различные подходы к выделению круга субъектов родительского труда: от непосредственно родителей до всех субъектов, так или иначе вовлеченных в реализацию функций по уходу, развитию, социализации детей (Черешова, 2021). В ряде работ российских и зарубежных исследователей в последние годы обосновано, что прародители (бабушки и дедушки) выступают важным ресурсом организации родительского труда, а прародительский труд как времязатратный труд, выполняемый прародителями в отношении их внуков, содержание которого составляют функции, делегируемые от родителей прародителям, может существенно сокращать затраты непосредственного родительского труда (Кулькова, 2020; Goh, 2009; Ross et al., 2005; Sarti, 2010).

Наконец, *результат родительского труда* может быть определен как человеческий капитал, сформированный в результате особого вида инвестирования, осуществляемого родителями в процессе родительского труда. Уровни результатов родительского труда могут быть выделены по стадиям

родительского труда. Так, М. М. Пшеничникова был предложен макроуровневый подход к оценке результатов родительского труда, реализованный по стадиям формирования человеческого капитала. В соответствии с ним для каждой стадии родительского труда определен набор официальных статистических показателей, с помощью которых можно провести оценку результативности родительского труда на уровне региона. Такими показателями, в частности, являются:

а) на перинатальной стадии: общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, абсолютное число рождений и т. п.;

б) на младенческой стадии: данные о состоянии здоровья новорожденных, данные о распределении новорожденных по массе тела при рождении, данные о грудном вскармливании детей первого года жизни и т. п.;

в) на дошкольной стадии: охват детей дошкольными образовательными учреждениями, посещаемость дошкольных образовательных учреждений и т. п.¹

Таким образом, на сегодняшний день российскими учеными обосновано, что деятельность по воспроизводству человеческого капитала (рождение детей, уход за ними, воспитание и развитие) относится к трудовой; определены этапы родительского труда; разработаны методики оценки его условий и результатов. В то же время необходимо констатировать, что несмотря на изученность многих вопросов, сегодня не хватает региональных срезов и анализа специфической региональной ситуации в сфере родительского труда, позволяющих сравнивать конкретный регион с другими российскими территориями. Это особенно актуально в условиях высокой региональной дифференциации отдельных аспектов родительского труда, выявленной в предыдущих исследованиях. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена и не изученностью этого вида труда, его условий, организации и результатов именно в Республике Тыва, его социально-экономической значимостью, неблагоприятной ситуацией на рынке труда, которая может быть связана с ситуацией в сфере родительского труда. Научной новизной данной статьи является применение интегрального подхода к исследованию родительского труда, когда для какого-то одного региона (в данном случае — для Тувы) оценивается состояние сразу нескольких аспектов родительского труда.

Методы исследования и данные

Информационную базу для представленного в статье анализа составили следующие авторские исследования региональной кластерной структуры российского демографического пространства:

1) исследование репродуктивной активности в регионах². Для формирования кластерной структуры здесь использовались следующие региональные показатели: соотношение браков и разводов; охват детей дошкольными образовательными учреждениями; число аборт на 100 родов; общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя; суммарный коэффициент рождаемости;

2) исследование репродуктивного потенциала молодежи в регионах, проводившееся на основе следующих показателей: удельный вес молодежи в численности населения трудоспособного возраста; возрастной коэффициент рождаемости для группы 15–29 лет; заболеваемость подростков в возрасте 15–17 лет; общее число абортов на 1000 женщин в возрасте 15–29 лет; возрастные коэффициенты смертности мужчин 15–29 лет; возрастные коэффициенты смертности женщин 15–29 лет (Шубат, Караева, 2017);

3) исследование состояния института семьи в регионах, в котором кластерная структура формировалась на основе следующих показателей: количество детей, рожденных вне брака; численность детей, оставшихся без попечения родителей; численность матерей с детьми, моложе 18 лет; коэффициент неустойчивости браков; супружеские пары без детей; число случаев прерывания беременности (Шубат, Шмарова, 2017);

4) исследование демографического потенциала регионов (Шубат, Багирова, Акишев, 2019). Кластеры выделялись на основе показателей: суммарный коэффициент рождаемости; коэффициент

¹ Пшеничникова М. М. Родительский труд: содержание и особенности реализации в малых городах Уральского региона : дис...канд. экон. наук. Екатеринбург, 2012.

² Багирова А. П. Методология исследования репродуктивной активности как развитие теоретических основ экономики репродуктивного труда : дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2009.

реализации рождений; удельный вес детей в общей численности населения; доля здоровых детей; доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом; охват детей программами дополнительного образования; численность выпускников, успешно окончивших школу; уровень декриминогенности региона;

5) исследование детерминации рождаемости доходами населения¹. Для формирования региональной кластерной структуры в данном исследовании были задействованы следующие показатели: среднедушевые денежные доходы населения (стандартизованные на величину прожиточного минимума); уровень бедности; коэффициент дифференциации доходов; коэффициент Джини; суммарный коэффициент рождаемости;

6) исследование специфики динамики рождаемости в российских регионах (Shubat, Bagirova, 2019). В данном исследовании кластеры формировались на основе показателей, характеризующих темпы роста/падения уровней рождаемости в регионах России за следующие периоды: 1990–1999 гг.; 2000–2007 гг.; 2007–2017 гг.;

7) исследование изменчивости численности активных прародителей в регионах (Shubat, Shmarova, 2022). Региональная кластерная структура в данном исследовании формировалась на основе коэффициентов роста численности активных бабушек за следующие периоды: 2011–2014 гг.; 2014–2016 гг.; 2016–2018 гг.;

8) особенности прародительского труда в регионах, базирующиеся на следующих показателях: доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда; затраты времени бабушек на выполнение ими функций прародительского труда; уровень образования бабушек; самооценка состояния здоровья; социальная активность бабушек (Багирова, Шубат, 2021);

9) исследование детерминации рождаемости жилищными условиями населения². Для формирования региональной кластерной структуры в данном исследовании были задействованы следующие показатели: доля домохозяйств, нуждающихся в улучшении жилищных условий; доля домохозяйств, оценивших состояние своего жилого помещения как плохое или очень плохое; доля домохозяйств, оценивших состояние своего жилого помещения как хорошее; обеспеченность жильем (размер общей площади в расчете на одного члена домохозяйства); суммарный коэффициент рождаемости;

10) исследование потенциала развития корпоративной демографической политики в регионах, в рамках которого кластерная структура регионов формировалась на основе следующих показателей: ВРП на душу населения; уровень инновационной активности в регионе; удельный вес убыточных предприятий; фактическое конечное потребление домашних хозяйств; оборот розничной торговли на душу населения; суммарный коэффициент рождаемости (Bagirova, Shubat, 2022).

Для формирования различных видов структур и моделей регионального пространства России в данных исследованиях применялся статистический кластерный анализ (иерархическая кластеризация на основе метода Варда и квадрата расстояния Евклида). Этот вид анализа чрезвычайно востребован в условиях разнородности российского демографического пространства и существенной региональной дифференциации социально-экономических, демографических показателей. На его основе в демографическом пространстве страны могут быть выделены типологические группы регионов, характеризующиеся схожими состояниями условий родительского труда, его организации, результатов.

В ходе настоящего исследования в выявленных ранее региональных кластерных структурах идентифицировалось место Республики Тыва, а также проводился сравнительный анализ — показатели региона сопоставлялись со значениями кластерных центроидов.

Результаты исследования

Проведенные на основе инструментария кластерного анализа исследования позволили выявить две ключевые особенности положения Республики Тыва в региональной кластерной структуре. Во-первых, Туву либо вообще невозможно вписать в структуру сформированного регионального

¹ Шубат О. М. Развитие методологии статистического исследования рождаемости в российских регионах : дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2020.

² Там же.

кластерного пространства России и включить в какой-либо из выделенных кластеров, либо, если регион все же включается в кластер, то он находится на очень далеком расстоянии от его центра. Таким образом, показатели региона предопределяют высокий уровень неоднородности значений переменных внутри кластера. Во-вторых, профиль Тувы в составе всего кластера в большинстве случаев характеризуется полярностью и крайней неоднозначностью. Ниже представлены примеры проведенных нами исследований, в которых выявленные особенности проявились наиболее отчетливо и ярко.

К примеру, в нашем исследовании 2017 г. (Шубат, Шмарова, 2017) выделялись регионы с похожим уровнем «проблемности» института семьи, состояние которого характеризует условия и организацию родительского труда в регионах России.

Было выделено 4 кластера российских регионов:

кластер 1 — зона высокого риска института семьи;

кластер 2 — неблагополучие в сфере семьи;

кластер 3 — усредненные тенденции в сфере семьи;

кластер 4 — относительно благополучное положение семьи.

По результатам анализа Туву не удалось включить ни в один из выделенных кластеров в силу резко отличающихся значений переменных кластеризации в регионе (табл. 1).

Таблица 1. Значения переменных кластеризации в Республике Тыва и кластерах¹

Table 1. Values of clustering variables in the Republic of Tuva and in clusters

Исследуемые показатели	Средние значения в кластере				Значения в Республике Тыва
	кластер 1	кластер 2	кластер 3	кластер 4	
Численность матерей с детьми, моложе 18 лет (на 1000 человек населения)	44,2	37,3	35,9	34,7	57,8
Коэффициент неустойчивости браков (число разводов на 1000 браков)	572	625	522	568	306
Численность детей, оставшихся без попечения родителей (на 1000 человек населения)	1,105	0,768	0,470	0,347	2,974
Количество детей, рожденных вне брака (на 1000 человек населения)	5,4	3,9	3,3	2,3	15,6
Супружеские пары без детей (на 1000 человек населения)	80,2	97,5	90,8	90,9	51,6
Число прерываний беременности (на 1000 женщин фертильного возраста)	35,9	37,5	28,0	21,9	53,0

Еще одним подтверждением того, что Республика Тыва занимает особенное место в кластерной структуре российского регионального пространства, являются результаты, полученные в другом нашем исследовании (Шубат, Багирова, Акишев, 2019). Нечеткая кластеризация позволила выявить 5 кластеров. Сформированные совокупности регионов представляют собой территориальные модели демографического потенциала на территории России, на основе которых можно судить об организации и результатах родительского труда.

¹ Построено по: Шубат, Шмарова, 2017.

Тува в силу самобытности сформировала собственную — пятую — модель «Высокий уровень количественной компоненты демографического потенциала при достаточно высоком уровне его качества». Эта модель характеризуется максимальными показателями рождаемости и доли детей в численности населения. Коэффициент реализации рождений (расчетный показатель, характеризующий число родов, приходящихся на 100 случаев прерывания беременности) в этой модели близок к среднему уровню. Высоки здесь и показатели качественной компоненты демографического потенциала: максимальна доля здоровых детей, доля занимающихся спортом граждан.

Общую благоприятную картину «портит» лишь один показатель — крайне низкий уровень декриминогенности (расчетный показатель; является обратной величиной показателя числа зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения).

Следовательно, можно говорить о том, что демографический потенциал в данной модели имеет высокие перспективы своей реализации как в его количественной, так — в целом — и качественной компонентах (табл. 2).

Таблица 2. Значения переменных кластеризации в Республике Тыва и кластерах¹
Table 2. Values of clustering variables in the Republic of Tuva and in clusters

Исследуемый показатель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	Кластер 5 (Республика Тыва)
Суммарный коэффициент рождаемости	1,664	1,914	1,747	2,099	3,308
Коэффициент реализации рождений	256	180	198	708	206
Доля детей	17,3	20,0	18,4	29,5	34,1
Доля здоровых детей	83,9	87,1	81,5	77,5	87,5
Доля граждан, систематически занимающихся физкультурой и спортом	36,9	32,1	30,5	31,0	45,7
Охват детей программами дополнительного образования	66,0	62,8	66,3	40,1	62,6
Доля учащихся, успешно окончивших школу	97,7	98,0	98,2	65,9	92,7
Декриминогенность	88,3	80,7	84,1	95,9	66,3

По результатам кластерного анализа, представленного в другом нашем исследовании², Тува вошла в кластер 2, включающий в себя российские регионы с наиболее высоким уровнем бедности, самыми низкими уровнями среднедушевых доходов, их дифференциации и соотношением с прожиточным минимумом. В этом кластере Тува, с одной стороны, представляет собой негативный полюс, показывая наименьшие среди всех регионов кластера уровни доходов, их соотношения с величиной прожиточного минимума и максимальный уровень бедности, что в совокупности негативно характеризует ситуацию в регионе с точки зрения условий родительского труда. Вместе с тем, показатель, характеризующий его результаты (уровень рождаемости), практически в 2 раза превышает среднее значение по кластеру (табл. 3).

¹ Построено по: Шубат, Багирова, Акишев, 2019.

² Шубат О. М. Развитие методологии статистического исследования рождаемости в российских регионах: дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2020.

В исследовании 2021 г. (Багирова, Шубат, 2021) нами было выявлено 6 моделей прародительского труда, которые позволяют, в том числе, судить об условиях и организации родительского труда в регионах страны.

Республика Тыва на основе математического алгоритма была отнесена ко второму кластеру регионов наряду с такими субъектами РФ, как г. Москва, г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. В этом кластере в среднем наблюдается достаточно высокая широта охвата прародительским трудом женщин старшего возраста при достаточно низкой его интенсивности. Все показатели, характеризующие потенциал субъектов прародительского труда в этом кластере (кроме самооценки здоровья), максимальны — самая высокая средняя продолжительность полученного образования, самое большое число социальных активностей бабушек. Уникальность Тувы здесь проявляется в нетипично высоком для регионов этого кластера уровне рождаемости. В трех других регионах данного кластера суммарный коэффициент рождаемости варьировался в диапазоне от 1,12 до 1,47. Значение же этого показателя в Республике Тыва было более, чем в два раза выше (табл. 4). Очевидным является и тот факт, что регион существенно отличается от трех других регионов данного кластера и по уровню социально-экономического развития.

Таблица 3. Значения переменных кластеризации в Республике Тыва и кластере, включающем этот регион¹
Table 3. Values of clustering variables in the Republic of Tuva and in the cluster that includes this region

Исследуемые показатели	Республика Тыва	Кластер в целом	
		среднее	медиана
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц	14111	21740	22313
Уровень бедности, %	42,1	18,7	16,9
Коэффициент дифференциации доходов	5,3	5,4	5,5
Коэффициент Джини	0,358	0,360	0,363
Соотношение среднедушевых денежных доходов с прожиточным минимумом, %	174,8	259	260
Суммарный коэффициент рождаемости	3,35	1,836	1,770

Таблица 4. Значения переменных кластеризации в Республике Тыва и в кластере, включающем этот регион²
Table 4. Values of clustering variables in the Republic of Tuva and in the cluster that includes this region

Исследуемые показатели	Значение в Республике Тыва	Среднее значение в кластере
Доля бабушек, вовлеченных на ежедневной основе в процесс прародительского труда, %	20,3	19,7
Затраты времени на выполнение функций прародительского труда, часов в неделю	17,8	14,4
Уровень образования, лет	12,36	12,69
Самооценка здоровья (по пятибалльной шкале от 1 до 5)	3,12	3,13
Социальная активность	1,76	1,95
Суммарный коэффициент рождаемости	2,97	1,74

¹ Построено по: Шубат О. М. Развитие методологии статистического исследования рождаемости в российских регионах : дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2020. С. 166–171.

² Построено по: (Багирова, Шубат, 2021).

Пожалуй, единственное исследование, которое показало «типичность» Тувы и согласованность значений ее показателей со значениями показателей других регионов ее кластера, — это исследование динамики уровней рождаемости в период с 1990 по 2017 гг. (Shubat, Bagirova, 2019). Данное исследование позволяет составить представление об особенностях результатов родительского труда в регионах России. По результатам анализа Республика Тыва была отнесена к четвертому кластеру, регионы которого в среднем очень активно отреагировали на экономический кризис конца 1990-х гг. резким снижением рождаемости к 1999 г. Затем в начале 2000-х гг. здесь наблюдался самый заметный ее рост, который сгладился в последующие годы (табл. 5). Вероятно, регионы этого кластера могут быть названы наиболее чувствительными к воздействию экономического фактора — причём как негативного, так и позитивного. Можно предположить, что рождаемость здесь наиболее подвержена резкой динамике вслед за скачками экономической ситуации.

Таблица 5. Значения переменных кластеризации в Республике Тыва и в кластере, включающем этот регион, в %¹
 Table 5. Values of clustering variables in the Republic of Tuva and in the cluster that includes this region, %

Исследуемые показатели	Республика Тыва	Кластер в целом
Изменение суммарного коэффициента рождаемости в период с 1990 по 1999 гг.	-42,24	-44,0
Изменение суммарного коэффициента рождаемости в период с 2000 по 2007 гг.	44,62	33,8
Изменение суммарного коэффициента рождаемости в период с 2008 по 2017 гг.	18,59	12,8

Обсуждение результатов

Полученные результаты являются серьезным аргументом для подтверждения позиции целого ряда демографов, не разделяющих концепцию демографического перехода. Противоположный этой концепции институциональный подход, подчеркивая региональное разнообразие сложившихся моделей демографического развития, возможную специфичность отдельно взятых регионов, признает «наличие у регионального демографического развития своей внутренней логики, тропы исторического наследования, определяемой зависимостью последующих состояний от предыдущих» (Клупт, 2008: 274).

Как демонстрирует Ч. К. Ламажаа, в современном тувинском обществе по сравнению с обществом традиционным в определенном смысле произошла утрата этнокультурных регуляторов (Ламажаа, 2021). Традиционное тувинское общество с родовым укладом жизни осталось в прошлом (Сундуй, 2015). Социальные нормы такого общества включали как само наличие детей в семьях, так и правильное воспитание детей, которые рассматривались как продолжатели рода и будущие помощники по хозяйству. Такое представление о детях предопределяло специфику организации и условий родительского труда — особую роль играли наличие у семьи отдельного жилища, выделение скота новой семье, существенные подарки после рождения первого ребенка², нормативность обеспечения качества родительского труда и наличие традиций, принуждающих родителей к этому (Сундуй, 2009). Кроме того, по мнению З. Ю. Доржу и Л. А. Даш, в традиционном тувинском обществе даже практиковалось «перераспределение» детей между семьями одного рода в случаях бездетности или сиротства, отношение к незамужним и бездетным женщинам с «недоверием, жалостью и даже откровенным презрением» (Доржу, Даш, 2020: 60).

Проведенный нами анализ места Республики Тыва в региональной кластерной структуре демографического пространства России за период с 1990 по 2019 гг. показывает, что, несмотря на в

¹ Построено по: Shubat, Bagirova, 2019.

² Андреева А. В. Культура репродуктивного поведения в кочевой культуре народов Восточной Сибири : дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2015.

целом не самые лучшие условия родительского труда и возможности его организации в республике, обществом продолжают сохраняться его высокие количественные результаты¹. Понимая, что исследователи часто говорят об утрате этнокультурных регуляторов в современном тувинском обществе, такие результаты, с нашей точки зрения, все же не могут объясняться какими-то иными, нежели культурно-духовными, факторами, влияющими как минимум на культуру репродуктивного поведения. Наше предположение подтверждается и результатами исследования культуролога А. В. Андреевой, которая, сравнивая влияние на культуру традиционного общества разных факторов (духовного, технологического, социального), делает вывод о приоритетном влиянии именно духовной составляющей. Она же констатирует, что «в настоящее время, несмотря на глубокие культурные изменения, в регионах, где проживают потомки кочевых ... тувинцев ..., в сознании людей семейные ценности сохраняют главенство, позитивно влияя на рождаемость вне зависимости от материальных условий существования»².

Подтверждение влияния сохраняющих определенную силу культурно-духовных факторов на высокие количественные результаты родительского труда мы наблюдаем и в результатах социологических исследований ценностей тувинской молодежи. Как отмечает Э. В. Анайбан, в ценностном ядре молодого населения Тувы сегодня главное место занимают семья, дети, близкое окружение (Анайбан, 2018а), «хорошая жизнь» в сознании молодежи Республики Тыва прежде всего ассоциируется с наличием «хорошей семьи», и лишь потом — с материальными ценностями и достатком (Анайбан, Балакина, 2022). Большую часть молодежи отличают оптимизм, вера в благополучное разрешение всех проблем, при этом в динамике происходит рост позитивных настроений (Анайбан, 2018б). Распространенность семейных ценностей в тувинском обществе может способствовать не только сильным репродуктивным установкам, но и особым возможностям организации родительского труда на семейном уровне.

Отдельных комментариев заслуживает используемый нами инструментарий статистического кластерного анализа. В наших исследованиях этот вид анализа зарекомендовал себя как эффективный инструментарий, создающий надежную информационно-аналитическую основу управленческих решений. Несмотря на то, что в целом он предназначен для выявления типов исследуемого объекта, мы показали, что с его помощью могут быть выявлены и уникальные регионы. Конечно, для мониторинга ситуации, сложившейся в сфере реализации родительского труда, подобные исследования должны проводиться регулярно и по разным аспектам этого труда. Анализ динамики ситуации позволит, на наш взгляд, зафиксировать своеобразную «типичность нетипичности Тувы». Однако, за таким количественным анализом обязательно должен следовать еще один — качественный — исследовательский этап.

Поскольку Тува в целом ряде исследований предстает как нетипичный (некластеризуемый) регион, для изучения его специфики необходимо использовать потенциал качественных методик (кейс-стади, глубинные интервью, фокус-группы). Именно их применение наряду с динамикой места Республики Тыва в кластерной структуре российских регионов позволит дать те результаты, на основании которых могут быть разработаны меры, направленные на совершенствование региональной демографической политики и улучшение качественных результатов родительского труда.

¹ Отметим, что в среде тувиноведов нередко возникает вопрос об уникальности высоких уровней рождаемости в Туве и их сопоставимости с соответствующими показателями в других российских регионах (в частности, в Республике Дагестан). Однако согласно официальным статистическим данным, уровни рождаемости в двух этих регионах существенно отличаются. К примеру, в 2021 г. в Туве суммарный коэффициент рождаемости по всем рождениям составлял 2,94, по вторым рождениям — 0,78, по третьим рождениям — 1,43. Аналогичные показатели в Дагестане составляли 1,76, 0,51 и 0,68 соответственно (см. статистические показатели Национального проекта «Демография», представленные на ресурсе Единой межведомственной информационно-статистической системы ЕМИСС (раздел 2.9.1): Национальный проект «Демография» [Электронный ресурс] // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 15.12.2022).

² Андреева А. В. Культура репродуктивного поведения в кочевой культуре народов Восточной Сибири : дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2015. С. 18.

Заключение

Проведенные на основе кластерного анализа исследования позволили выявить две ключевые особенности положения Республики Тыва в региональной кластерной структуре.

Первая особенность связана с принципиальной невписываемостью Тувы в структуру сформированного регионального кластерного пространства. Тува имеет свою яркую специфику в организации родительского труда на уровне семьи, объеме прародительского ресурса, в экономических условиях реализации родительского труда, в оценках демографического потенциала региона.

Вторая особенность состоит в следующем: проведенный нами анализ места Республики Тыва в региональной кластерной структуре демографического пространства России за период с 1990 по 2019 гг. показывает, что, несмотря на в целом не самые лучшие условия родительского труда и возможности его организации, в Республике продолжают сохраняться его высокие количественные результаты. Возможные причины этого — сохраняющие свое влияние на репродуктивное и родительское поведение духовно-культурные факторы и проистекающие из распространенности семейных ценностей особые возможности организации родительского труда на семейном уровне.

Продолжение исследований родительского труда в Республике Тыва видится возможным в двух направлениях. Во-первых, это мониторинг ситуации по разным аспектам родительского труда, который, как показало наше исследование, может проводиться на основе кластерного анализа. Анализ динамики ситуации позволит зафиксировать своеобразную «типичность нетипичности Тувы». Во-вторых, мы видим продолжение исследования в использовании для изучения родительского труда потенциала качественных методик. Комплексное применение количественной и качественной исследовательской стратегии позволит получить новые данные, на основании которых могут быть разработаны меры, направленные на совершенствование региональной демографической политики и улучшение качественных результатов родительского труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (2018a) Нравственные аспекты ценностных ориентаций современной региональной молодежи (по материалам этносоциологического исследования в Туве и Хакасии) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 4 (24). С. 83–89.

Анайбан, З. В. (2018b) Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–131. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>

Анайбан, З. В., Балакина, Г. Ф. (2022) Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. № 2. С. 151–156. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>

Багирова, А. П., Быкова, Д. Г., Ворошилова, А. И., Ильвес, Э. В., Черешова, С. В. (2017) Родительский труд: экономический и социологический анализ. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 208 с.

Багирова, А. П., Быкова, Д. Г., Ворошилова, А. И., Ильвес, Э. В., Шубат, О. М. (2015) Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 171 с.

Багирова, А. П., Ворошилова, А. И., Ильвес, Э. В., Ковязина, И. В., Сурина, С. Э., Черешова, С. В., Шмарова, И. В. (2018) Родительский труд: возможности государственного регулирования. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 196 с.

Багирова, А. П., Шубат, О. М. (2021) Модели прародительского труда в российском социально-экономическом пространстве // Экономика региона. Т. 17. Вып. 1. С. 197–208. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-15>

Багирова, А. П., Шубат, О. М., Ворошилова, А. И., Витик, С. В., Пшеничникова, М. М., Полушкина, И. В. (2014) Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 271 с.

Великая, Е. Г. (2013) Репродуктивный труд как инструмент роста национальной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 9. № 44 (233). С. 2–10.

Доржу, З. Ю., Даш, Л. А. (2020) Положение «дулгуйак-кадай» в традиционной культуре тувинцев (вторая половина XIX — начало XXI в.) // Oriental Studies. Т. 13. № 1. С. 55–63. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-55-63>

Ильшев, А. М., Лаврентьева, И. В. (2005) Стратегия включения репродуктивного труда в экономику России. М. : ИД «Финансы и кредит». 368 с.

Клупт, М. А. (2008) Демография регионов Земли. СПб. : Питер. 347 с.

Кулькова, И. А. (2020) Как повышение пенсионного возраста может повлиять на рождаемость: мнение экспертов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 12–1. С. 141–145.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Синица, А. Л. (2012) Труд по уходу за детьми дошкольного возраста: сочетание домашней и общественной форм. М. : МАКС Пресс. 176 с.

Сундуй, Г. Д. (2009) Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл : Институт развития национальной школы. 168 с.

Сундуй, Г. Д. (2015) Родовое сообщество как гарант защиты детства (на материале Республики Тыва) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 1 (31). С. 26–30.

Черешова, С. В. (2021) Субъекты родительского труда в современной России: социологический анализ // Общество: социология, психология, педагогика. № 10 (90). С. 57–63. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.9>

Шубат, О. М., Багирова, А. П., Акишев, А. А. (2019) Методика анализа демографического потенциала российских регионов на основе нечеткой кластеризации данных // Экономика региона. Т. 15. № 1. С. 178–190. DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-1-14>

Шубат, О. М., Караева, А. П. (2017) Кластерный анализ в исследовании региональной дифференциации процессов воспроизводства молодого поколения в России // Вопросы статистики. № 2. С. 48–59.

Шубат, О. М., Шмарова, И. В. (2017) Кластерный анализ как аналитический инструментарий политики на-родонаселения // Экономика региона. Т. 13. № 4. С. 1175–1183. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-4-16>

Bagirova, A., Shubat, O. (2022) Regional models of corporate sector development in Russia: Where does family-friendly policy matter most? (A study based on cluster analysis) // Communications of the ECMS. Vol. 36. Issue 1: Proceedings of the 36th ECMS International Conference on Modelling and Simulation ECMS 2022, May 30th – June 3rd, 2022. Ålesund, Norway. P. 58–63.

Goh, E. C. L. (2009) Grandparents as childcare providers: An in-depth analysis of the case of Xiamen, China // Journal of Aging Studies. Vol. 23. Issue 1. P. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2007.08.001>

Hochschild, A. R. (1997) The time bind: When work becomes home and home becomes work. New York : Metropolitan Books. xv, 316 p.

Oakley, A. (1974) The sociology of housework. New York : Pantheon. x, 242 p.

Ross, N., Hill, M., Sweeting, H., Cunningham-Burley, S., Morton, S. (2005) Relationships between grandparents and teenage grandchildren. Edinburgh : Centre for Research on Families and Relationships. 4 p. (CRFR Research Briefing, no. 23).

Sarti, R. (2010) Who cares for me? Grandparents, nannies and babysitters caring for children in contemporary Italy // Paedagogica Historica. Vol. 46. Issue 6. P. 789–802. DOI: <https://doi.org/10.1080/00309230.2010.526347>

Shubat, O., Bagirova, A. (2019) Dynamics modeling and the study of birth rate determinants in Russian regions // Communications of the ECMS. Vol. 33. Issue 1: Proceedings of the 33rd International ECMS Conference on Modelling and Simulation ECMS 2019. June 11th – June 14th, 2019. Caserta, Italy. P. 65–70.

Shubat, O., Shmarova, I. (2022) Identifying regional models of active grandparenting in Russia based on cluster analysis // Communications of the ECMS. Vol. 36. Issue 1: Proceedings of the 36th ECMS International Conference on Modelling and Simulation ECMS 2022, May 30th – June 3rd, 2022. Ålesund, Norway. P. 78–83.

Дата поступления: 07.12.2022 г.

Дата принятия: 23.01.2023 г.

REFERENCES

Anayban, Z. V. (2018a) Nrvstvennye aspekty tsennostnykh orientatsii sovremennoi regional'noi molodezhi (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniia v Tuve i Khakasii) [Moral aspects of value orientations of contemporary regional youth (on the materials of ethno-sociological research in the Republic of Khakassia)]. *Sayan-Altai Scientific Review*, no. 4 (24), pp. 83–89. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2018b) Trudovaia zaniatost' i sotsial'no-professional'nye orientatsii molodezhi sovremennoi Tuvy [Employment and socio-professional orientations of contemporary Tuva's youth]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–131. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.6>

Anayban, Z. V. and Balakina, G. F. (2022) Sotsial'nye ozhidaniia i tsennostnye orientatsii uchashcheisia molodezhi Tuvy [Social expectations and value orientation of the contemporary students of Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 151–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250018548-5>

Bagirova, A. P., Bykova, D. G., Voroshilova, A. I., Il'ves, E. V. and Cheresheva, S. V. (2017) *Roditel'skii trud: ekonomicheskii i sotsiologicheskii analiz* [Parental labor: Economic and sociological analysis]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House. 208 p. (In Russ.).

Bagirova, A. P., Bykova, D. G., Voroshilova, A. I., Il'ves, E. V. and Shubat, O. M. (2015) *Roditel'skii trud: usloviia realizatsii, motivy i rezul'taty* [Parental work: Conditions of implementation, motives and results]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House. 171 p. (In Russ.).

Bagirova, A. P., Voroshilova, A. I., Il'ves, E. V., Koviiazina, I. V., Surina, S. E., Cheresheva, S. V. and Shmarova, I. V. (2018) *Roditel'skii trud: vozmozhnosti gosudarstvennogo regulirovaniia* [Parental labor: Possibilities of state regulation]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House. 196 p. (In Russ.).

Bagirova, A. P. and Shubat, O. M. (2021) Modeli praroditel'skogo truda v rossiiskom sotsial'no-ekonomicheskom prostranstve [Models of grandparents' labour in the socio-economic space of Russia]. *Economy of Region*, vol. 17, issue 1, pp. 197–208. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-15>

Bagirova, A. P., Shubat, O. M., Voroshilova, A. I., Vitik, S. V., Pshenichnikova, M. M. and Polushkina, I. V. (2014) *Motivatsiia roditel'skogo truda i regulirovanie ustanovok na roditel'stvo naseleniia Ural'skogo regiona* [Motivation of parental labor and regulation of parenting attitudes of the population of the Ural region]. Ekaterinburg, Ural University Publishing House. 271 p. (In Russ.).

Velikaia, E. G. (2013) Reproduktivnyi trud kak instrument rosta natsional'noi ekonomiki [Reproductive labor as a tool for the growth of the national economy]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, vol. 9, no. 44 (233), pp. 2–10. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Dash, L. A. (2020) Polozhenie «dulguiak-kadai» v traditsionnoi kul'ture tuvintsev (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.) [Status of dulguiak-qadai in Tuvan traditional culture: Mid-19th to early 21st centuries]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 1, pp. 55–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-47-1-55-63>

Ilyshev, A. M. and Lavrentieva, I. V. (2005) *Strategiia vklucheniia reproduktivnogo truda v ekonomiku Rossii* [Strategy for the inclusion of reproductive labor in the Russian economy]. Moscow, Publishing House "Finansy i kredit". 368 p. (In Russ.).

Klupt, M. A. (2008) *Demografiia regionov Zemli* [Demographics of the Earth's regions]. St. Petersburg, Piter. 347 p. (In Russ.).

Kulkova, I. A. (2020) Kak povyshenie pensionnogo vozrasta mozhet povliiat' na rozhdaiemost': mnenie ekspertov [How the retirement age increase can affect fertility: Expert opinion]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 12–1, pp. 141–145. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' views on children: Changes of the attitudes in socio-cultural transformations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 57–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Lamazhaa, Ch. K., Valiakmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) Problemnoe pole issledovaniia chelovecheskogo potentsiala Tuvy: obzor literatury i mneniia ekspertov (2020–2021) [The problem field of studying human development in Tuva: A survey of literature and expert opinions (2020–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Sinitsa, A. L. (2012) *Trud po ukhodu za det'mi doskol'nogo vozrasta: sochetanie domashnei i obshchestvennoi form* [Preschool children care as labor: Combination of home and social forms]. Moscow, MAKS Press. 176 p. (In Russ.).

Sundui, G. D. (2009) *Mir detstva kochevoi Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniia* [The world of nomadic Asia's childhood: The experience of spiritual and moral education]. Kyzyl, The National School Development Institute. 168 p. (In Russ.).

Sundui, G. D. (2015) Rodovoe soobshchestvo kak garant zashchity detstva (na materiale Respubliki Tyva) [The tribal community as a pillar of the protection of childhood (Based on the material of the Republic of Tuva)]. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, no. 1 (31), pp. 26–30. (In Russ.).

Chereshova, S. V. (2021) Sub'ekty roditel'skogo truda v sovremennoi Rossii: sotsiologicheskii analiz [The subjects of parental labor in modern Russia: A sociological analysis]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 10 (90), pp. 57–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.9>

Shubat, O. M., Bagirova, A. P. and Akishev, A. A. (2019) Metodika analiza demograficheskogo potentsiala rossiiskikh regionov na osnove nechetkoi klasterizatsii dannykh [Methodology for analyzing the demographic potential of Russian regions using fuzzy clustering]. *Economy of Regions*, vol. 15, no. 1, pp. 178–190. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/2019-1-14>

Shubat, O. M., Karaeva, A. P. (2017) Klasternyi analiz v issledovanii regional'noi differentsiatsii protsessov vosproizvodstva mladogo pokoleniia v Rossii [The use of cluster analysis in the study of regional differentiation of Russian young generation reproduction]. *Voprosy statistiki*, no. 2, pp. 48–59. (In Russ.).

Shubat, O. M. and Shmarova, I. V. (2017) Klasternyi analiz kak analiticheskii instrumentarii politiki narodonasele-niia [Cluster analysis as an analytical tool of population policy]. *Economy of Region*, vol. 13, no. 4, pp. 1175–1183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-4-16>

Bagirova, A. and Shubat, O. (2022) Regional models of corporate sector development in Russia: Where does family-friendly policy matter most? (A study based on cluster analysis). In: *Communications of the ECMS*, vol. 36, issue 1: Proceedings of the 36th ECMS International Conference on Modelling and Simulation ECMS 2022, May 30th – June 3rd, 2022. Ålesund, Norway. Pp. 58–63.

Goh, E. C. L. (2009) Grandparents as childcare providers: An in-depth analysis of the case of Xiamen, China. *Journal of Aging Studies*, vol. 23, issue 1, pp. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2007.08.001>

Hochschild, A. R. (1997) *The time bind: When work becomes home and home becomes work*. New York, Metropolitan Books. xv, 316 p.

Oakley, A. (1974) *The sociology of housework*. New York, Pantheon. x, 242 p.

Ross, N., Hill, M., Sweeting, H., Cunningham-Burley, S. and Morton, S. (2005) *Relationships between grandparents and teenage grandchildren*. Edinburgh, Centre for Research on Families and Relationships. 4 p. (CRFR Research Briefing, no. 23).

Sarti, R. (2010) Who cares for me? Grandparents, nannies and babysitters caring for children in contemporary Italy. *Paedagogica Historica*, vol. 46, issue 6, pp. 789–802. DOI: <https://doi.org/10.1080/00309230.2010.526347>

Shubat, O. and Bagirova, A. (2019) Dynamics modeling and the study of birth rate determinants in Russian regions. In: *Communications of the ECMS*, vol. 33, issue 1: Proceedings of the 33rd International ECMS Conference on Modelling and Simulation ECMS 2019, June 11th – June 14th, 2019. Caserta, Italy. Pp. 65–70.

Shubat, O. and Shmarova, I. (2022) Identifying regional models of active grandparenting in Russia based on cluster analysis. In: *Communications of the ECMS*, vol. 36, issue 1: Proceedings of the 36th ECMS International Conference on Modelling and Simulation ECMS 2022, May 30th – June 3rd, 2022. Ålesund, Norway. Pp. 78–83.

Submission date: 07.12.2022.

Acceptance date: 23.01.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.2.7

Статья

Некоммерческие организации Тувы как субъекты реализации демографической политики

Ольга А. Волкова, Галина И. Осадчая

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Российская Федерация

В статье обсуждается проблема использования потенциала некоммерческих организаций в качестве субъектов реализации демографической политики на примере Республики Тыва.

Социально ориентированных некоммерческих организаций в Туве на конец 2022 г. насчитывалось 82 (15% от общего числа НКО). Их деятельность направлена на решение социальных проблем и развитие гражданского общества в регионе, в том числе в разной степени связана с реализацией демографической политики Российской Федерации. Выявленные НКО типологизированы в соответствии с задачами государственной демографической политики РФ как способствующие: сокращению преждевременной смертности российских граждан; укреплению здоровья жителей российских регионов; повышению рождаемости в стране; укреплению традиционной семьи; сохранению духовно-нравственных ценностей; социальной интеграции мигрантов. Отмечены конкретные наименования НКО, которые соответствуют определенным задачам и которые уже были поддержаны грантами, прежде всего Фонда президентских грантов.

Ключевые слова: демографическая безопасность; демографическая политика; некоммерческая организация; Тува; Республика Тыва

Для цитирования:

Волкова О. А., Осадчая Г. И. Некоммерческие организации Тувы как субъекты реализации демографической политики // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.7>

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1. Эл. адрес: volkovaoa@rambler.ru

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1. Эл. адрес: osadchaya111@gmail.com

VOLKOVA, Olga Alexandrovna, Doctor of Sociology, Professor, Chief researcher, Department of Research of Socio-demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Corps 1, 6, Fotieva St., 119333, Russia, Moscow. E-mail: volkovaoa@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-5325-0730

OSADCHAYA, Galina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Research of Socio-demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Postal address: Corps 1, 6, Fotieva St., 119333, Russia, Moscow. E-mail: osadchaya111@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2597-9724

Non-profit organizations of Tuva as subjects of demographic policy implementation

Olga A. Volkova, Galina I. Osadchaya

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Russian Federation*

The article discusses the issue of the use of potential of non-profit organizations as subjects of demographic policy implementation drawing on the example of the Republic of Tuva.

There were 82 socially oriented non-profit organizations in Tuva at the end of 2022 (15% of the total number of NGOs). Their activities are aimed at solving social problems and developing civil society in the region. They are also to a different extent related to the implementation of the demographic policy of the Russian Federation. In accordance with the objectives of the state demographic policy of Russia the identified NGOs are classified as contributing to reduce premature mortality of Russian citizens, to promote the health of residents of Russian regions, to increase the birth rate in the country, to strengthen the traditional family, to preserve spiritual and moral values and to provide social integration of migrants. The authors note some specific names of NGOs that correspond to certain tasks and that have already been supported by grants, first of all by the Presidential Grants Fund.

Ключевые слова: *demographic security; demographic policy; non-profit organization; Tuva; Republic of Tuva*

For citation:

Volkova O. A. and Osadchaya G. I. Nekommercheskie organizatsii Tuvy kak sub»ekty realizatsii demograficheskoi politiki [Non-profit organizations of Tuva as subjects of demographic policy implementation]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 99-110. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.7>

Введение

В современной России остро стоят задачи реализации демографической политики. В данном процессе задействованы не только государственные и муниципальные, но и общественные структуры, функционирующие в различных регионах страны. В связи с этим в статье обсуждается вопрос функционирования некоммерческих организаций Тувы в качестве субъектов реализации демографической политики государства.

Демографическая политика России, согласно официальным государственным документам, «направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации»¹. В число субъектов, реализующих демографическую политику России, входят государственные, муниципальные, бизнес структуры, а также некоммерческие организации².

¹ Демографическая политика Российской Федерации на период до 2025 года. Ст. 1. Общие положения [Электронный ресурс] // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/6#:Демографическая%20политика%20Российской%20Федерации%20направлена,основе%20демографической%20ситуации%20в%20стране> (дата обращения: 14.12.2022).

² Там же. Ст. 7.

Некоммерческие организации (НКО), реализующие демографическую политику России, — это НКО, выполняющие основные задачи демографической политики Российской Федерации. А в соответствии с направлениями демографической политики, ее основные задачи состоят в следующем: 1) сокращении преждевременной смертности российских граждан; 2) укреплении здоровья жителей российских регионов; 3) повышении рождаемости в стране; 4) укреплении института традиционной семьи; 5) сохранение духовно-нравственных ценностей; 6) социальной интеграции мигрантов¹.

В данном исследовании идет речь о некоммерческих организациях, осуществляющих виды деятельности, соответствующие данным задачам.

Демографическую ситуацию в Республике Тыва нельзя назвать однозначной, поскольку она характеризуется различными показателями естественного движения населения и миграции. В целом показатели естественного движения населения в Республике Тыва таковы: с января по сентябрь 2022 г. родились 4538 чел., в 2021 г. за этот же период родились 4953 детей, то есть снижение составило –415. Умерло за 9 месяцев 2022 г. 2143 чел., 2021 г. — 2218 чел. (то есть, снижение составило –75 чел.). Естественный прирост в 2022 г. составляет 2395 чел., в 2021 г. — 2735 чел. (данные на октябрь 2022 г.)². Общие итоги миграции населения в Республике Тыва таковы: за период с января по сентябрь 2022 г. прибыло 9249 чел., убыло 9817 чел., то есть миграционное снижение составило –568 (данные на октябрь 2022 г.). Для сравнения, за период с января по сентябрь 2021 г. соответственно прибыло 8487 чел., убыло 8655 чел., снижение показало –168 чел.³

Однако процесс характеризуется не только количественными показателями (которые предоставляют статистические базы федерального и регионального уровней), но и качественными характеристиками, наблюдаемыми и описываемыми учеными.

Целью исследования является выявление потенциала некоммерческих организаций Республики Тыва как субъектов реализации демографической политики. Задачи работы: проанализировать количественный и качественный состав некоммерческих организаций Республики Тыва; дифференцировать некоммерческие организации, виды деятельности которых имеют отношение к решению демографических проблем и достижению демографической безопасности Республики Тыва; определить потенциал некоммерческих организаций региона в отношении реализации демографически значимых мероприятий. Новизна работы заключается в обнаружении и описании конструкторов, формирующих потенциал некоммерческих организаций Республики Тыва в качестве субъектов реализации демографической политики.

Теоретико-методологический подход состоит в следующем. В качестве системоопределяющей для формирования парадигмы изучения некоммерческих организаций теория коллективного действия М. Олсона, согласно которой, при представлении интересов местных жителей и оказании им востребованных социальных услуг сравнительно небольшие сообщества обладают некоторыми серьезными преимуществами перед крупными организациями (Olson, 1965). В особенности актуальным является этот подход при рассмотрении широты ассортимента услуг, оказываемых НКО гражданам.

Методы исследования: контент-анализ сайтов некоммерческих организаций Республики Тыва; систематизация; типология; классификация; сравнительный анализ; метод комментированных первичных текстов. Источниковая база представлена данными федеральной и региональной статистики, нормативно-правовыми документами федерального, регионального и организационного уровней, контентом официальных сайтов и аккаунтов социальных сетей, аффилированных с некоммерческими организациями Республики Тыва.

¹ Там же. Ст. 3.

² Составлено авторами по: Социально-экономическое положение Республики Тыва [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (данные на октябрь 2022 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 14.12.2022).

³ Социально-экономическое положение Республики Тыва [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (данные на октябрь 2022 г.). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 14.12.2022).

Обзор литературы

Литература представлена несколькими группами работ.

Она группа содержит данные о разработке демографической проблематики. С. В. Рязанцев предлагает использовать понятие «демографическое благополучие», трактуя его на микроуровне и на макроуровне. В первом случае это «возможность реализации матримониальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворенности жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи» (Рязанцев, Мирязов, 2021: 5). Во втором: «сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет» (там же). Оба понимания демографического благополучия имеют позитивное содержание.

Часть современных исследований направлена на изучение некоторых аспектов взаимосвязи демографических процессов с развитием некоммерческих организаций (анализ экспертных мнений исследователей и практиков — представителей НКО (Мозговая и др., 2021); изучением мнения юношей и девушек о применяемых ими способах сохранения здоровья в условиях пандемии (Бессчетнова и др., 2021); о жизненных траекториях отцов и матерей, лишенных родительских прав, и о потенциале НКО в решении возникающих проблем (Volkova et al., 2018).

Еще одна группа исследований включает работы по изучению НКО. «Всемирный план действий в области народонаселения» ООН предусматривает активную деятельность НКО в области демографии (демографической политики, прироста населения, заболеваемости, репродуктивного здоровья, планирования семьи, безопасного материнства, детской смертности, фертильности, старения населения)¹. М. Горман выделяет социальные риски, связанные с глобальным постарением населения. У государств растут расходы на здравоохранение и социальное обеспечение пожилых людей, при этом падает способность государственного обеспечения. В результате идет поиск «экономически эффективных» мер. Речь идет о повышении способности семей по уходу за больными, по ответственности за обеспечение старости собственной и своих родственников. Так в систему демографической политики включаются неправительственные организации (Gorman, 2002). Г. Момох и его коллеги дают прогноз, что НКО со временем начнут занимать ведущие позиции в области просвещения населения о репродуктивном здоровье, о планировании семьи и рождения детей (Момох et al., 2015).

Результаты исследования А. С. Брюхно, Н. В. Ивановой, И. В. Мерсияновой позволяют говорить «о проявившейся в период пандемии цифровой поляризации НКО, которая усиливает разрыв между выделенными на основе значений индекса группами цифровых аутсайдеров и цифровых лидеров» (Мерсиянова, Иванова, Брюхно, 2022: 38).

В. А. Ильин и М. В. Морев, изучая деятельность общественных структур, приходят к выводу, что проявление гражданской активности населения «выразилось в готовности многих россиян принять участие в специальной военной операции в качестве добровольцев, в активизации волонтерской помощи, в консолидированном осуждении людей, покинувших страну после начала спецоперации, в объединении всех слоев населения» (Ильин, Морев, 2022: 9).

Ряд исследователей концентрируются на региональных особенностях, изучая ситуацию в Республике Тыва в культурно-исторических и национальных контекстах. И. С. Тарбастаева констатирует наличие процесса «моноэтнизации» в Тыве, который неблагоприятно отражается и на титульном этносе. Она отмечает, что «сокращение межэтнического взаимодействия на профессиональной основе препятствует обогащению тувинцев навыками, необходимыми для эффективного ведения экономической деятельности» (Тарбастаева, 2018: 65). А. Ю. Гайфуллин отмечает, что для республики характерна «общероссийская тенденция снижение доли молодежи в общей численности населения. Территориальное расселение молодежи в республиках имеет выраженную отличительную особенность: высока доля молодежи, проживающей в сельской местности» (Гайфуллин, 2022). С. И. Абылкаликов пишет, что в Республике Тыва «высокие показатели естественного прироста, особенно в сельской местности, компенсируются миграционным оттоком населения из сёл в города

¹ United Nations. Department of International Economic and Social Affairs. Population Division. Non-governmental organizations and the World Population Plan of Action [Электронный ресурс] // Population Bulletin of the United Nations. 1990. Vol. 29. P. 54–76. (дата обращения: 19.12.2022).

и за пределы республики <...> При этом происходит снижение доли приехавших из других регионов России в населении Тувы и рост доли выехавших за её пределы из числа родившихся в ней» (Абылкаликов, 2021: 131). А. И. Бабенко и Л. Ы. Куулар дают интегрированную оценку демографической ситуации на отдельных территориях республики, акцентируя внимание на сохранении и потерях здоровья местного населения (Бабенко, Куулар, 2008). С. И. Абылкаликов и Г. Р. Баймурзина переводят исследовательский дискурс на конкретные населенные пункты (города Кызыл) и представляют сравнительный анализ демографической ситуации и происходящих процессов Кызыла и Элисты, столиц Тувы и Калмыкии (Абылкаликов, Баймурзина, 2022).

Особенности некоммерческих организаций, функционирующих в Республике Тыва, характеризует Н. А. Скобелина. Исследователь отмечает, что «основным направлением развития для СО НКО Тувы в последние годы стала преимущественно социальная сфера» (Скобелина, 2022: 180). Н. М. Лавренюк-Исаева делает попытку обосновать место НКО в системе «социального предпринимательства в человеческом развитии Республики Тыва» (Лавренюк-Исаева, 2022: 190). Хотя предприниматели относятся к сфере бизнеса, а НКО — к общественному сектору и, согласно законодательству, не имеют основной целью извлечение прибыли. В целом в исследовании речь идет о реализации демографической политики государства и Республики Тыва некоммерческими организациями, функционирующими в регионе.

Таким образом, можно сказать, что несмотря на наличие работ, раскрывающих отдельные аспекты функционирования НКО, виды деятельности которых связаны с оказанием помощи представителями разных социально-демографических групп населения, есть пробел исследований по обоснованию представления НКО Тувы как субъектов реализации демографической политики.

Функционирование НКО Республики Тыва

Обратимся к анализу результатов изучения потенциала развития некоммерческих организаций Тувы как субъектов реализации демографической политики.

В результате исследования выявлены противоречивые условия развития некоммерческих организаций Республики Тыва: некоммерческие организации развиваются в неоднозначных условиях, характеризующихся внедрением новых механизмов государственной поддержки, с одной стороны, и культурно-историческими и социально-демографическими процессами — с другой.

Согласно итогам конкурса Фонда Президентских грантов 2021 г., победителями стали 9 НКО из Республики Тыва, «которые смогли привлечь более 10 млн рублей на реализацию своих проектов»¹. При этом, сами органы власти Республики Тыва также поддерживают НКО, предоставляя им субсидии из республиканского бюджета², согласно нормативно-правовым документам, принятым в целях помощи организациям, «осуществляющим социально значимую деятельность и реализующим социально ориентированные проекты в Республике Тыва»³. Так, в регионе проводится ежегодный конкурс Главы Республики Тыва, направленный на развитие гражданского общества, благодаря которому в начале 2022 г. «поддержаны 13 социально значимых проектов на общую сумму 9 507 330 рублей. Сумма превысила объем помощи прошлых лет в три раза»⁴.

¹ В Туве растет число активных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 2021, 8 декабря. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/society/46538 (дата обращения: 15.07.2022).

² 11 некоммерческих организаций Тувы получают господдержку [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2015, 29 июля. URL: <https://tuvaonline.ru/2015/07/29/11-nekommercheskih-organizacij-tuvy-poluchat-gospospoderzhku.html> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Порядок предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям и волонтерским движениям, осуществляющим социально значимую деятельность и реализующим социально ориентированные проекты в Республике Тыва. Утв. Постановлением Правительства Республики Тыва от 25.08.2021 N 453. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574889096> (дата обращения: 12.07.2022).

⁴ В Туве увеличилось количество некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // МК в Тыве. 2021, 9 декабря. URL: <https://www.mk-tuva.ru/social/2021/12/09/v-tuve-uvlichilos-kolichestvo-nekommercheskikh-organizacij.html> (дата обращения: 14.07.2022).

В 2021 г. Правительством Республики Тыва и «Агентством по делам национальностей Республики Тыва» для общественников впервые был организован семинар по созданию социально значимых проектов и составлению заявок для участия в конкурсах по данному направлению с приглашением экспертов Фонда президентских грантов¹.

В 2021 г. Президентский фонд культурных инициатив поддержал три проекта НКО Республики Тыва, направленных на проведение мероприятий «в области культуры, искусства, креативных и творческих индустрий»². Одним из них стал проект по совершенствованию работы с подрастающим поколением, поступивший от библиотечной ассоциации. Это комплекс мероприятий «по созданию первой в Тыве общедоступной детской электронной библиотеки по национальной литературе и фольклору»³.

Тем не менее, результаты расчета рейтинга 85-ти субъектов Российской Федерации показывают, что Республика Тыва находится на последних позициях по нескольким критериям: по реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) на 84-м (предпоследнем) месте; по их количеству на 10 тыс. населения на 81-м месте; по доле работников НКО в общей численности занятых в социальной сфере — на 81-м⁴. То есть, речи об успешности деятельности организаций данного типа на территории Республика Тыва пока не идет.

Количественный и качественный состав НКО Республики Тыва

Всего в России, по данным на 8 декабря 2022 г., насчитывается 210 736 некоммерческих организаций⁵. Среди них 46600 социально ориентированных НКО⁶, деятельность которых направлена на решение социальных проблем, то есть напрямую или косвенно связана с реализацией демографической политики.

Рассмотрим количественный и качественный состав некоммерческих организаций Республики Тыва. По состоянию на 3 декабря 2021 г. в Республике Тыва функционировало всего 518 некоммерческих организаций.

По отраслям в Республике Тыва распределение НКО было такое:

- спорт — 82;
- религиозные организации — 69;
- социальная сфера — 58;
- образование и молодежная среда — 47;
- здравоохранение, медицина — 29;
- экономика, предпринимательство — 26;
- благотворительные фонды (общего направления) — 29;
- коренные малочисленные народы — 23;
- культура и искусство — 23⁷ и др.

¹ В Тыве растет число активных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. 08.12.2021. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/society/46538 (дата обращения: 15.07.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства от 01.10.2021 [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/upload/docs/rejting-za-2020.pdf> (дата обращения: 14.07.2022).

⁵ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях [Электронный ресурс] // Министерство юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 19.12.2022).

⁶ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290. По состоянию на 18.12.2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko> (дата обращения: 19.12.2022).

⁷ Предложения общественных организаций будут включены в ежегодное Послание Главы Тувы Верховному Хуралу. 08.12.2021 [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/society/46542 (дата обращения: 15.07.2022).

Социально ориентированных некоммерческих организаций (по состоянию на 18.12.2022) насчитывается 82¹ (то есть 15% НКО Тывы). Их деятельность направлена на решение социальных проблем и развитие гражданского общества в регионе, в том числе в разной степени связана с реализацией демографической политики Российской Федерации. К такой категории относятся НКО, поддерживающие межкультурные связи в республике. Представители разных национальных диаспор объединяются в региональную НКО «Ассамблея народов Республики Тыва», которая вобрала в себя «8 иностранных и 6 российских диаспор (землячеств). Наиболее активны монголы, узбеки, киргизы, азербайджанцы, таджики, казахи, армяне»².

В Республике Тыва некоммерческие организации, реализующие государственную демографическую политику, можно типологизировать в соответствии с ее официально обозначенными задачами³.

Типы НКО:

- Способствующие сокращению преждевременной смертности российских граждан;
- Способствующие укреплению здоровья жителей российских регионов;
- Способствующие повышению рождаемости в стране;
- Способствующие укреплению традиционной семьи;
- Способствующие сохранению духовно-нравственных ценностей;
- Способствующие социальной интеграции мигрантов.

Приведем примеры некоммерческих организаций, реализующих государственную демографическую политику в Республике Тыва при поддержке Фонда Президентских грантов (таблица 1).

Таблица 1. Некоммерческие организации Республики Тыва, реализующие государственную демографическую политику⁴

Table 1. Non-profit organizations that implement the state demographic policy in the Republic of Tuva

Типы НКО	НКО и их проекты, поддержанные президентским грантом
1. Способствующие сокращению преждевременной смертности российских граждан	РОО «Союз активных людей по социальной поддержке населения Республики Тыва» (проект «60+ время для нас», 2022 г.)
2. Способствующие укреплению здоровья жителей российских регионов	Ассоциация по развитию туризма «Центр Азии» (проект «Доктор Лошадь», 2021 г.)
3. Способствующие повышению рождаемости в стране	ЧУ ДО «АС-ПРОФИ» (проект «Дневник будущей мамы», 2022 г.)

¹ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. N 1290. Список организаций, Республика Тыва. По состоянию на 18.12.2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/123> (дата обращения: 19.12.2022).

² Концепция содействия развитию социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Тыва. Утв. Постановлением Правительства Республики Тыва от 25.12.2019 N 619; в ред. Постановления Правительства Республики Тыва от 28.09.2020 N 466 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561671155> (дата обращения: 14.12.2022).

³ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9.10.2007 г. N 1351; с изм. от 16.09.2021 г. N 2580-р). Ст. 3. Цели, принципы, задачи и основные направления демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] // Консультант. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.12.2022).

⁴ НКО распределены в соответствии с направлениями демографической политики. Составлено авторами статьи по материалам: Фонд президентских грантов. Главная страница [Электронный ресурс] // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 19.12.2022).

4. Способствующие укреплению традиционной семьи	Благотворительный фонд по поддержке гражданских инициатив «Реальная помощь» Кызылского кожууна (проект «Снежная кавалерия», 2021 г.)
5. Способствующие сохранению духовно-нравственных ценностей	РОО «Ассоциация учителей тувинского языка и литературы Республики Тыва» (проект «Народные игры Тувы — детям», 2020 г.)
6. Способствующие социальной интеграции мигрантов	РОО «Союз журналистов Тувы» (проект «Мобильная школа толерантности без языковых и этнических барьеров на основе полиэтнической общественной библиотеки Союза журналистов Тувы», 2018 г.)

Дифференцируем некоммерческие организации, виды деятельности которых имеют отношение к решению демографических проблем, связанных с жизнедеятельностью различных категорий населения (таблица 2).

Таблица 2. Некоммерческие организации Республики Тыва, реализующие государственную демографическую политику по отношению к конкретным целевым группам¹

Table 2. Non-profit organizations of the Republic of Tuva that pursue the state demographic policy in relation to specific target groups

Категория	НКО
Дети	Тувинский республиканский общественный благотворительный фонд по правам ребенка
	Тувинский региональный общественный фонд поддержки детей-инвалидов «Ласточка»
	Региональная общественная организация «Детское футбольное объединение улан»
	Автономная некоммерческая организация «Детский литературный сайт “Радуга Тувы”»
	Региональная общественная организации «Ассоциация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей Республики Тыва “Мы вместе”»
Молодежь	Тувинская региональная общественная организация по поддержке молодежных инициатив «Каптагай» (Вселенная)
	Тувинское региональное отделение молодежной общероссийской общественной организации «Российские студенческие отряды»
Пожилые	Региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз пенсионеров России»
Семья	Общественный благотворительный фонд защиты семьи, материнства и детства «Мама» Республики Тыва
	Автономная некоммерческая организация поддержки многодетных, малоимущих семей и граждан с ограниченными возможностями «Сайзырал» («Развитие»)
	Некоммерческая организация благотворительный фонд «Институт развития семьи “Жизнь”»
Женщины	Тувинское региональное отделение общероссийской общественно-государственной организации «Союз женщин России»

¹ Составлено авторами статьи по материалам: Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. N 1290. По состоянию на 18.12.2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/123> (дата обращения: 19.12.2022).

Таким образом, можно говорить о том, что некоммерческие организации постепенно включаются в деятельность по развитию государственной демографической политики в Республике Тыва, оказывая помощь различным категориям населения региона.

Потенциал НКО по реализации демографически значимых мероприятий

Потенциал некоммерческих организаций в Республике Тыва представляет собой комплекс ресурсов, предоставляющих возможности для сокращения преждевременной смертности россиян, для повышения рождаемости в стране, для сохранения здоровья населения, для укрепления института семьи, для социальной интеграции мигрантов, для поддержания духовно-нравственных ценностей у населения России.

Потенциал этот связан с общей тенденцией повышения общей численности подобных структур. В частности, за последние 3 года в Тыве увеличилось количество некоммерческих организаций с 398 до 518 (данные к началу 2022 г.)¹. Резервы функционирования НКО связаны с увеличением их поддержки со стороны федеральных и региональных и муниципальных органов власти.

При этом функционирование некоммерческих организаций Республики Тыва сопровождается активным развитием социально ориентированные некоммерческие организации (далее — СО НКО), деятельность которых направлена на оказание помощи населению и развитие гражданского общества.

Так, потенциал некоммерческих организаций Республики Тыва включает в себя работу по профессионализации представителей общественных структур, в первую очередь, через «создание единого Ресурсного центра в форме общественной организации или автономной некоммерческой организации или стимулирование к участию в развитии инфраструктуры поддержки»². Здесь в качестве субъекта можно назвать некоммерческую организацию «Ресурсный центр по поддержке некоммерческих организаций и добровольчества в Республике Тыва»³.

Потенциал состоит в интеграции нескольких НКО в целях выполнения той или иной деятельности. Например, в 2021 г. была создана новая общественная организация «Союз трезвых сил», которая была призвана «объединить всех граждан республики и органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения, некоммерческие, религиозные и иные организации, стоящие на позиции трезвости, добивающихся освобождения общества от алкогольной, табачной и другой наркотической зависимости»⁴. В данной структуре объединились организации, деятельность которых носит демографическую, медицинскую, просветительскую и добровольческую направленность.

Потенциал заключается в восстановлении деятельности и дальнейшем развитии НКО, включенных в специализированный реестр организаций, пострадавших во время пандемии: три из них образовательной направленности и по одной — патриотической и духовно-просветительской направленности (по состоянию на 01.07.2021)⁵.

¹ В Тыве увеличилось количество некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // МК в Тыве. 2021, 9 декабря. URL: <https://www.mk-tuva.ru/social/2021/12/09/v-tuve-velichilos-kolichestvo-nekommercheskikh-organizaciy.html> (дата обращения: 14.07.2022).

² Концепция содействия развитию социально ориентированных некоммерческих организаций в Республике Тыва. Утв. Постановлением Правительства Республики Тыва от 25.12.2019 N 619; в ред. Постановления Правительства Республики Тыва от 28.09.2020 N 466 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561671155> (дата обращения: 14.07.2022).

³ Карта ресурсных центров НКО [Электронный ресурс] // Сервисы всероссийской мультисервисной платформы гражданской активности. URL: <https://rcmap.igrajdanim.ru> (дата обращения: 14.07.2022).

⁴ В Тыве создан Союз трезвых сил [Электронный ресурс] // ИА «Тыва-онлайн». 2021, 19 января. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/01/19/v-tuve-sozdan-soyuz-trezvyh-sil-otkrytyu-dlya-vseh-zhelayuschih.html> (дата обращения: 10.07.2022).

⁵ О реестре некоммерческих организаций, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: постановление Правительства Российской Федерации от 11.06.2020 N 847 [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=177> (дата обращения: 15.07.2022).

Потенциал развития некоммерческих организаций в Республике Тыва как субъектов реализации демографической политики зависит как от содействия со стороны государственных и муниципальных структур, так и от самоорганизации НКО и их ресурсных центров.

Заключение

Современные некоммерческие организации развиваются в неоднозначной ситуации, характеризующейся внедрением новых механизмов государственной поддержки, с одной стороны, и культурно-историческими и социально-демографическими процессами — с другой. Количественный и качественный состав некоммерческих организаций Республики Тыва позволяет говорить о наличии некоммерческих организаций, виды деятельности и социальные практики которых имеют непосредственное отношение к развитию государственной демографической политики и проведению соответствующих мероприятий в республике.

Некоммерческие организации могут быть классифицированы по критерию выделения задач демографической политики: способствующие сокращению преждевременной смертности российских граждан; способствующие укреплению здоровья жителей российских регионов; способствующие повышению рождаемости в стране; способствующие укреплению традиционной семьи; способствующие сохранению духовно-нравственных ценностей; способствующие социальной интеграции мигрантов. Кроме того, некоммерческие организации Республики Тыва могут дифференцированы по целевым социально-демографическим группам населения, представителям которых они оказывают помощь, способствуя тем самым решению общих демографических проблем.

Учет результатов анализа деятельности НКО по реализации демографической политики, а также представленная в работе типологизация, позволяет сформулировать рекомендации Министерству цифрового развития Республики Тыва: во-первых, рассмотреть возможность представления электронной площадки для размещения текущей информации о проектах и мероприятиях, анонсируемых и реализуемых НКО общереспубликанского и местного уровней; во-вторых, способствовать созданию электронного ресурса для регистрации и комплектования корпуса добровольцев, которые хотели бы принять участие в реализации мероприятий по увеличению социальной активности тувинцев разных возрастов, укреплению здоровья жителей региона, сохранению традиций и ценностей местного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Бабенко, А. И., Куулар, Л. Ы. (2008) Интегрированная оценка демографической ситуации и потерь здоровья населения на отдельных территориях Республики Тыва // Бюллетень СО РАМН. № 3 (131). С. 28–32.
- Бессчетнова, О. В., Волкова, О. А., Алиев, Ш. И., Бессчетнова, О. В. (2021) Отношение молодежи к вакцинапрофилактике гриппа в условиях развития пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 29. № 2. С. 213–219. DOI: <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-213-219>
- Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Ильин, В. А., Морев, М. В. (2022) Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 9–32. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>
- Лавренюк-Исаева, Н. М. (2022) Роль социального предпринимательства в человеческом развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 190–212. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.15>
- Мерсиянова, И. В., Иванова, Н. В., Брюхно, А. С. (2022) Изменилась ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии? // Социологические исследования. № 9. С. 38–48. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250020647-4>

Мозговая, Е. И., Водолазова, Ж. М., Горский, А. А., Волкова, О. А. (2021) Здоровый образ жизни населения в условиях пандемии: экспертные мнения исследователей и представителей некоммерческих организаций // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 29 (S1). С. 763–767. DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-763-767>

Рязанцев, С. В., Мирязов, Т. Р. (2021) Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>

Скобелина, Н. А. (2022) Некоммерческие организации в Республике Тыва с 2015 по 2021 годы: зависимость от пути // Новые исследования Тувы. № 4. С. 180–189. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.14>

Тарбастаева, И. С. (2018) Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. № 5. С. 65–80.

Gorman, M. (2002) Global ageing — the non-governmental organization role in the developing world // International Journal of Epidemiology. Vol. 31, Is. 4, August. P. 782–785. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/31.4.782>

Momoh, G. T., Oluwasanu, M. M., Oduola, O. L., Delano, G. E., Ladipo, O. A. (2015) Outcome of a reproductive health advocacy mentoring intervention for staff of selected non-governmental organisations in Nigeria // BMC Health Services Research. Vol. 15. Article number: 314. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12913-015-0975-0>

Olson, M. (1965) The logic of collective action: Public goods and the theory of groups. Cambridge, MA : Harvard University Press. x, 176 p.

Volkova, O. A., Naberushkina, E. K., Besschetnova, O. V., Mozgovaya, E. I., Svishcheva, I. K. (2018) Life stories of women: Terminated parental rights // Journal of History Culture and Art Research. Vol. 7. No. 2. P. 139–145. DOI: <http://doi.org/10.7596/taksad.v7i2.1597>

Дата поступления: 08.12.2022 г.

Дата принятия: 18.01.2023 г.

REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: Contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Abylkalikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Babenco, A. I. and Kuular, L.Y. (2008) Integrirovannaia otsenka demograficheskoi situatsii i poter' zdorov'ia naseleniia na otdel'nykh territoriiakh Respubliki Tyva [Integrated assessment of the demographic situation and health losses of the population in certain territories of the Republic of Tuva]. *Biulleten' SO RAMN*, no. 3 (131), pp. 28–32. (In Russ.).

Besschetnova, O. V., Volkova, O. A., Aliev, Sh. I. and Besschetnova, O. V. (2021) Otnoshenie molodezhi k vaktsinoprofilaktike grippa v usloviakh razvitiia pandemii COVID-19 [The attitude of the youth to vaccine prevention of influenza in conditions of COVID-19 pandemic]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, vol. 29, no. 2, pp. 213–219. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-213-219>

Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethno-demographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Ilyin, V. A. and Morev, M. V. (2022) Spetsial'nai voennaia operatsiia vyiavliaet novye cherty grazhdanskogo obshchestva [The special military operation reveals new features of civil society]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no. 5, pp. 9–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1>

Lavrenyuk-Isayeva, N. M. (2022) Rol' sotsial'nogo predprinimatel'stva v chelovecheskom razvitiie Respubliki Tyva [The role of social entrepreneurship in the human development of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 190–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.15>

Mersianova, I. V., Ivanova, N. V. and Briukhno, A. S. (2022) Izmenilas' li tsifrovaia kompetentnost' rossiiskikh NKO v usloviakh pandemii? [Digital transformation of Russian NGOs during the pandemic]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 38–48. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250020647-4>

Mozgovaya, E. I., Vodolazova, Zh. M., Gorsky, A. A. and Volkova, O. A. (2021) Zdorovyi obraz zhizni naseleniia v usloviakh pandemii: ekspertnye mneniia issledovatelei i predstavitelei nekommercheskikh organizatsii [Healthy lifestyle of the population in the context of a pandemic: Expert opinions of researchers and employees of non-profit organizations]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdavoookhraneniia i istorii meditsiny*, vol. 29, no. S1, pp. 763–767. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-763-767>

Ryazantsev, S. V. and Miryazov, T. R. (2021) Demograficheskoe blagopoluchie: teoreticheskie podkhody k opredeleniiu i metodika otsenki [Demographic well-being: Theoretical approaches to definition and assessment methodology]. *DEMIS. Demographic Research*, vol. 1, no. 4, pp. 5–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>

Skobelina, N. A. (2022) Nekommercheskie organizatsii v Respublike Tyva s 2015 po 2021 gody: zavisimost' ot puti [Non-profit organizations in the Republic of Tuva from 2015 to 2021: Path dependence]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 180–189. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.14>

Tarbastaeva, I. S. (2018) Tuva prevrashchaetsia v monoetnichnyi region: riski i perspektivy [Tuva's transformation into a monoethnic region: Risks and possibilities]. *EKO*, no. 5 (527), pp. 65–80. (In Russ.).

Gorman, M. (2002) Global ageing — the non-governmental organization role in the developing world. *International Journal of Epidemiology*, vol. 31, issue 4, pp. 782–785. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/31.4.782>

Momoh, G. T., Oluwasanu, M. M., Oduola, O. L., Delano, G. E. and Ladipo, O. A. (2015) Outcome of a reproductive health advocacy mentoring intervention for staff of selected non-governmental organisations in Nigeria. *BMC Health Services Research*, vol. 15, article number: 314. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12913-015-0975-0>

Olson, M. (1965) *The logic of collective action: Public goods and the theory of groups*. Cambridge, MA, Harvard University Press. x, 176 p.

Volkova, O. A., Naberushkina, E. K., Besschetnova, O. V., Mozgovaya, E. I. and Svishcheva, I. K. (2018) Life stories of women: Terminated parental rights. *Journal of History Culture and Art Research*, vol. 7, no. 2, pp. 139–145. DOI: <http://doi.org/10.7596/taksad.v7i2.1597>

Submission date: 08.12.2022.

Acceptance date: 18.01.2023.

Этнический фактор развития человеческого потенциала Калмыкии и Тувы: сравнительный анализ

Рим М. Валиахметов, Марсель С. Туракаев

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация,

Салават И. Абылкаликов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье представлен сравнительный анализ проблем в современном развитии человеческого потенциала в двух республиках России — Республике Калмыкия и Республике Тыва, которые занимают относительно близкие позиции по индексу человеческого развития. Выводы исследования основаны на анализе научной литературы по данной проблематике, результатах предыдущих социологических опросов населения, выполненных авторами в республиках Калмыкия и Тыва, а также данных экспертных интервью (по 16 экспертов в каждой республике), ставших основной эмпирической базой данной статьи. Интервью в республиках проводились в период с декабря 2020 г. по январь 2021 г.

Современные исследования регионального развития направлены, прежде всего, на углубление понимания человеческого потенциала. Поскольку показатели ограничены, развита теневая экономика и есть особенности государственной политики перераспределения, возрастает интерес к использованию качественных методов исследования. Они могут обеспечить более глубокое изучение особенностей конкретных регионов, включая этнокультурные и другие факторы.

Как отмечают эксперты, этнический фактор оказывает существенное влияние на специфику хозяйственной деятельности коренных народов Калмыкии и Тувы. Опрошенные считают, что традиционные виды хозяйственной деятельности нужно поддерживать, создавать условия для их сохранения и развития. Среди проблем развития человеческого потенциала эксперты Калмыкии отметили закрепованность населения и утрату культурных традиций калмыков. Эксперты Тувы выделяют наиболее распространенные среди тувинцев проблемы, которые обусловлены низкой финансовой грамотностью, проявлением социального иждивенчества, слабой приспособленностью и адаптацией к условиям рыночной экономики. Эксперты из Калмыкии и Тувы указали на равенство в возможностях получения образования и медицинской помощи для всех этносов республик. Отмечается положительная тенденция повышения уровня образования населением Калмыкии и Тувы, что связано с высокой ценностью образования у коренных народов этих республик. Однако данное обстоятельство имеет и негативные последствия: усиливающийся миграционный отток населения из республик, ухудшение владения родными национальными языками и потеря других культурных традиций.

Ключевые слова: Тува; Калмыкия; человеческий потенциал; этнический фактор; индекс развития человеческого потенциала; социальное развитие; экспертное мнение; образование; здоровье

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

Для цитирования:

Валиахметов Р. М., Туракаев М. С., Абылкаликов С. И. Этнический фактор развития человеческого потенциала Калмыкии и Тувы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 111-124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8>

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, декан факультета философии и социологии, ведущий Научной лабораторией социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: rim_m_sifat@inbox.ru

Туракаев Марсель Салаватович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, главный специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Эл. адрес: mturakayev@gmail.com

Абылкаликов Салават Иргалиевич — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., д. 3; 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Эл. адреса: sabykalkikov@hse.ru; sabykalkikov@yandex.ru

Ethnic factor of human development in the republics of Kalmykia and Tuva: comparative analysis

Rim M. Valiakhmetov, Marcel S. Turakayev

Ufa University of Science and Technology, Russian Federation,

Salavat I. Abylkalikov

HSE University; Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of the issues related to the development of human potential in two republics in Russia today — in the Republic of Kalmykia and the Republic of Tuva. The republics have relatively similar rankings in terms of human development index. The conclusions of the research are based on an analysis of academic literature on these issues, the results of previous sociological surveys of the population conducted by the authors in the republics of Kalmykia and Tuva, as well as data from expert interviews (16 experts in each republic) which have become the main empirical basis of this article. The interviews in the republics were obtained in the period from December 2020 to January 2021.

Contemporary research into regional development is primarily aimed at providing new insights into human potential. Since the indicators are limited, the informal economy is developed and there are features of the state policy of redistribution, there is an increasing interest in using qualitative research methods. They can provide a more detailed study of the characteristics of specific regions, including ethnocultural and other factors.

According to the experts, the ethnic factor has a significant impact on the specific features of economic activities among the indigenous peoples of Kalmykia and Tuva. The respondents believe that traditional economic activities should be supported and conditions for their preservation and development should be created. Among the problems of human potential development, the experts of Kalmykia noted the indebtedness of the population and the loss of cultural traditions of the Kalmyks. The Tuva experts identify the most common problems among the Tuvans. They are caused by lack of financial literacy, impact of social dependency, poor adjustment and adaptation to the conditions of a market economy. The experts from Kalmykia and Tuva pointed to equality in educational opportunities and medical care for all ethnic groups in the republics. There is a positive trend of increasing the people's level of education in Kalmykia and Tuva, because education is of high value among the indigenous peoples of these republics. However, this fact also has negative consequences: the increasing migration outflow of the population from the republics, the decline in the command of native national languages and the loss of other cultural traditions.

Keywords: Tuva; Kalmykia; human potential; ethnic factor; human development index; social development; expert opinion; education; health

Financing

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Consolidation of the All-Russian Identity" (the instruction of the President of the Russian Federation No. PR-71, dated January 16, 2020).

For citation:

Valiakhmetov R. M., Turakayev M. S. and Abylkalikov S. I. Etnicheskiy faktor razvitiia chelovecheskogo potentsiala Kalmykii i Tuvy: sravnitel'nyi analiz [Ethnic factor of human development in the republics of Kalmykia and Tuva: comparative analysis]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 111-124. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.8>

VALIAKHMETOV, Rim Marsovich, Candidate of Sociology, Dean, Faculty of Philosophy and Sociology; Head, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4, Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (963) 898-61-48. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-8875-5197

TURAKAYEV, Marcel Salavatovich, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work; Chief Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 3/4, Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (965) 656-28-82. E-mail: mturakaev@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2449-6605

ABYLKALIKOV, Salavat Irgalievich, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Demography, HSE University; Leading Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology. Postal addresses: 3, Bolshoy Trekhsvyatitelsky Lane, 109028 Moscow, Russian Federation; 32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. E-mail addresses: sabylkalikov@hse.ru, sabylkalikov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3405-3867

Введение

Регионы России, в частности, национальные субъекты, характеризуются разным уровнем человеческого развития. Одним из инструментов оценки этих различий является расчет Индекса человеческого развития (далее — ИЧР), который сочетает в себе монетарные показатели, индикаторы здоровья и долголетия, а также развитости системы образования. Доклады о человеческом развитии, а также оценки ИЧР на региональном уровне с 2014 года рассчитывает и публикует Аналитический центр при Правительстве РФ¹. Так, согласно их расчетам, Республика Тыва является одним из аутсайдеров по уровню человеческого развития (в 2019 г. ИЧР составлял всего 0,787, это 85-е место среди всех регионов РФ). Отмечается, что кроме низких доходов — душевой валовой региональный продукт (далее — ВРП) составляет лишь 12,5 тыс. долл. по паритету покупательной способности (далее — ППС), что в 2,3 раза ниже общероссийского уровня, для республики характерна наиболее низкая продолжительность жизни (67,6 лет при общероссийском значении 73,3 года для обоих полов). Показатели Калмыкии выше — ИЧР в последний допандемийный год составлял 0,842 (50-е место в России). Душевой ВРП по ППС в Калмыкии на 2019 г. составлял 15,5 тыс. долл., а продолжительность жизни мужчин и женщин даже выше среднероссийского уровня — 74,8 года².

Более поздних расчетов ИЧР пока не опубликовано, но можно оценить некоторые его составные части, такие как ВРП на душу населения и ожидаемая продолжительность жизни (далее — ОПЖ). Управлением национальных счетов Росстата ВРП на душу населения в рублях в текущих ценах рассчитан и опубликован на данный момент только за 2020 г. Если общефедеральный показатель равен 640,5 тыс. руб., то по Республике Тыва он составил 251,8 тыс. руб. (80-е место в РФ), а в Калмыкии — 344,9 тыс. руб. (63-е место в РФ)³. Отметим, что при расчете индекса дохода при составлении ИЧР для субъектов России Аналитический центр применяет дополнительные процедуры: корректировку ВРП каждого субъекта на не распределяемую часть ВВП страны и на разницу в ценах. Кроме того, производится пересчет в доллары США по ППС по данным Всемирного Банка. В силу этого, места, занимаемые республиками в России, в будущих публикациях ИЧР, рассчитанных Аналитическим центром при Правительстве РФ, могут незначительно скорректироваться.

Уже опубликованы данные об ожидаемой продолжительности жизни при рождении за 2020-2022 гг. В Тыве в 2020 г. ОПЖ для обоих полов снизился до 66,25 лет из-за пандемии коронавируса, но затем начал расти и достиг 67,14 лет в 2022 г. В Калмыкии самое большое снижение ОПЖ было зарегистрировано в 2021 г. и составило 71,4 года, но в 2022 г. показатель вырос до 73,53 лет. Тыва в 2022 г. по ОПЖ занимала 84 место в России (опережая только Чукотку), а Калмыкия — 17-е место (немного уступая Тюменской области и опережая Ленинградскую область). Тем не менее, в обеих республиках продолжительность жизни пока не превысила уровень допандемийного периода⁴.

Индексы развития широко применяются для ранжирования стран, но на региональном уровне данные индикаторы состояние дел отражают не всегда корректно. В частности, по причине ограниченности показателей, развитости теневой экономики и особенностей государственной политики перераспределения. Современные исследования регионального развития направлены, прежде всего, на углубление понимания человеческого потенциала, как на уровне отдельных регионов, так и на уровне муниципалитетов. В этом контексте возрастает интерес к использованию качественных методов исследования, которые могут обеспечить более глубокое изучение особенностей конкретных регионов, включая этнокультурные и другие факторы.

¹ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год (2014) / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 204 с.

² Индекс человеческого развития в России: региональные различия [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/ICR_2021_long.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

³ Валовой региональный продукт на душу населения [Электронный ресурс] // ЕМИСС — Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения: 20.02.2023).

⁴ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении [Электронный ресурс] // ЕМИСС — Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 20.02.2023).

Данное исследование основано на анализе литературы по проблемам развития человеческого потенциала и данных экспертных интервью в республиках Тыва и Калмыкия. Интервью с экспертами в республиках проводились в период с декабря 2020 г. по январь 2021 г. В качестве экспертов выступили по 16 представителей науки, образования, здравоохранения, государственного управления и институтов гражданского общества из данных республик. Средний возраст экспертов в Республике Калмыкия составляет 54 года, в Республике Тыва — 52 года.

В гайде экспертного интервью было 6 блоков вопросов, которые касались состояния экономики, образования, здравоохранения и этнического фактора в этих сферах. Экспертов спрашивали о преимуществах и недостатках социально-экономического развития территорий, экономическом и социальном развитии этносов, особенностях образовательных стратегий и здоровьесохранительного поведения населения. Последний блок интервью касался предложений и рекомендаций по совершенствованию экономического и социального развития этносов республики.

Целью данного исследования является сравнительный анализ этнических факторов в развитии человеческого потенциала Калмыкии и Тувы. Для достижения данной цели произведен сбор и анализ статистических данных и научной литературы о развитии человеческого потенциала в различных регионах России, проведено качественное исследование (экспертные интервью) в Туве и Калмыкии. Реализованы задачи по выявлению специфических этнических и региональных проблем развития человеческого потенциала в экономиках республик, в их социально-трудовой, образовательной сферах и системе здравоохранения. Выявлены проблемные зоны, сдерживающих развитие человеческого потенциала республик Тыва и Калмыкия.

Данное исследование стало продолжением предыдущих количественных (социологические опросы населения) и качественных исследований (экспертные интервью) в рамках проекта «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» (2020–2022 гг.), выполненных авторским коллективом в республиках Башкортостан, Дагестан, Татарстан, Тыва и Калмыкия. Результаты вышеупомянутых исследований опубликованы в статьях (Валиахметов и др., 2021; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022; Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022; Баймурзина, Кабашова, 2022; Бурханова, 2022; Бурханова, Асадуллина, 2022; Туракаев, 2022; Зарипов, Гусейнов, Малучиев, 2022; Намруева, 2022; Гайфуллин, 2022; Габдрахманова, Лаукарт-Горбачева, 2022).

Изучение развития человеческого потенциала на региональном уровне

С тех пор, как в 1990 г. Программа развития ООН (ПРООН) впервые представила широкой публике оценку Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)¹, сам подход не только показал свою состоятельность, но и оказал огромное влияние на исследователей и политиков. Правительства многих стран обратили внимание не только на рост доходов, но и прогресс в области снижения смертности и рост продолжительности жизни, а также более широкий охват населения образованием. Составители первого доклада ПРООН решали весьма амбициозную и непростую задачу: с одной стороны, разработать индикатор, который одновременно являлся бы отражением сути концепции развития человеческого потенциала, сочетая в себе не только экономические и социальные показатели, но при этом обладал еще и исчислимостью, простотой и доступностью исходных данных для стран и территорий с разным уровнем доступности статистических показателей, а также оценить происходящий со временем в них прогресс, либо, напротив, регресс (Ul Haq, 1995).

В 1990 г. глобальный Индекс человеческого развития составлял 0,601, а к 2019 г. он вырос уже до 0,739. Оценка для России на 1990 г. составляла 0,743, с 1995 г. (0,698) был длительный и почти непрерывный период роста до 2019 г. (0,845), прерванный пандемией нового коронавируса². В настоящее время Россия относится к странам с очень высоким уровнем развития (то есть с ИЧР более 0,8) и соседствует с газо-нефтедобывающими монархиями Персидского залива (Кувейт и Оман), одними из наиболее

¹ Human Development Report 1990: Concept and Measurement of Human Development (1990). New York [Электронный ресурс] // UNDP (United Nations Development Programme). URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1990> (дата обращения: 19.02.2021).

² Human Development Report 2021–22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World. New York (2022) [Электронный ресурс] // UNDP (United Nations Development Programme). URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (дата обращения: 20.04.2023).

развитых стран Латинской Америки (Аргентина, Багамские Острова и Коста-Рика), постсоветскими и восточноевропейскими странами (Казахстан, Венгрия и Румыния).

Индексные показатели развития хорошо справляются с задачами ранжирования различных стран и выявления динамики. Но на региональном уровне данные индикаторы проявляют себя значительно хуже, отечественные исследователи отмечали, что существуют серьезные изъяны используемой методологии. В частности, показатель ВРП плохо иллюстрирует картину в регионах с развитой теневой экономикой, также могут быть сильные различия между производством и потреблением из-за государственной политики перераспределения. В условиях примерно сопоставимого уровня образования и продолжительности жизни в большинстве российских регионов, основной вклад в различия индексов развития обеспечивался прежде всего за счет монетарных показателей (Россия регионов: ..., 2005).

При этом в последние десятилетия растет интерес к исследованию развития человеческого потенциала не только на уровне отдельных регионов, но даже муниципалитетов, выявлению потенциальных источников роста и существующих проблемных зон. Так, изданы доклады о развитии человеческого потенциала Пермского края¹, серия докладов по Республике Башкортостан², не говоря уже о публикациях статей в коллективных монографиях и сборниках, научных журналах, докладах на конференциях разного уровня, посвященных регионам России.

В научных публикациях часто затрагивается тема адаптации индекса в соответствии с конкретными проблемами и особенностями России и её регионов. Коллектив авторов под руководством Н. М. Римашевской (Римашевская и др., 2013) предлагает дополнить оценку здоровья населения регионов путем корректировки ожидаемой продолжительности жизни на показатели нездоровья (инвалидности населения и численности лиц, состоящих на учете в ЛПУ). Д. Ф. Дабиев и У. М. Дабиева предлагают оценить развитие человеческого потенциала в Туве с учетом оценки базовых социокультурных установок (Дабиев, Дабиева, 2015). Г. Р. Ростом предлагает включить продолжительность здоровой жизни, долю молодежи в возрасте 7–18 лет, посещающих образовательные учреждения, а также долю населения с денежными доходами выше прожиточного минимума (Ростом, 2016). А. Ю. Шевяков указывает, что высокий уровень неравенства может выступать заметным ограничителем на пути удовлетворения экономических потребностей, сохранения здоровья и приобщении к культурным благам и к образованию для населения, даже при высоком, в среднем, уровне доходов и остальных показателей развития (Шевяков, 2010).

Новым подходом является внедрение в анализ развития человеческого потенциала регионов качественных методов исследования с целью глубже изучить особенности изучаемого региона, включая этнокультурные и иные факторы. Качественные методы, вероятно, пригодны для выявления локальной специфики даже в большей степени, нежели классические индексы человеческого потенциала и их корректировки.

Экспертные опросы, групповые дискуссии, глубинные интервью могут позволить сместить исследовательский фокус с изучения региона и более локальных территориальных уровней на изучение проблем развития человеческого потенциала с точки зрения самих индивидов — к вопросам получения образования, работы, особенностей самосохранительного поведения. Одним из примеров такого подхода являются недавно опубликованные работы (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022; Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022), в которых помимо обзора литературы, применен экспертный опрос (исследователей, управленцев, общественных и религиозных деятелей) для выявления проблем человеческого развития и развития человеческого потенциала в Республике Тыва и Дагестане.

При исследовании развития человеческого потенциала в Российской Федерации, в частности, в её национальных субъектах, возрастает необходимость учета этнических факторов. Накопление и реализация человеческого потенциала, может быть, весьма дифференцировано у разных этнических и конфессиональных групп. Этнокультурное и конфессиональное разнообразие способно стать

¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Пермском крае / ред. С. Н. Бобылев, соредакторы Н. В. Зубаревич, П. И. Блусь, В. Г. Былинкина. Пермь: НП «Профессиональный интерес», 2010. 126 с.

² Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Г. Р. Баймурзиной, Н. М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015. 360 с.

стимулирующим фактором развития экономики, социальной и духовной сфер, взаимного обогащения культуры (Лиджиева, Немгирова, 2014).

Этнический фактор в социальной и экономической сферах

Эксперты из обеих республик указывают на достаточно высокий уровень межэтнической толерантности в своих регионах.

Как отмечает один из экспертов из Калмыкии, русская культура и культура калмыков «существуют параллельно» или «сосуществуют» (м., 64 г., работник образования). Межэтнических конфликтов в Калмыкии практически не бывает, либо они носят локальный характер. При этом в Республике Калмыкия есть территориальные споры. Приграничные «черные земли» и пастбища арендуются Республикой Дагестан и Астраханской областью. Бывшие общественные пастбища теперь ограничены для свободного выпаса скота населением Калмыкии. Кроме того, в Республике Калмыкия обостряются экологические проблемы: антропогенный фактор, опустынивание, проблема отсутствия воды (Намруева, 2022).

В Республике Тыва, по мнению опрошенных экспертов, также наблюдается стабильная ситуация в сфере межэтнических отношений. В целом, тувинцы обладают такими качествами, как коллективизм, толерантность и терпение (Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022: 175; Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 15). Однако стоит отметить, что миграционный отток русских приводит к росту моноэтничности населения Тувы. По данным переписей 1989 и 2020 гг. доля тувинцев среди всего населения Тувы увеличилась с 1989 по 2021 гг. с 64,3% до 83,1%, а доля русских за этот период уменьшилась с 32% до 9,5%¹.

В качестве общих социальных и экономических проблем эксперты из Калмыкии выделяют бедность, безработицу, нехватку питьевой воды, опустынивание территорий, распространённость неформальных экономических практик, неразвитую промышленность, закредитованность населения, миграционный отток населения (преимущественно молодежи) из республики, проблемы в развитии транспортной и социальной инфраструктуры, нехватку электроэнергии. Системообразующий вид экономической деятельности в регионе — животноводство.

Среди народов Республики Калмыкия традиционным животноводством чаще других занимаются кавказские этносы (прежде всего — дагестанские народы), которые «живут на точках»:

«Здесь у нас нет каких-то таких вот больших, кардинальных различий между представителями разных национальностей. Есть, конечно, различия по способу хозяйства. Допустим, очень многие представители кавказской национальности занимаются животноводством, живут на точках. Исторически так сложилось. Но в то же время и калмыки сейчас снова вернулись к исконно традиционному скотоводству, многие фермеры, получив паи, стали сами заниматься животноводством. Живут примерно все одинаково, также тяжело, также как могут, выживают. Очень многие едут на заработки, у нас, скажем так, бывает выездной туризм, выездная работа. То есть вахтовым методом многие работают, поэтому в принципе здесь все одинаково...» (ж., 55 л., работник сферы науки).

Некоторые эксперты отмечают, что у калмыцкой молодежи сельскохозяйственный труд уже не так популярен и престижен, невзирая на хорошую оплату труда. Государственная поддержка малого бизнеса, фермерства в Калмыкии направлена в том числе на возвращение молодежи в республику, в сельскую местность. Другие эксперты отмечают, что одним из барьеров на пути поддержки бизнеса является коррупция, включая распределение грантов по родственному или этническому принципу.

Экспертами отмечаются различия между русскими и калмыками в степени адаптации в других регионах страны в случае миграции. На постоянное место жительства уезжают прежде всего русские, а среди калмыков больше распространена временная трудовая миграция, в том числе из-за возникающих сложностей в адаптации на новом месте при постоянной миграции за пределы родного региона.

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=67 (дата обращения: 23.02.2023); Всероссийская перепись населения 2020 года [Электронный ресурс] // Росстат, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 23.02.2023).

Эксперты Тувы среди основных социально-экономических проблем республики прежде всего выделяют бедность, безработицу, а также внутреннюю миграцию из периферии в центр региона, транспортную и социально-экономическую изолированность республики, отсутствие крупных промышленных предприятий, большой объем неформальной экономики, слабую социальную инфраструктуру. Тува также является животноводческим регионом. Сельское хозяйство и особенно животноводство — традиционные занятия тувинцев. Поэтому и региональные проекты в основном реализуются в сфере сельского хозяйства.

В Республике Тыва, по мнению экспертов, русские более успешны в сфере предпринимательства, нежели тувинцы. Это связывают с низкой финансовой грамотностью коренного тувинского населения региона (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14–15). Кроме этого, эксперты выделяют такие черты, присущие некоторым тувинцам, как социальное иждивенчество (надежду на помощь государства, а не на себя), которое «консервирует» бедность в республике, а также нежелание заниматься монотонным трудом. Они не преуспевают в тех сферах деятельности, в которых требуется дисциплина (Валиахметов, Зарипов, Туракаев, 2022: 175).

В Республике Тыва социальные (преимущественно родственные) связи, как и в Калмыкии, играют заметную роль в трудовой и экономической сфере коренного этноса. При приеме на работу тувинцы могут обратить внимание не на профессиональные и личностные качества, а на принадлежность к этносу или территориальному сообществу. В результате этого формируются этнически однообразные организационные коллективы (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14).

Из Тувы уезжают чаще всего, по мнению экспертов, представители русского этноса, т. к. они чувствуют себя менее комфортно в моноэтнической республике, кроме того, им легче адаптироваться в других регионах страны. По мнению экспертов, тувинцам же сложнее мигрировать из-за того, что большая часть из них владеет русским языком недостаточно хорошо. Эксперты отмечают повышение интенсивности межрегиональной социально-территориальной мобильности тувинцев (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 14–15). Некоторые исследователи не подтверждают связь уровня владения русским языком с интенсивностью межрегиональной миграции. Большинство калмыков и тувинцев владеют русским языком. При этом тувинцы исторически позже «присоединились» к внутри-российской межрегиональной миграции (Бадмаева, Натсак, 2021).

Как часто подчеркивали опрошенные респонденты, на хозяйственную деятельность Калмыкии и Тувы оказывает влияние этнический фактор. Поведение представителей основных этносов республик на рынке труда и в сфере предпринимательства имеет этническую специфику. Сохранение и поддержка традиционных видов экономической деятельности, по мнению экспертов, позволит сохранить сами титульные этносы республик.

Сфера образования и образовательные стратегии

В целом эксперты из Калмыкии и Тувы говорят о том, что образовательные возможности в этих республиках одинаковые для всех этносов. При этом существует этническая специфика в стратегиях получения образования в обеих республиках.

Эксперты из Калмыкии отмечают, что депортация калмыков в Сибирь в 1943–1944-е гг. и труд на низких позициях у тех, кто не имел подходящего образования и квалификации, усилили стремление родителей дать своим детям профессиональное образование, особенно после возвращения в 1960-х и 1970-х гг. Как отмечает один из экспертов, сам факт поступления в учебное заведение является более значимым, чем будущая профессия:

«Все родители хотели, чтобы их дети окончили либо институт, либо училище, техникум и получили специальность. С одной стороны, это было хорошо, повышался уровень образованности, с другой — была ещё одна специфика. При общем требовании к детям получить образование родители практически не выбирали специальность. Поэтому дети в силу своих возможностей поступали на разные специальности. Если врачи, педагоги и юристы в те времена могли найти работу, а люди, которые получали специальности, условно говоря, специфические для нашей республики: математики, научные работники, астрономы, геодезисты практически не были востребованы в республике. Но здесь надо сказать ещё одну интересную вещь, что в те времена, многие, кто учился и получил такие специальности, возвращались назад в республику. Мало

кто уезжал или оставался и реализовывал полученную специальность. Основная часть возвращалась, по специальности не работала, но находила какую-то другую работу» (м., 64 г., работник образования).

Отмечено, что у калмыков стремление к получению профессионального образования и стремление дать его детям выше, чем у русских, проживающих в республике (хотя это только мнение экспертов, ничем больше не подтвержденное). Но при этом многие выходцы из Калмыкии не возвращаются в республику после получения образования. Связано это с тем, что в Республике Калмыкия есть возможности трудовой занятости в основном в бюджетной сфере. Как отмечают исследователи, длительность нахождения в месте трудовой миграции части респондентов из Тувы и Калмыкии зависит от решения материальных проблем своей семьи. При этом мигранты из Калмыкии чаще стремятся реализовать свой профессиональный потенциал, а мигранты из Тувы уезжают прежде всего на заработки. Также в статье авторы акцентируют внимание на том, что среди трудовых мигрантов из Калмыкии и Тувы значительная доля — это лица репродуктивного возраста и образованное население (Бадмаева, Натсак, 2021).

По мнению одного из экспертов, высокий уровень образования негативно сказывается на рождаемости, что связано в свою очередь с изменениями традиционных форм разделения труда и более активным участием женщин в производственной деятельности и общественном секторе экономики (м., 64 г., работник образования).

В сельской местности Тувы меньше возможностей для получения хорошего образования. У представителей русского этноса больше шансов на получение образования за пределами региона из-за лучшего владения русским языком. Невзирая на то, что тувинцы стремятся к тому, чтобы их дети учили русский язык для дальнейшего получения профессионального образования, в Туве, особенно в сельской местности, для этого недостаточно педагогических кадров (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 15). Тувинская молодежь стремится получать профессиональное образование, что сопровождается их миграцией в центр республики и за ее пределы. Этот факт подтверждается данными опроса школьников г. Кызыл, согласно которому подавляющее большинство опрошенных планируют уехать из республики Тыва после получения профессионального образования (Ойдул, Трошкина, 2022). Половина занятых в Туве работают в бюджетной сфере, что вызвано дефицитом вакансий в других сферах, это создает потенциал для миграционного оттока населения из республики (Валиахметов и др., 2021: 213).

Эксперты из обеих республик указали на проблемы с владением родным языком этноса. Так, по данным переписей 2002 и 2010 гг. процент лиц, владеющих калмыцким языком в Калмыкии, сократился в два раза. При этом калмыцкий язык стараются сохранять и развивать в республике прежде всего на уровне дошкольного и школьного образования (Кованова и др., 2019). Калмыцкий язык редко используется жителями Республики Калмыкия вне домашней неформальной среды. Калмыки чаще используют русский язык, т. к. он дает больше возможностей для личностного, профессионального и карьерного роста и мобильности (Намруева, 2018).

Уровень владения тувинским языком тувинцами достаточно хороший, однако младшие поколения владеют родным тувинским языком хуже, чем старшие (Серээдар, 2018). Негативно сказываются на развитии языка следующие факторы: использование тувинского языка в большей мере в неофициальных сферах деятельности и установки на получение образования за пределами Тувы (Цыбеннова, 2019). В последние годы наблюдается массовый переход тувинцев на русский язык, в т. ч. в семейно-бытовом общении, что обусловлено развитием интернет-коммуникаций, цифровых технологий и исчезновением национальных школ (Каплунова, 2022). Кроме того, на снижение распространенности и уровня владения тувинским языком в регионе влияют миграционный отток местного населения из-за социально-экономических проблем в республике (в первую очередь это безработица, низкий уровень оплаты труда и высокая закредитованность населения); образовательная политика, основанная на федеральных стандартах; повышение ценности образования среди молодежи; русскоязычное СМИ; а также рост открытости тувинцев к русскому языку и культуре (Биткеева, Цыбеннова, 2022).

В сфере образования эксперты из обеих республик указали на равенство в возможностях его получения для всех этносов. Отмечается положительная тенденция повышения уровня образования населением Калмыкии и Тувы. Однако данное обстоятельство имеет и негативные последствия: миграционный отток населения из республик без дальнейшего возвращения после получения про-

фессионального образования, ухудшение владения родными национальными языками и утрата культурных традиций.

Здоровье и самоохрнительное поведение

Эксперты из обеих республик отметили, что в Калмыкии и Туве благоприятная экологическая ситуация и условия жизни, которые должны способствовать укреплению здоровья населения. Большинство экспертов из Калмыкии считают, что в самоохрнительном поведении этносов Республики Калмыкия нет никаких различий, однако некоторые все же отмечают этническую специфику, о которой будет упомянуто далее.

Проблемы в сфере здравоохранения одинаково влияют на все этносы республики: нехватка медицинского персонала, медицинских пунктов, фельдшерско-акушерских пунктов и т. д. Один из экспертов из Калмыкии указал на то, что из-за проблем с питьевой водой возникают мочекаменные и другие болезни, что сказывается на снижении продолжительности жизни населения Калмыкии (ж., 55 л., работник сферы науки). У некоторых экспертов из Калмыкии вызывают озабоченность два аспекта самоохрнительного поведения калмыков: во-первых, у калмыков (особенно мужчин) не принято жаловаться на свое здоровье, поэтому возникает легкомысленное отношение к своему здоровью; во-вторых, это относительно высокий уровень алкоголизации калмыков по сравнению с этническими русскими (стоит отметить, что это только мнение экспертов). Если суммировать мнения экспертов, то можно сделать вывод о том, что различия в уровне здоровья населения Калмыкии в основном проявляются в доступе к медицинским услугам (территориальное неравенство), социальном статусе человека, в его уровне жизни и финансовых возможностях (социально-экономическое неравенство).

Эксперты из Тувы указали на низкую грамотность коренного населения в области самоохрнительного поведения. Тувинцы зачастую не обращают внимания на свое здоровье и не ценят его. На ухудшение здоровья тувинцев влияет пассивность, бедность, стесненные условия проживания и слаборазвитая пропаганда здорового образа жизни в республике (Ламажаа, Валиахметов, Самба, 2022: 15–16).

Одним из наиболее применяемых в последние годы показателем, оценивающим здоровье населения, является ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ), который определяет среднее количество лет, в течение которых, как ожидается, индивид будет находиться в хорошем состоянии здоровья. Оценки Росстата в региональном разрезе доступны начиная с 2019 г.¹ Для всего населения России ОПЗЖ в 2019 г. составляла 60,3 года для обоих полов, снизившись к 2021 г. на 0,9 лет в первую очередь из-за последствий пандемии нового коронавируса, которая помимо прямого воздействия на здоровье и смертность населения, еще и вызвала серьезные перебои в работе системы здравоохранения. В Туве динамика ОПЗЖ за последние 3 года описала U-образную траекторию — в 2019 г. 57,1 г., в 2020 резкое снижение до 50,5 лет, затем последовал рост, который позволил даже превысить допандемийные значения — 59,4 лет. По-видимому, в Калмыкии основной урон пандемия нанесла уже в 2021 г. — в этот год ОПЗЖ для обоих полов составила 54,2 года, тогда как в 2019 г. была 60,4 лет, а в 2020 г. — 59,0 лет. Если в 2019 г. Калмыкия была 24-й, а Тува 78-й в ранжированном списке регионов России по величине ОПЗЖ, то по итогам 2021 г. регионы почти что «поменялись местами» — Тува заняла 29-е место, а Калмыкия — уже 80-е. Показатели ожидаемой продолжительности жизни в пандемийные годы «скатились» вниз, на уровни 5–6 летней давности как республиках в целом, так и в их столицах — Кызыле и Элисте, у женщин сокращение ОПЖ выражено сильнее, чем у мужчин (Абылкаликов, Баймурзина, 2022).

Еще одним из основных индикаторов как здоровья населения в целом, так и уровня социально-экономического развития региона является коэффициент младенческой смертности, причем его объективность может быть даже выше, чем самооценка собственного здоровья, которая лежит в основе расчетов ОПЗЖ. Уровень младенческой смертности зависит от множества факторов — здоровье самих

¹ Демографический ежегодник России — 2021: статистический сборник. М., 2021. 256 с. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 23.02.2023).

² Там же.

младенцев и их матерей, общие условия жизни и благосостояния, качество и доступность медицинской помощи, а также особенности окружающей среды, включая экологическое состояние. По данным Росстата², младенческая смертность в Калмыкии в 2020 г. составила всего 2,9 на тысячу родившихся живыми, тогда как в Туве 5,5 (при общероссийском показателе в 4,5‰).

Стоит отметить, что уровень младенческой смертности в современной России у матерей с высшим образованием в 2,5 раза ниже, чем у матерей со средним общим и в 4 раз ниже, чем с неполным средним и ниже (Андреев, 2020: 54). Подобная зависимость наблюдается и в оценках ожидаемой продолжительности жизни у разных образовательных групп. Так, разрыв в ОПЖ в России в возрасте 30 лет для женщин с высшим образованием на 2015 г. составил 6,1 лет по сравнению с теми, у кого он ниже среднего, а у мужчин и вовсе 13,1 лет (Харькова, Никитина, Андреев, 2017: 65). Таким образом, одним из важнейших факторов улучшения здоровья населения и снижения смертности, помимо совершенствования системы здравоохранения и экономического развития, является повышение уровня образованности населения. Одновременно с этим, развитие образования всемерно может способствовать и развитию человеческого потенциала.

В сфере здравоохранения и самосохранительного поведения населения в целом не существует этнического неравенства в данных республиках. Неравенство скорее выражено в месте проживания и уровне жизни населения. Так, в сельской местности не хватает медицинских учреждений, оборудования и персонала, а людям с низкими доходами труднее получать платную медицинскую помощь. При этом эксперты отмечают определенную этническую специфику самосохранительного поведения как у калмыков, так и у тувинцев, особенно по сравнению с русскими, проживающими в тех же регионах.

Заключение

Уже на протяжении более трех десятилетий как исследователями, так и управленцами на практике широко применяется концепция развития человеческого потенциала. Концепция базируется на трех основных принципах: прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести для этого необходимые знания и обладать ресурсами для достойного уровня жизни. С течением времени возникла необходимость дальнейшего развития и адаптации индексов развития под конкретные нужды изучаемых обществ, а также исследовать развитие человеческого потенциала на более низовых территориальных уровнях, нежели целые страны. Необходимость учета локальных факторов, этнических, конфессиональных и других особенностей вызывает необходимость применения более гибких исследовательских инструментов. Относительно новым подходом является применение не только все более адаптирующихся под конкретные нужды и особенности количественных индикаторов, но и сочетание их с качественными методами исследования, такими как экспертный опрос.

Этнический фактор оказывает влияние на специфику хозяйственной деятельности самых многочисленных этносов Калмыкии и Тувы. В обеих республиках сельское хозяйство является традиционным видом экономической деятельности. По мнению опрошенных экспертов, это способствует сохранению национальной культуры титульных этносов Калмыкии и Тувы. При этом следует делать упор на том, чтобы социально-экономическое развитие республики не противоречило этнической специфике титульных коренных этносов.

Низкий уровень социально-экономического развития и определенный дефицит рабочих мест в обеих республиках приводит к высокой доле занятости в бюджетной сфере. Эксперты из Калмыкии и Тувы указали на равенство в возможностях получения образования и медицинской помощи для всех этносов республик, а неравенство скорее проявляется в уровне доходов и месте проживания населения.

Полученные данные экспертных интервью позволили расширить объективное представление о статистических показателях, связанных с развитием человеческого потенциала на уровне отдельных регионов, и проанализировать этнические факторы, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие республик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И., Баймурзина, Г. Р. (2022) Особенности демографических процессов в городах Кызыл и Элиста в 2011–2020 годы: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 34–52. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>
- Андреев, Е. М. (2020) Неравенство в младенческой смертности среди населения современной России // Вопросы статистики. Т. 27. № 2. С. 48–62. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-48-62>
- Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>
- Баймурзина, Г. Р., Кабашова, Е. В. (2022) Занятость и доходы населения республик Тыва и Башкортостан (2010–2020 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>
- Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>
- Бурханова, Ф. Б. (2022) Уверенность в будущем у башкир и тувинцев как показатель человеческого развития: связь с семейным статусом // Новые исследования Тувы. № 3. С. 208–225. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.14>
- Бурханова, Ф. Б., Асадуллина, Г. Р. (2022) Условия и факторы жизни семей с детьми у башкир и тувинцев (опыт социологического анализа) // Научный результат. Социология и управление. Т. 8. № 4. С. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>
- Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>
- Валиахметов, Р. М., Зарипов, А. Я., Туракаев, М. С. (2022) Проблемы развития человеческого потенциала в республиках Российской Федерации (по результатам опроса экспертов в Дагестане и Туве) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 170–185. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>
- Габдрахманова, Г. Ф., Лаукарт-Горбачева, О. В. (2022) Человеческий потенциал Республики Татарстан в официальных документах и экспертных оценках // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 70. С. 228–241. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/70/21>
- Гайфуллин, А. Ю. (2022) Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 2. С. 128–142. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
- Дабиев, Д. Ф., Дабиева, У. М. (2015) О скорректированном показателе индекса развития человеческого потенциала с учетом социокультурных факторов (на примере республики Тыва) // Экономический анализ: теория и практика. № 37 (436). С. 50–64.
- Зарипов, А. Я., Гусейнов, А. Г., Малучиев, Г. С. (2022) Оценка социально-экономического положения региона через призму этнической идентичности (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан в 2020 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 85–101. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.6>
- Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>
- Кованова, Е. С., Бадмаева, Н. В., Удаев, Р. А., Алексеев, С. Г. (2019) Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии // Oriental Studies. Т. 12. № 6 (46). С. 1096–1106. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106>
- Ламажаа, Ч. К., Валиахметов, Р. М., Самба, А. Д.-Б. (2022) Проблемное поле исследований человеческого потенциала Тувы: обзор литературы и мнения экспертов (2020–2021) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>
- Лиджиева, И. В., Немгирова, С. Н. (2014) Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия // Oriental Studies. Т. 7. № 1. С. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2014-15-1-15-22>
- Намруева, Л. В. (2018) Нужен ли учащейся молодежи Калмыкии калмыцкий язык (по материалам социологических исследований 2015 и 2017 гг.) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 143–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.12>

Намруева, Л. В. (2022) Экологическая ситуация в современной Калмыкии: междисциплинарный анализ // Новые исследования Тувы. № 2. С. 102–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.7>

Ойдуп, Т. М., Трошкина, И. Н. (2022) Профессиональные предпочтения выпускников школ столиц республик Тыва, Алтая и Хакасии как основа формирования человеческого капитала регионов (2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 198–210. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Римашевская, Н. М., Бочкарева, В. К., Мигранова, Л. А., Молчанова, Е. В., Токсанбаева, М. С. (2013) Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. № 3 (61). С. 82–141.

Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живём? (2005) / под общ. ред. Н. В. Зубаревич. М. : Поматур. 278 с.

Ростом, Г. Р. (2016) Корректировка индикаторов для расчета ИРЧП с учетом специфики России // Научное обозрение. Экономические науки. № 6. С. 142–146.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Туракаев, М. С. (2022) Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Харькова, Т. Л., Никитина, С. Ю., Андреев, Е. М. (2017) Зависимость продолжительности жизни от уровня образования в России // Вопросы статистики. № 8. С. 61–69.

Цыбенкова, Ч. С. (2019) Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва // Oriental Studies. T. 12. № 3 (43). С. 460–477. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477>

Шевяков, А. Ю. (2010) Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. № 5. С. 38–52.

Ul Haq, M. (1995) Reflections on human development. N. Y. : Oxford University Press. xix, 252 p.

Дата поступления: 12.03.2023 г.

Дата принятия: 12.04.2023 г.

REFERENCES

Abykalkikov, S. I. and Baimurzina, G. R. (2022) Osobennosti demograficheskikh protsessov v gorodakh Kyzyl i Elista v 2011–2020 gody: sravnitel'nyi analiz [Demographic processes in the towns of Kyzyl and Elista in 2011–2020: A comparative study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 34–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.3>

Andreev, E. M. (2020) Neravenstvo v mladencheskoi smertnosti sredi naseleniia sovremennoi Rossii [Inequality in infant mortality among population of modern Russia]. *Voprosy statistiki*, vol. 27, no. 2, pp. 48–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-48-62>

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: Economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Baimurzina, G. R. and Kabashova, E. V. (2022) Zaniatost' i dokhody naseleniia respublik Tyva i Bashkortostan (2010–2020 gg.) [Employment and income of the populations of the republics of Tuva and Bashkortostan (2010–2020)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.13>

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Khronika iazykovogo sdviga v tuvinskom iazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Burkhanova, F. B. (2022) Uverennost' v budushchem u bashkir i tuvintsev kak pokazatel' chelovecheskogo razvitiia: sviaz' s semeinym statusom [Confidence in the future among the Bashkirs and Tuvans as an indicator of human development: Correlation with family status]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 208–225. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.14>

Burkhanova, F. B. and Asadullina, G. R. (2022) Usloviia i faktory zhizni semei s det'mi u bashkir i tuvintsev (opyt sotsiologicheskogo analiza) [Conditions and factors of life of families with children among Bashkirs and Tuvans (experience of sociological analysis)]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 8, no. 4, pp. 31–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social features of employment in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Valiakhmetov, R. M., Zaripov, A. Ya. and Turakayev, M. S. (2022) Problemy razvitiia chelovecheskogo potentsiala v respublikakh Rossiiskoi Federatsii (po rezul'tatam oprosa ekspertov v Dagestane i Tuve) [Issues of human potential development in the republics of the Russian Federation (according to the results of a survey of experts in Dagestan and Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 170–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.12>

Gabdrakhmanova, G. F. and Laukart-Gorbacheva, O. V. (2022) Chelovecheskii potentsial Respubliki Tatarstan v ofitsial'nykh dokumentakh i ekspertnykh otsenkakh [Human development of the Republic of Tatarstan in official documents and expert assessments]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 70, pp. 228–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/70/21>

Gaifullin, A. Yu. (2022) Etnodemograficheskie kharakteristiki molodezhi v respublikakh Tyva i Bashkortostan [Ethno-demographics of youth in the republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 128–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>

Dabiev, D. F. and Dabieva, U. M. (2015) O skorrektirovannom pokazatele indeksa razvitiia chelovecheskogo potentsiala s uchetom sotsiokul'turnykh faktorov (na primere respubliki Tyva) [On adjusted human development index subject to sociocultural factors (the case of the Republic of Tuva)]. *Ekonomicheskii analiz: teoriia i praktika*, no. 37 (436), pp. 50–64. (In Russ.).

Zaripov, A. Ya., Huseynov, A. H. and Maluchiev, G. S. (2022) Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia regiona cherez prizmu etnicheskoi identichnosti (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan v 2020 g.) [Socio-economic situation in the region through the prism of ethnic identity: Materials of sociological research in the Republic of Dagestan in 2020]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 85–101. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.6>

Kaplunova, M. Ya. (2022) Otsenka vospriiatiia iazykovoi situatsii v Respublike Tyva mestnym naseleniem (na materiale polevogo issledovaniia 2021 g.) [Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Kovanova, E. S., Badmaeva, N. V., Udaev, R. A. and Alekseev, S. G. (2019) Etnokul'turnaia bezopasnost' i problemy sokhraneniia iazyka v Kalmykii i Buriatii [Ethnocultural security and problems of language preservation in Kalmykia and Buryatia]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 6 (46), pp. 1096–1106. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106>

Lamazhaa, Ch. K., Valiakhmetov, R. M. and Samba, A. D.-B. (2022) Problemnoe pole issledovaniia chelovecheskogo potentsiala Tuvy: obzor literatury i mneniia ekspertov (2020–2021) [The problem field of studying human development in Tuva: A survey of literature and expert opinions (2020–2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.1>

Lidzhieva, I. V. and Nemgirova, S. N. (2014) Etnokul'turnoe razvitie regiona: monitoring etnokonfessional'nogo i mezkul'turnogo vzaimodeistviia v Respublike Kalmykii [The ethno-cultural development of a region: The monitoring of ethno-confessional and intercultural interaction in the Republic of Kalmykia]. *Oriental Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 15–22. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2014-15-1-15-22>

Namrueva, L. V. (2018) Nuzhen li uchashcheisia molodezhi Kalmykii kalmytskii iazyk (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniia 2015 i 2017 gg.) [Do the students of Kalmykia need Kalmyk language (according to sociological surveys of 2015 and 2017)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 143–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.12>

Namrueva, L. V. (2022) Ekologicheskaiia situatsiia v sovremennoi Kalmykii: mezhdistsiplinarnyi analiz [Environmental situation in contemporary Kalmykia: An interdisciplinary study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 102–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.7>

Oydup, T. M. and Troshkina, I. N. (2022) Professional'nye predpochteniia vypusnikov shkol stolits respublik Tyva, Altaia i Khakasii kak osnova formirovaniia chelovecheskogo kapitala regionov (2021 g.) [Vocational choices of secondary school graduates in the capitals of Tuva, Altai and Khakassia as a basis of building human capital in the region (2021)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 198–210. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.14>

Rimashevskaya, N. M., Bochkareva, V. K., Migranova, L. A., Molchanova, E. V. and Toksanbaeva, M. S. (2013) Chelovecheskii potentsial rossiiskikh regionov [Human potential of Russian regions]. *Narodonaselenie*, no. 3 (61), pp. 82–141. (In Russ.).

Rossii regionov: v kakom sotsial'nom prostranstve my zhivem? [Russia of regions: In what social space do we live?] (2005) / ed. by N. V. Zubarevich. Moscow, Pomatur. 278 p. (In Russ.).

Rostom, G. R. (2016) Korrektirovka indikatorov dlia rascheta IRChP s uchetoм spetsifiki Rossii [Updating the indicators for HDI calculation taking into account the specificity of Russia]. *Nauchnoe obozrenie. Ekonomicheskie nauki*, no. 6, pp. 142-146. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4-19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Turakayev, M. S. (2022) Etnoiazykovaia situatsiia kak faktor sotsial'nogo samochuvstviia regiona v natsional'nykh respublikakh Rossii (na primere Tuvy, Bashkortostana i Kalmykii) [Ethno-linguistic situation as a factor in the social well-being of the Republics of Russia: The cases of Tuva, Bashkortostan and Kalmykia]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 70-84. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.5>

Khar'kova, T. L., Nikitina, S. Yu. and Andreev, E. M. (2017) Zavisimost' prodolzhitel'nosti zhizni ot urovnia obrazovaniia v Rossii [Dependence of life expectancy on the education levels in Russia]. *Voprosy statistiki*, no. 8, pp. 61-69. (In Russ.).

Tsybenova, Ch. S. (2019) Sotsial'naia kharakteristika iazykovoі situatsii v Respublike Tyva [Language situation in the Tyva Republic: Social characteristics]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 3 (43), pp. 460-477. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477>

Shevjakov, A. Yu. (2010) Sotsial'noe neravenstvo: tormoz ekonomicheskogo i demograficheskogo rosta [Social inequality: Hindrance for economic and demographic growth]. *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 5 (147), pp. 38-52. (In Russ.).

Ul Haq, M. (1995) *Reflections on human development*. New York, Oxford University Press. xix, 252 p.

Submission date: 12.03.2023.

Acceptance date: 12.04.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.2.9

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Деятельность Совета по делам религиозных культов в Туве (1944–1962)

Вячеслав А. Ахмадуллин

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

В статье рассматривается деятельность Совета по делам религиозных культов СССР в Туве в период 1944–1962 гг. Совет по делам религиозных культов (СДРК) был наиболее публичным органом Советского государства по взаимодействию с религиозными организациями в вопросах внутренних и внешнеполитических задач, приоритетных для руководства СССР, а также по частичному удовлетворению запросов религиозных организаций. Вхождение Тувы в 1944 г. в состав СССР означало необходимость проведения на её территории религиозной политики в лице уполномоченных СДРК, решавших должностные задачи с очень разным качеством. На территории Тувы проблемы религиозной политики были аналогичны проблемам других регионов, но со своей, прежде всего буддистской спецификой.

Основу исследования составили рассекреченные (с 2010 г.) материалы Государственного архива Российской Федерации (из фонда «Р-6991. Совет по делам религий при СМ СССР. 1943–1991»). Ситуацию в области религиозной политики в Туве освещают всего шесть дел, хранящиеся в описи под № 3 «Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. 1944–1960 гг.». Информация из них впервые вводится в научный оборот.

Анализ документов проведен в хронологическом порядке назначений, переписки, отчетности следующих уполномоченных в Тувинской автономной области своему московскому руководителю — И. В. Полянскому: М. Бадра, С. Намчак, Б. У. Тагба, Г. Михайлов, Б. У. Тагба (повторно), С. Шома, Г. Иванов (и. о. уполномоченного).

Ключевые слова: Тува; буддизм Тувы; история Тувы; буддист; Тувинская АО; старообрядцы; религиозная политика; Совет по делам религиозных культов; история СССР; советский период

Для цитирования:

Ахмадуллин В. А. Деятельность Совета по делам религиозных культов в Туве (1944–1962) // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.9>

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович — доктор исторических наук, профессор департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125167, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2. Эл. адрес: slavaah@yandex.ru

AKHMADULLIN, Viacheslav Abdulovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation. Postal address: 49/2 Leningradsky Prospect, Moscow 125167, Russia. Email: slavaah@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4441-2384

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

The activities of the Council for Religious Cults Affairs in Tuva (1944–1962)

Viacheslav A. Akhmadullin*Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation*

The article examines the activities of the Council for Religious Cults Affairs of the USSR in Tuva over the period of 1944 to 1962. The Council for Religious Cults Affairs (CRCA) was the most public body of the Soviet state in interacting with religious organizations on issues of internal and foreign policy priorities of the USSR leadership, as well as in partially meeting the demands of religious organizations. The inclusion of Tuva in the USSR in 1944 meant the necessity of conducting a religious policy on its territory through the authorized CRCA representatives who performed their official duties with varying degrees of quality. In the territory of Tuva, problems of religious policy were similar to those in other regions, but had their own primarily Buddhist specificity.

The basis of the research consisted of declassified (since 2010) materials from the State Archives of the Russian Federation (the fonds “R–6991. The Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR. 1943–1991”). The situation in the field of religious policy in Tuva is reflected in only six cases stored in the inventory list No. 3 “The Council for Religious Cults Affairs under the Council of Ministers of the USSR. 1944–1960”. The information from them is introduced into academic discourse for the first time.

The analysis of the documents was conducted in chronological order of appointments, correspondence and reports of the following authorized representatives in the Tuvan Autonomous Oblast to their Moscow supervisor, I. V. Polyansky: M. Badra, S. Namchak, B. U. Tagba, G. Mikhailov, B. U. Tagba (for a second time), S. Shoma and G. Ivanov (acting authorized representative).

Keywords: Tuva; Buddhism in Tuva; history of Tuva; Buddhist; Tuvan Autonomous Oblast; Old Believers; religious policy; Council for Religious Cults Affairs; history of the USSR; Soviet period

For citation:

Akhmadullin V. A. Deiatel'nost' Soveta po delam religioznykh kul'tov v Tuve (1944–1962) [The activities of the Council for Religious Cults Affairs in Tuva (1944–1962)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 125–140. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.9>

Введение

Проблема исследования заключается в обобщении исторического опыта деятельности Советского государства по строительству отношений с верующим на территории нового региона страны — Тувы, вошедшей в состав СССР в 1944 г. — в год создания Совета по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров СССР. Актуальность изучения религиозной политики СССР через призму деятельности Совета по делам религиозных культов в Туве диктуется, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, ростом интереса к истории России, в том числе к его советскому периоду. Во-вторых, бурным возрождением религиозной жизни и традиций, прежде всего буддизма, в Республике Тыва.

Выявление, изучение и сопоставление документов посылаемых центральным аппаратом Совета по делам религиозных культов, в том числе его председателем И. В. Полянским в Тувинскую Автономную область и ответы его подчиненных из этого региона — уполномоченных, помогает решить несколько задач:

во-первых, выявить насколько была благоприятна религиозная ситуация в регионе для достижения главной цели религиозной политики Советского государства — уничтожения всех религиозных организаций и вытеснения религии из сознания граждан СССР;

во-вторых, показать, как шло установление отношений руководящего состава Совета по делам религиозных культов с уполномоченными в Туве;

в-третьих, определить, кто и в какое время был уполномоченным Совета по делам религиозных культов;

в-четвертых, насколько деятельность уполномоченных Совета по делам религиозных культов соответствовала требованиям партийных и советских органов, в том числе указаниям представителей центрального аппарата Совета по делам религиозных культов;

в-пятых, эта работа вводит в научный оборот архивные документы, которые ранее не были известны исследователям истории Тувы.

Основу исследования составили материалы Государственного архива Российской Федерации, раскритиченные в последние годы. Совет по делам религиозных культов (СДРК) был наиболее публичным органом Советского государства по взаимодействию с религиозными организациями в вопросах внутренних и внешнеполитических задач, приоритетных для руководства СССР, а также по частичному удовлетворению запросов религиозных организаций.

Начало Великой Отечественной войны стало новым этапом в жизни СССР. Уже с первых дней войны И. В. Сталин и его ближайшее окружение стали активно искать пути сплочения общества для достижения будущей победы. С 22 июня 1941 г. перестали издавать антирелигиозные труды, хотя до войны тираж антирелигиозной литературы составлял более 2,5 млн экз. Для взаимодействия с религиозными организациями, координации их патриотической деятельности и курирования религиозной работы было принято решение создать при Правительстве СССР новый орган. Поэтому осенью 1943 г. был создан Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР (СДРПЦ). Несмотря на словосочетание «русской православной церкви», этот Совет стал связующим звеном между руководством страны и лидерами всех крупных легально действующих религиозных организаций. Но, спустя небольшой срок, стало понятно, что ресурсов СДРПЦ не хватает для такой масштабной работы. К тому же и название этого нового органа не соответствовало масштабу решаемых задач. Поэтому было принято решение о создании нового органа, который бы работал со всеми религиозными организациями, кроме тех, которые входили в РПЦ.

СНК СССР 19 мая 1944 г. принял постановление № 572 «Об организации Совета по делам религиозных культов», а 29 мая 1944 г. вышло постановление СНК СССР № 628 «Об утверждении Положения о Совете по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР, штатов и должностных окладов работников Совета». В Положении указывалось, что СДРК осуществляет связь между правительством СССР и руководителями мусульман, иудеев, буддистов, армяно-григориан, старообрядцев, греко-католиков, католиков, лютеран и сектантских организаций по вопросам этих культов (Российский государственный архив социально-политической истории — далее РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 286, л. 3; Государственный архив Российской Федерации — далее ГА РФ, ф. Р-6991. оп. 2, д. 68, л. 38; оп. 3, д. 3, л. 1; д. 6, л. 32).

Так, в 1944–1965 гг. Советское государство, уйдя от репрессивной политики 1930-х гг. смогло выработать новые формы и направления сотрудничества с органами управления религиозных организаций при решении вопросов, которые руководители партийно-государственного аппарата считали приоритетными для внешней и внутренней политики СССР.

Вхождение Тувы в 1944 г. в состав СССР означало необходимость проведения на её территории религиозной политики, главным публичным проводником которой стал СДРК в лице своих уполномоченных, решавших должностные задачи и (как показывает исследование) с очень разным качеством. Это было следствием целого комплекса причин: в том числе разной готовности к выполнению функциональных задач, непониманием религиозной ситуации, упорством верующих и т. д.

Опыт подготовки исследований о религиозной политике Советского государства позволил автору определить центральные архивы нашей страны, в которых хранятся материалы, посвященные данной теме. Речь идет, прежде всего, о документах высших органов государственной власти и управления СССР, подведомственных им учреждений, хранящиеся в Государственном архиве Российской Феде-

рации (ГА РФ). Именно в этом архиве сосредоточен основной массив таких материалов, хранимых в фонде «Р-6991. Совет по делам религий при СМ СССР. 1943–1991». По мнению авторитетного специалиста в области религиозной политики Советского государства, М. И. Одинцова, исследователям едва ли удалось «освоить» 10–15 % от общего объема этого фонда именно из-за того, что большая часть его материалов десятилетиями находилась на «секретном» и «совершенно секретном» хранении¹.

Анализ описей этого фонда позволил выявить, что ситуацию по реализации концептуальных установок партийно-советского аппарата СССР в области религиозной политики в Туве освещают всего шесть дел, хранящиеся в описи под № 3 «Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. 1944–1960 гг.», последнее дело имеет № 1896. Основу описи № 3 составляют отчеты, доклады, справки и донесения, беседы и выступления служащих центрального аппарата СДРК и его уполномоченных в самых различных регионах СССР. Дело № 586 «Материалы о работе уполномоченного по Тувинской автономной области» раскрывают ситуацию за 1946–1947 гг. и состоит всего из 7 листов. Дело № 587 «Материалы о работе уполномоченного по Тувинской автономной области» показывает строительство отношений государства с религиозными организациями в ТАО в 1949–1951 гг. Оно также очень маленькое — всего 44 листа. Дело № 588 «Материалы о работе уполномоченного по Тувинской автономной области» показывает обстановку в 1952–1954 гг. и содержит только 28 листов. Дело № 589 «Материалы о работе уполномоченного по Тувинской автономной области» показывает обстановку в 1954 г. и планы на 1955 г. Это дело содержит всего 12 листов. Дело № 1595 «Информационные отчеты уполномоченных по Бурятской, Калмыцкой, Тувинской АССР и Читинской области за 1960 г. и переписка с ним за 1961 г.» содержит 125 листов, из которых Тувинской АССР посвящено всего 9 листов. Дело № 1596 «Информационные отчеты уполномоченных по Бурятской, Калмыцкой, Тувинской АССР и Читинской области за 1961 г. и переписка с ним за 1962 г.» состоит из 77 листов, из них 7 листов составляет отчет по Туве. До недавнего времени эти дела имели гриф «совершенно секретно» и «секретно», и поэтому не вводились в научный оборот. Процесс массового рассекречивания документов из фонда «Р-6991. Совет по делам религий при СМ СССР. 1943–1991» начался примерно в 2010 г. В силу этой причины, изученные нами архивные документы, о деятельности СДРК в Туве, не были ранее изучены исследователями, и как следствие, не вводились в научный оборот.

Обзор литературы

Анализ литературы по теме позволил выявить, что в силу вышеназванных причин, проблема деятельности Совета по делам религиозных культов в Туве была мало исследована. Тем не менее, О. М. Хомушку приводила важные данные из жизни буддистов Тувы, в том числе информацию о контактах с Центральным духовным управлением буддистов и о деятельности областных властей в отношении буддистов (Хомушку, 1998: 97–100). К сожалению, она не указывает конкретные документы СДРК. Тем не менее, ей удалось установить, что в 1959 г. уполномоченным СДРК по Туве был Г. В. Иванов. Именно этот сотрудник СДРК предложил составить список лам, работающих в молитвенной юрте, так как из 20 лам надо было оставить только 12, рекомендованных ЦДУБ (там же: 99).

В монографии М. В. Монгуш (Монгуш, 2001) Совет по делам религиозных культов и его уполномоченные не упоминаются. Но, по нашему мнению, автор показывает важные факты и справедливо делает несколько выводов. Во-первых, в октябре 1944 г., когда Тува вошла в СССР «все социальные, экономические и культурные преобразования в Туве происходили в полном соответствии с российскими... процесс массовой атеизации, протекавший повсеместно в Российской Федерации и союзных республиках СССР, в который теперь была вовлечена и Тува, стал продолжением ранее начатого процесса секуляризации» (там же: 120). Во-вторых, М. В. Монгуш показывает снижение количества лам и попытки населения придать буддизму положительную динамику на фоне конкретных шагов властей по вытеснению буддизма из жизни жителей Тувы. В-третьих, она пишет: «По данным информационных отчетов, наиболее активные нелегально действующие ламы и шаманы были в Дзун-Хемчикском, Барун-Хемчикском, Бай-Тайгинском, Овюрском и Тоджинском кожуунах» (там же: 123). К сожалению, автор не указывает, какие информационные отчеты организации упоминаются.

¹ Архив Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (1944–1965 гг.): аннотированный каталог документов. Составитель: М. И. Одинцов, доктор исторических наук, профессор. Москва [Электронный ресурс] // Textarchive.ru. URL: <https://textarchive.ru/c-2245418.html> (дата обращения: 13.02.2023).

Один из крупнейших буддологов России А. А. Терентьев в своём труде об истории буддизма в царской и советской России, показывая работу СДРК, ссылается только на уже названные труды О. М. Хомушку и М. В. Монгуш (Терентьев, 2014: 164).

В трёхтомном фундаментальном труде по истории Тувы, затрагивающем период деятельности СДРК (1944–1965 гг.) (История Тувы, 2016), история государственно-конфессиональных отношений, к сожалению, не проанализирована.

Нельзя не отметить монографию М. П. Татаринцевой (Татаринцева, 2006), на сегодня основную работу по истории старообрядчества в Туве. В ней представлены статистические данные и особенности культуры старообрядцев региона на протяжении XX в. На основе сведений региональных архивов, данных специалистов и МВД показаны важные особенности их жизни. Но, к сожалению, в монографии не показано как на жизнь старообрядцев влияла деятельность СДРК, как они контактировали с уполномоченными Совета и какие попытки предпринимали для сохранения веры.

Исследователь Ф. Л. Сеницын в своём труде (Сеницын, 2013) подробно показывает процесс секуляризации тувинского общества, но, к сожалению, верхняя хронологическая рамка его подробного исследования ограничена 1946 г., а деятельность СДРК на территории Тувы началась, как следует из обнаруженных нами документов, с 1947 г.

Таким образом, обзор литературы показывает, что специалисты в области истории Тувы изучили многие аспекты государственно-конфессиональных отношений. При этом в силу того, что долгое время, в том числе и после распада СССР значительная часть документов о религиозной политике Советского государства оставалась засекреченной, работа руководящих подразделений Совета по делам религиозных культов и его уполномоченных не анализировалась учеными. Поэтому значительный пласт государственно-конфессиональных отношений не был известен широкому кругу исследователей и лиц интересующихся историей этих отношений. Анализируемые в статье документы впервые представлены научному сообществу, что и определяет новизну исследования.

Уполномоченный И. Бадра

Спустя чуть более месяца, после принятия штата центрального аппарата СДРК постановлением СНК СССР № 628 «Об утверждении Положения о Совете по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР, штатов и должностных окладов работников Совета» произошло утверждение штатов аппаратов уполномоченных СДРК — его представителей в регионах. Такое решение Государственной штатной комиссией при СНК СССР состоялось 8 июля 1944 г. Поэтому чего центральный аппарат СДРК в июле и августе разослал по регионам страны штатное расписание аппаратов уполномоченных СДРК. В соответствии с этим документом в аппараты уполномоченных СДРК при СНК союзных и автономных республик входили: уполномоченный, старший инспектор и секретарь-машинистка, при краевых и областных исполнительных комитетах депутатов трудящихся — уполномоченный и секретарь-машинистка (Ахмадуллина, 2021a, 2022).

Несомненно, эти документы не могли быть в то время посланы в Тувинскую Народную Республику, которая до 10 октября 1944 г. была самостоятельным государством, союзником СССР. Вхождение Тувы в состав СССР повлекло постепенное появление на её территории всех органов Советской власти, в том числе и Совета по делам религиозных культов в лице его уполномоченного.

Анализ архивных документов показывает, что, вероятно, первым уполномоченным СДРК в Тувинской автономной области был И. Бадра, назначенный на эту должность в начале 1947 г. Именно с ним шла активная переписка центрального аппарата СДРК.

Уже в первых отчетных документах И. Бадра отмечал, что одну из главных трудностей в его работе представляет взаимодействие с буддистами. Он обосновывал это тем, что ранее с ними не взаимодействовал, многие особенности этой религии ему непонятны, а помочь никто не может. Надо отдать должное руководству СДРК, в том числе его председателю И. В. Полянскому, контрразведчику, который много лет работал с различными религиозными организациями советских граждан.

Понимая трудности профессионального становления уполномоченного СДРК по Тувинской автономной области (ТАО), И. В. Полянский 4 сентября 1947 г. подписал телеграмму на имя председателя Областного исполнительного комитета депутатов трудящихся ТАО А. М. Чимба, в которой просил отправить И. Бадра в Москву к 20 августа, для прохождения инструктажа. Но, несмотря на эту те-

леграмму, Бадра в Москву не прибыл. Такое поведение местных властей и уполномоченного СДРК вызвало недовольство И. В. Полянского. Председатель СДРК был весьма раздражён не только не прибытием уполномоченного в Москву, но и нежеланием А. М. Чимба и И. Бадра пояснить причины срыва командировки. При этом председатель СДРК И. В. Полянский сделал особый акцент на том, что местные власти фактически никак не влияли на религиозные организации Тувинской автономной области. И. В. Полянский в письме от 23 октября 1947 г. высказал большую озабоченность в связи с тем, что ещё до назначения уполномоченного СДРК в регионе, А. М. Чимба прислал в центральный аппарат СДРК материалы с ходатайством буддистов об открытии сумэ, но материалы дела не были оформлены как это требовалось в соответствии с постановлением СНК СССР № 1603 от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 586, л. 1–7; ГАРФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 1, л. 9–12).

Председатель СДРК И. В. Полянский назвал несоответствия ходатайства буддистов Тувы названному постановлению СНК СССР: документ подписал один человек, а требовалось не менее 20 подписей; не был приложен список с точными установочными данными подписантов; не была указана территория, которую будет обслуживать буддистский храм; не был приложен список лам этого сумэ. Центральный аппарат СДРК 26 августа 1946 г. отправил председателю Областного исполнительного комитета А. М. Чимба письмо, с указанием недостатков, но даже спустя год не получил на него ответ. Поэтому И. В. Полянский дал указание И. Бадра, если местные буддисты продолжают ходатайствовать об открытии храма, помочь им оформить все документы и отправить в СДРК (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 586, л. 8).

И. В. Полянский также обратил особое внимание на то, что уполномоченный СДРК по Бурят-Монгольской АССР докладывал о большом количестве лам, которые широко развернули незаконную деятельность в Туве — выполняют обряды на дому, а в Хамышском районе автономной области работает незарегистрированное властями сумэ, в котором работают 16 лам и 30 хуvaraков. Поэтому председатель СДРК поручил уполномоченному по ТАО подробно разобраться с этим вопросом и прислать отчет в Москву. Для понимания ситуации уполномоченным по Туве, И. В. Полянский дал краткий обзор по обстановке с буддизмом в Бурят-Монголии. Председатель СДРК поручил И. Бадра воспрепятствовать попыткам обучения буддизму детей, разъясняя родителям, что они должны учиться в советской школе, наравне с детьми других национальностей. При этом в пример была поставлена соседняя республика (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 586, л. 8).

С нашей точки зрения, важным моментом этого письма стало указание о переходе И. Бадра в оперативное подчинение уполномоченного СДРК по Бурят-Монгольской АССР Н. Г. Гармаеву. Это было вызвано, как минимум, двумя обстоятельствами: положительным опытом работы уполномоченного по этой республике; нахождением в городе Улан-Удэ Центрального управления буддистов. Такое подчинение означало, что уполномоченный по ТАО обязан был посылать отчеты и в Улан-Удэ, советоваться с коллегой, который указанием председателя СДРК получил неформальный статус старшего товарища по всем служебным вопросам, в том числе и по назначению лам на территории Тувы. В заключении письма И. В. Полянский предложил И. Бадра определиться с вопросом повышения его знаний, прибыть в Москву в ноябре или декабре 1947 г., или в феврале на семинар, которые СДРК готовил совместно с родственной организацией, созданной в 1943 г. — Советом по делам русской православной церкви (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 586, л. 9).

Уполномоченный С. Намчак

Анализ архивных документов, раскрывающих проведение политики Советского государства в отношении верующих по всей стране, показывает, что на территории Тувы проблемы религиозной политики были аналогичны другим регионам, но со своей, прежде всего буддистской спецификой.

Так, например, новый уполномоченный СДРК по ТАО С. Намчак подписал 3 января 1950 г. отчет «О состоянии религиозного движения в Тувинской автономной области за 1949 год» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 1–5). В этом документе отмечено, что на территории ТАО нелегально действуют три религиозные общины. Одна из них — евангельских христиан-баптистов, состояла из 39 человек и находилась в городе Кызыл. В начале февраля 1949 г. члены этой общины подали ходатайство об открытии молитвенного дома. В апреле 1949 г. исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся отклонил это ходатайство. В качестве причины отказа было названо несоответствие

помещения по размерам и санитарно-гигиеническим требованиям, предъявляемым к молитвенным домам. Такой ответ заставил общину евангельских христиан-баптистов отказаться от подачи нового ходатайства (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 1).

Община буддистов, состоявшая из 21 ламы, находилась в 240 км от областного центра, на территории Баяндиланского сельского совета Дзун-Хемчикского района. Эта община 19 ноября 1946 г. подала заявление с просьбой разрешить открыть молитвенную юрту. Исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся два раза отклонял эту просьбу. Как и в случае с общиной евангельских христиан-баптистов, ответ был похож — отсутствие молитвенного дома, а в юртах открывать религиозные учреждения нельзя. Несмотря на включенность в решение вопроса дид Хамбо ламы (заместителя Хамбо ламы) по ТАО Амурта Демирова, неоднократные повторные ходатайства буддистов об открытии молитвенной юрты успеха не имели — исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся Тувинской автономной области такого разрешения не дал.

С нашей точки зрения, представляется интересным следующий факт: уполномоченный СДРК по ТАО С. Намчак назвал должность А. Демирова неверно — «дед Хамбо» а не «дид Хамбо», как было бы правильно, что показывает уровень профессиональной подготовки этого чиновника СДРК и заставляет вспомнить жалобу его предшественника — уполномоченного СДРК по ТАО И. Бадра о проблемах взаимодействия с буддистами и причинах, которые их порождали (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 1–2).

Ещё одну проблему в своей работе С. Намчак увидел в лице общины старообрядцев. Их организация находилась в 70 километрах от Кызыла — в Каа-Хемском районе в посёлке Медведевка. В неё входили 70 человек. Они подали ещё 24 ноября 1945 г. заявление властям с просьбой разрешить открыть в этом посёлке закрытый ранее молитвенный дом. После чего этот вопрос они не поднимали. В результате запретительной политики местных властей ни одна из трех существующих религиозных общин так и не получила разрешение на такие здания. Но даже такая бедственная ситуация не спровоцировала уход их этих общин всех прихожан. Многие из них продолжали религиозную деятельность, и даже пытались её расширять. Особенно сильно уполномоченного С. Намчака беспокоил авторитет лам среди жителей запада ТАО — Дзун-Хемчикского, Барун-Хемчикского и Бай-Тайгинского районов.

В отчёте С. Намчака особого внимания заслуживает статистика по буддистам, которые проявляли себя активно: до начала 1949 г. их было около 200, постоянных лам — 33. Некоторые ламы занимались знахарством, за что брали с населения скот и другое имущество. Наибольшее влияние ламы имели на западе ТАО: в Дзун-Хемчикском, Барун-Хемчикском и Бай-Тайгинском районах. По мнению уполномоченного СДРК, под влиянием политики, проводимой властями, в том числе организацией колхозов и переходу к оседлому образу жизни, количество верующих уменьшалось. По данным, представленным уполномоченным СДРК С. Намчак, в начале 1950 г. осталось всего 55 буддистов, которые активно посещали молитвенные юрты. При этом 25 из них составляли женщины. Из 33 лам 10 прекратили свою деятельность. Из их пояснений следовало, что на такой шаг они пошли из-за того, что их облагали непосильными налогами и другими повинностями, что было значительно выше, чем у другого населения региона (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 1–4). Надо отметить, что многочисленные факты завышенного налогообложения служителей культа отмечались в документах СДРК по всему СССР (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 30, л. 165, 168, 181–182, 198, 231, 249; д. 38, л. 125–129; д. 531, л. 218–222).

Материальные потери для лам не ограничились только уплатой высоких налогов. Так, 1 декабря 1948 г. председатель Центрального духовного управления буддистов Пандидо Хамбо-лама Дармаев дал указание дид Хамбо ламе по ТАО А. Тамирову о том, чтобы 69 голов скота, которые были получены ламами молитвенной юрты от населения, они передали колхозу имени И. В. Сталина Хайыр-Канском сельсовете Дзун-Хемчикского района (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 4).

Представляется интересным следующий факт: С. Намчак доложил, что общины активно действуют и много внимание отводят обслуживанию запросов верующих по местам жительства. Но при этом он попросил совета о том, как распустить эти общины, действующие незаконно, и обратил внимание руководства СДРК на то, что по решению Совета по делам русской православной церкви в городе Туран открыта ранее закрытая церковь, которая работает не только с городскими, но и с жителями шести деревень. Более того, он проинформировал, что настоятель церкви А. Чуликов «обслуживает религиозные нужды верующих на дому. В течение 1948–1949 г. были случаи венчания в церкви нобрачной молодежи» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 4). Особое внимание С. Намчак обратил на несколько фактов: в Кызыле заканчивается строительство церкви и в ней также работает А. Чуликов;

количество прихожан составляет около 200 чел.; с 28 мая 1948 г. про 7 мая 1949 г. в этой церкви крестили 224 ребенка (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 5).

В качестве достижения в отношениях с общинами христиан Турана и Кызыла С. Намчак отметил, что с 1949 г. все предстоящие маршруты поездок их служителей культа рассматривались, санкционировались и проверялись властями, которые разрешали их деятельность только с зарегистрированными общинами.

Кроме отчёта С. Намчака большую ценность представляет и приложенный к нему протокол беседы уполномоченного с дид Хамбо ламой по ТАО. Но в этом документе он назван как Амортаа Дамир, а не Амуртау Тумиров, как в отчете (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 5–6).

Тем не менее, анализ протокола показывает, что религиозный лидер прекрасно понимал: давление на буддистов резко возросло, как минимум по двум направлениям. Во-первых, по — идеологическому из-за постоянно усиливающиеся нападки на лам в СМИ. Во-вторых, по экономическому, что выражалось в подавлении хозяйственной самостоятельности, жестком спросе за неуплату всех видов налогов, подталкивание к вступлению в колхозы.

В качестве важнейшего документа, показывающего вектор развития политики Советского государства по отношению к буддистам необходимо рассматривать и справку, которую председатель СДРК И. В. Полянский подписал 8 июля 1949 г. В ней он показал процесс стремительного сокращения числа лам в ТАО. Например, в молитвенной юрте «Кандан-Тишкин» Дзун-Хемчикского района был 21 лама. Но девять человек оставили религиозную деятельность и стали заниматься сельским хозяйством. В молитвенной юрте «Аксы-Барлык» Барун-Хемчикского района из 13 лам осталось 10 лам. Одним из главных мотивов смены деятельности бывшие ламы называли непосильные налоги и другие повинности.

Уполномоченный Б. У. Тагба

Анализ секретного письма председателя СДРК И. В. Полянского уполномоченным по Тувинской Автономной области и Бурят-Монгольской АССР, подписанного 14 июля 1950 г., даёт основания для вывода — работавшие до этого времени уполномоченные Совета по ТАО со своими обязанностями справлялись плохо (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 13–13об). Этот вывод основан на объективных показателях: низкое качество работы любой организации является следствием высокой текучки кадров и отсутствием связи этих кадров с курируемыми организациями и лицами.

Как следует из адресной строки письма И. В. Полянского, он обращался к новому, уже третьему уполномоченному СДРК по ТАО — Б. У. Тагба. Письмо И. В. Полянского к двум уполномоченным было вызвано весьма показательным случаем: дид Хамбо лама по ТАО обратился за разъяснением вопросов, связанных с религиозной политикой СССР к уполномоченному не своего региона, а Бурят-Монголии, так как не знал о существовании уполномоченного СДРК по ТАО. Поэтому И. В. Полянский дал указание новому уполномоченному СДРК по ТАО Более того, в самом письме есть важное указание: «О том, что по Тувинской автономной обл. у Совета имеется Уполномоченный Совета поставьте в известность заявителя, который об этом не знает, т. к. с предыдущим Уполномоченным Совета заявитель связи не устанавливал» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 13).

Еще одним показателем низкого качества работы всей системы является то, что в этом письме И. В. Полянского (оно является третьим документом в анализируемом архивном деле) имя дид Хамбо ламы по ТАО дано в варианте, который не совпадает с двумя предыдущими написаниями — Амурт Дэмар (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 13).

Последний факт показывает, что за годы работы системы СДРК в ней не был налажен сбор насущной и элементарной информации — точные установочные данные курируемых лиц. В свою очередь это означает, что не было и эффективного решения задач, которые ставил центральный аппарат СДРК перед низовым звеном — уполномоченными в регионах. О низком качестве работы СДРК свидетельствует и доклад уполномоченного Б. У. Тагба от 12 июля 1950 г. Этот документ является почти дословным повтором доклада уполномоченного С. Намчака от 3 января 1950 г. (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 1–5, 14–16).

В силу такого положения дел председатель СДРК И. В. Полянский вынужден был дать указания уполномоченному Б. У. Тагба: наблюдать за распущенными общинами и после их расформирования;

лам, которые после этого выполняют религиозные обряды, необходимо облагать подоходным налогом через финансовые органы; «в следующих своих отчетах следует полнее информировать Совет и местные руководящие партийные и советские органы о состоянии религиозного движения в области, обратив внимание на деятельность «бродячих» лам, действия шаманов, лечение больных тибетской медициной и т. д.» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 17).

Весьма показательным является доклад Б. У. Тагба в исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся ТАО и председателю СДРК И. В. Полянскому от 26 июля 1950 г. (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 18–19). Б. У. Тагба изложил проблему и попросил помочь в ее решении. В Каа-Хемском районе — в 70 километрах от Кызыла, в тайге жили старообрядцы, всего около 130 дворов. Из них за два года в сельхозартели вступили 55 хозяйств. Среди оставшихся в тайге есть семьи, дочери которых — 15–20 человек, — живут вне семей. Это монахини, многие из них вполне трудоспособные, в тайге и не участвуют в политической и хозяйственной жизни ТАО. Например, в период выборов в Верховный Совет СССР монашки и их престарелые родители уехали в самую глубь тайги, дабы не участвовать в выборах. Во время проведения весеннего сева и хлебоуборки они поступали таким же образом. Острота ситуации усиливалась тем, что их престарелые родители подали заявления в райисполком и облисполком с просьбой освободить от сдачи государству поставок, так как дочери им не помогают по хозяйству. Органы власти мотивировали свой отказ в этой просьбе тем, что у них имеются трудоспособные дети.

Не в силах решить проблему самостоятельно, Б. У. Тагба попросил исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся ТАО и председателя СДРК И. В. Полянского помочь в решении этой проблемы и разъяснить, какой опыт работы со староверами имеется в Алтайском и Красноярском краях в первые годы Советской власти (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 18–19).

Спустя два с половиной месяца, 7 октября 1950 г., И. В. Полянский весьма лаконично ответил на вопросы подчиненного: вопрос принудительного переселять монашек «подлежит разрешению в общем порядке административными органами»; для привлечения монашек к государственным мероприятиям «помимо административных мер, необходимо проводить массово-просветительскую работу среди таких жительниц тайги и их родителей-старообрядцев» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 20).

Уполномоченный Г. Михайлов

Еще одним доказательством низкого качества работы уполномоченных СДРК по ТАО служит «Информационный отчет о деятельности религиозных культов на территории Тувинской автономной области за II полугодие 1950 г.», подписанный 13 декабря 1950 г. новым, четвертым уполномоченным Г. Михайловым. Во-первых, за 1950 г. это был уже третий уполномоченный СДРК. Во-вторых, анализ отчета показывает, что он в подавляющей своей части является пересказом отчетов предыдущих лет.

В заключительной части отчёта Г. Михайлов делает два вывода, характеризующие его, как человека, не имеющего опыта работы по реализации политики Советского государства по отношению к религиозным организациям и не понимающего, как решать имеющиеся проблемы. Он предложил в ближайшее время решить вопросы, связанные с деятельностью староверов, евангельских христиан-баптистов и буддистов, в плане их роспуска, хотя они и так действовали не имея регистрации. При этом он обратил особое внимание на то, что особого изучения и разрешения требует вопрос о существовании буддистской общины. Показательным выглядит его просьба дать указания для решения поставленных вопросов (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 21–25).

Анализ документа под названием «Информационный отчет о деятельности религиозных культов на территории Тувинской автономной области за первое полугодие 1951 г.», подготовленного Г. Михайловым, показывает заинтересованность этого уполномоченного СДРК в результатах работы и желании вникнуть в суть проблем (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 26–41).

За неполный год работы Г. Михайлов смог посетить все религиозные общины на территории Тувы. Его отчет на 15 страницах можно разделить на две части. Историческая — во многом повторяет отчеты, которые ранее присылались в центральный аппарат СДРК и руководителям местных властей. Вторая часть, и она объемная, примерно около восьми страниц, представляет из себя информацию,

которую Г. Михайлов получил в ходе поездок. Так, например, за отчетный период у буддистов была зафиксирована следующая динамика: количество лам резко возросло — с 17 в конце 1950 г. до 44, а простых членов буддистской общины — с 51 до 131. Г. Михайлов проявил настойчивость и выяснил подробности выполнения не только религиозных обрядов в этой общине, но и повседневные детали её жизни, а также особенности личной жизни ключевых лиц этой организации. Уполномоченный смог собрать информацию о том, когда и какие праздники собиралось большое количество людей из девяти районов ТАО. В отчете показано как выполнялись обряды в связи со смертью и рождением. В январе и апреле 1951 г. община вновь обратилась к властям с просьбой о регистрации. Но, как и в прошлый попытки, власти заявили, что раз нет стационарного помещения соответствующей площади, то регистрация общины невозможна. Особое внимание уполномоченный обратил на нетрадиционное оформление молельной юрты, в которой был размещен портрет И. В. Сталина.

Г. Михайлов смог разобраться, что старообрядцы Тувы состоят из двух общин: белокриницкого согласия и беспоповцев. Он смог показать многие особенности их жизни. Несмотря на то, что после Великой Отечественной войны прошло шесть лет, часть отчёта Г. Михайлов посвятил весьма нелицеприятным фактам непатриотического поведения некоторых беспоповцев. В документе названы фамилии представителей этой общины, которые в годы войны не желая быть призванными в ряды Красной армии бежали в тайгу. Один из нежелающих быть призванным отрубил себе руку. На июль 1951 г. в бегах находились три члена общины беспоповцев. Часть отчета Г. Михайлов посвятил скиту беспоповцев, расположенном на территории подчиняющейся Бельбейскому сельскому совету.

Относительно евангельских христиан-баптистов Г. Михайлов доложил, что они в 1951 г. вновь попросили облисполком зарегистрировать их общину. Но получили отказ по прежним обстоятельствам. Несмотря на то, что они действовали нелегально, члены общины проводили собрания по месту жительства некоторых членов общины. В апреле и мае 1951 г. они обратились к уполномоченному с просьбой о регистрации с заявлением от имени 21 человека.

В заключительной части отчета уполномоченный Г. Михайлов сделал вывод о необходимости дальнейшего изучения религиозной обстановки в Туве и намеченных, в связи с этим, командировках в различные районы области.

Отчёт Г. Михайлова был проанализирован в центральном аппарате СДРК. Председатель СДРК И. В. Полянский 10 сентября 1951 г. дал указания уполномоченному СДРК по ТАО. Г. Михайлову было предложено рассмотреть вопрос регистрации буддистской общины, сообщив руководству Совета позицию властей области по этому вопросу. О ламах, занимавшихся знахарством, было рекомендовано сообщать органам прокуратуры. По старообрядцам центральный аппарат СДРК занял жесткую позицию — изучать их активность и принимать меры к прекращению их организованной деятельности. При этом основанием для такой работы было заявлено отсутствие у старообрядческих общин регистрации в установленном процессе. Для такого решения вопроса с общинами старообрядцев Г. Михайлову было поручено разработать подробный план и согласовать его в Облисполкоме и Обкоме партии. При этом особое внимание уполномоченного обращалось на скит беспоповцев. Руководство СДРК проявило настойчивость в выяснении судьбы буддистской общины. Центральный аппарат СДРК 3 декабря 1951 г. повторно поручил Г. Михайлову выяснить отношение руководства Тувы к этому вопросу (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 587, л. 43, 44).

Уполномоченный (повторно) Б. У. Тагба

Очередной отчет о деятельности религиозных культов на территории Тувинской автономной области за 10 месяцев 1952 г. подписал 27 ноября опять назначенный на должность уполномоченного Б. У. Тагба (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 1–6). В этом документе с первых строк отмечено, что в Туве нет зарегистрированных религиозных общин, то есть действующих законно. Значительная часть отчёта повторяет предыдущие документы. Но, вместе с тем, в нём появились и новые данные: «из числа старообрядцев вступили в колхозы более 250 хозяйств, на работу общественных организаций ушло около 60 хозяйств, более 270 детей старообрядцев находится в рядах Советской Армии, в школах» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 5). Вместе с тем уполномоченный Б. У. Тагба, в отличие от Г. Михайлова, не смог разобраться в особенностях общины белокриницкого согласия, полагая, что есть «старообрядцы» и «беспоповцы».

На 1953 г. Б. У. Тагба наметил три задачи, которые фактически дословно повторяют задачи предыдущих лет: решить вопрос регистрации общин буддистов, старообрядцев и евангельских христиан-баптистов или распустить их; если они будут зарегистрированы, то усилить контроль над ними; усилить пропагандистскую, партийно-воспитательную работу среди верующих с целью понимания ими сути религии.

Анализ очередного информационного отчета о деятельности религиозных культов на территории Тувинской автономной области за первый квартал 1953 г.», подписанного Б. У. Тагбой, показывает, что ситуация претерпела некоторые изменения, но в целом не изменилась (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 7–8). Уполномоченный доложил, что за отчетный период количество незарегистрированных религиозных общин не изменилось, но снизилось количество верующих. Например, на 1 декабря 1952 г. буддистская община насчитывала 27 лам и 89 простых верующих, а 1 апреля 1953 г. эта группа насчитывала 20 лам и 50 верующих.

Особый акцент Б. У. Тагба сделал на участие старообрядцев в жизни государства: их дети стали служить в армии и ходить в школы. Уполномоченный обратил внимание на то, что 15 марта 1953 г. заместитель дид Хамбо ламы лама Чамдылай обратился в облисполком с просьбой зарегистрировать Чаданскую моленную юрту. Но власти отказали ему ввиду непригодности этой юрты в санитарном и противопожарном отношении. На просьбу дид Хамбо ламы лама Чамдылая разрешить закупку лесоматериалов было отказано под предлогом отсутствия свободных фондов. В заключительной части отчета Б. У. Тагба в очередной раз попросил центральный аппарат СДРК решить вопрос регистрации или запрета деятельности организации буддистов, старообрядцев и евангельских христиан-баптистов.

С нашей точки зрения, такая инертная позиция уполномоченного свидетельствовала о неудачном строительстве отношений Советского государства с религиозными организациями в Туве и утверждении на пост уполномоченного, такого человека, который в силу своих морально-деловых качеств и общего кругозора не мог решать весьма деликатные задачи в регионе, который вошел в состав СССР менее девяти лет назад.

Этот малоинформативный документ вызвал реакцию председателя СДРК И. В. Полянского. Он подписал 6 июня 1953 г. письмо для уполномоченного Б. У. Тагба, в котором было несколько поручений. Самым главным из них было (уже не в первый раз): узнать точку зрения руководства Тувы о целесообразности регистрации общины буддистов, после чего уполномоченный должен был доложить своё отношение. Особое внимание уполномоченного обращалась на неприменение к буддистам административных мер из-за того, что эти меры могли вызвать недовольство с их стороны по отношению к Советской власти. (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 9–10).

Уполномоченному предлагалось сравнить уровни религиозности в населенном пункте, где размещалась моленная юрта буддистов и в одном из отдаленных населенных пунктах Тувы. Полученные данные Б. У. Тагба должен был доложить руководству ТАО и СДРК. Особое внимание обращалось том, чтобы просить Обком КПСС и Облисполком ТАО об усилении политической работы. Обо всех этих шагах уполномоченный должен был информировать центральный аппарат СДРК о проведенных мероприятиях.

В отношении всех религиозных общин И. В. Полянский потребовал дать подробный обзор их деятельности и численный состав. В ответном письме, от 22 июня 1953 г., Б. У. Тагба сообщил И. В. Полянскому, что община евангельских христиан-баптистов состоящая из 50 местных жителей «настоячиво просит разрешения на открытие в г. Кызыле молитвенного дома, но облисполком их просьбу не удовлетворяет, так как такового дома у них нет» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 11). Ответ на остальные вопросы он пообещал дать в III квартале.

Анализ «Информационного отчета о деятельности религиозных обществ на территории Тувинской автономной области за 6 месяцев 1953 г.», показывает стабильность ситуации — в области так и не зарегистрировали ни одной религиозной группы. При этом Б. У. Тагба оставался в уверенности, что беспоповцы не являются старообрядцами (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 12–16).

В этом отчете Б. У. Тагба в значительной мере повторил старые сведения. Вместе с тем он отметил, что из числа старообрядцев более 450 хозяйств вступили в колхозы, 590 детей из таких семей пошли в школу и ряды Советской Армии. Резкое увеличение количество старообрядцев уполномоченный

объяснил приездом в Туву таких верующих из других регионов СССР, прежде всего из Алтайского и Красноярских краёв и Новосибирской области. Снижение количества верующих в общине буддистов он в очередной раз обосновал успехами социалистического строительства, помощью государства привлекательностью колхозов — в них вступили 91,3% единоличных хозяйств. Но Тагба в очередной раз попросил центральный аппарат СДРК «решить вопрос о регистрации незаконно существующих религиозных обществ, как-то; буддизм, евангельских христиан-баптистов в общество на территории Тувинской автономной области или же разрешить их роспуск» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 15). По докладу уполномоченного, несмотря на снижение количества евангельских христиан-баптистов, они «неустанно требуют открытия молитвенных домов» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 15).

В заключительной части доклада Б. У. Со своей стороны он пообещал добиться перед партийными, советскими и комсомольскими органами усиления воспитательной работы перед этой частью населения. Особо он акцентировал внимание руководства СДРК на вызове его в Москву для проведения консультаций относительно руководства православного общества в Туву. Ещё одним фактом, показывающим низкую квалификацию уполномоченного Б. У. Тагба, стал акт Секретной части центрального аппарата СДРК о нарушении правил оформления этого Информационного отчета. Надо отметить, что похожее нарушение было зафиксировано Секретной частью и с отчетом уполномоченного СДРК по ТАО С. Шома 6 января 1955 г. (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 17; Д. 589, л. 6).

Надо отметить, что этот отчет вызвал негодование председателя СДРК И. В. Полянского. Он раскритиковал документ в тактичной форме, отметив: «Ваш информационный отчет за 1953 г. в слишком сжатой форме освещает проявление религиозной активности верующих, проживающих в Тувинской автономной области» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 18). Но при этом И. В. Полянский дал указания, что и как именно должен делать уполномоченный для решения возложенных для него задач (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 18–19).

Уполномоченный С. Шома

Очередным документом, показывающим быструю смену уполномоченных СДРК в ТАО, является письмо уполномоченного С. Шома от 2 июня 1954 г. Анализ этого документа показывает, что буддисты области сделали ещё одну попытку построить деревянный дом, размером 10×10 метров, для проведения молитв. Часть материалов была складирована в городе Чадан. Но новый уполномоченный отказал по следующим основаниям: ходатайство было подписано только ламами; не было проекта сооружения; руководитель этой общины — дид Хамбо лама умер. Руководивший на тот момент общиной лама Чамдылей не был назначен на эту должность Центральным управлением буддистов (Улан-Удэ) (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 20–21).

Указания председателя СДРК И. В. Полянского о деталях работы уполномоченного нашли своё отражение в плане деятельности С. Шома на второе полугодие 1954 г. Анализ этого документа показывает два важных момента. Во-первых, план утвердил председатель исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся ТАО А. Чимба. Во-вторых, основной упор в плане был сделан на изучение общины буддистов и работу с ними (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 22–23).

Важным показателем качества работы предшествующих уполномоченных является «Докладная записка о деятельности религиозных культов г. Кызыла и Дзун-Хемчикского района Тувинской автономной области», подписанная уполномоченным СДРК С. Шома 8 июля 1954 г. в адрес председателя СДРК, Тувинского обкома и горкома КПСС (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 25–27). Анализируя деятельность священника И. М. Белоус из Троицкой церкви в Кызыле уполномоченный С. Шома дал статистику по крещениям, отпеваниям и венчаниям за первое полугодие 1954 г. — 513 обрядов. На основе этих данных С. Шома сделал вывод о высокой активности И. М. Белоуса. Но наиболее ярким выглядит его замечание: «Хотел показать сравнение с прошлыми годами, но данных нет» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 25). В соответствии с представленными С. Шома данными, высокую активность проявляли евангельские христиане-баптисты и буддисты.

Уже 9 августа 1954 г. И. В. Полянский дал С. Шома краткие, но четкие указания: назначение нового руководителя в общину буддистов не должно состояться, так как их община не зарегистрирована, а «буддистский центр в Улан-Удэ руководит деятельностью только зарегистрированных буддийских обществ и их служителей культа» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 28). Председатель СДРК также дал

указание представить более подробные данные о старообрядцах и евангельских христианах-баптистах (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 588, л. 28).

Анализ «Информационного отчета о деятельности религиозных обществ на территории Тувинской автономной области за 1954 отчетный год» показывает активизацию религиозных общин с целью их регистрации и помогает выявить ряд важных подробностей их жизни. Например, если на священника И. М. Белоус жалобы от верующих не поступали, то на священнослужителя церкви в городе Туран А. С. Чуликова их был целый поток. Верующие нередко выгоняли его из церкви во время проведения службы, так как он проводил её в пьяном виде. Поэтому они просили его заменить. Более того, по сведениям уполномоченного, А. С. Чуликов нарушал законодательство о культах, самостоятельно выезжал по районам области и не подчинялся местным органам власти. Недоверие внутри некоторых христианских общин к священнослужителям было столь велико, что они просили государственные органы провести проверку по вопросу расходования в церкви денежных средств. Относительно общины буддистов в отчете повторена информация из предыдущих документов. При этом отмечено, что среди лам замечено соперничество в отношении получения звания Хамбо-ламы, который в документе дан как «камбо» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 589, л. 2–5, 7–8).

И. В. Полянский 26 января 1955 г. отправил новые указания уполномоченному С. Шамо, в которых с явным раздражением указывает на необходимость изучения незарегистрированных групп старообрядцев, в том числе в Каа-Хемском районе с последующим информированием СДРК, Обкома КПСС и Облсполкома. Также председатель СДРК был недоволен тем, что уполномоченный сосредотачивается в докладах на жизни лам, а от него требовалось изучить тувинские селения, то как простые семьи верующих выполняют буддистские обряды. В заключительной части письма был установлен график изучения групп верующих с представлением документов в СДРК, Обком КПСС и Облсполком: Кызыл, Туран, Чадан и Каа-Хемский район — июнь 1955 г.; план работы уполномоченного на второе полугодие 1955 г. — июнь. Надо отметить, что к плану работы уполномоченного на первое полугодие 1955 г. председатель СДРК претензий не имел (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 589, л. 9–11).

И. о. уполномоченного Г. Иванов

Анализ «Информационного отчета о положении и деятельности религиозных объединений в Тувинской автономной области за 1960 год», который 12 апреля 1961 г. подписал исполняющий обязанности уполномоченного СДРК по ТАО Г. Ивановым, во многом показывает динамику религиозной ситуации в регионе и итоги деятельности Совета, как минимум за 13 лет (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 1595, л. 105–113).

Уже первое предложение этого отчета показывает, что ситуация в области не изменилась: «В Тувинской автономной области нет зарегистрированных религиозных общин или объединений, подведомственных Совету по делам религиозных культов» (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 1595, л. 105). В отчете отмечено, что в области действуют в качестве незарегистрированных общины: буддистов, евангельских христиан-баптистов, старообрядцев (беспоповцев и белокрыницкого согласия).

В качестве достижений работы относительно буддистов в отчете отмечено, что действовавший в Даун-Хемчинском районе туган был закрыт в результате мер партийно-советских органов. Часть имущества из тугана, было продано финансовыми органами на сумму более 40 тысяч рублей (в старом масштабе цен). Деньги поступили в доход государства. Культовое имущество, представляющее историческую ценность, было передано областному краеведческому музею.

Особое внимание Г. Иванов обратил на отсутствие протестов лам и простых буддистов в связи с ликвидацией тугана. Вместе с тем некоторые ламы усилили свою деятельность за счет ведения религиозной работы в одиночку, прежде всего в западных районах ТАО, то есть в местах проживания основного тувинского населения. Одной из главных причин такого положения дел, по мнению исполняющий обязанности уполномоченного СДРК по ТАО, стала недостаточная работа со стороны местных советских органов и прокуратуры. Поэтому Г. Иванов предложил при усилении политико-воспитательной и культурно-массовой работы особый упор делать на лам и шаманов, а также провести мероприятия по прекращению паломничества тувинцев к «святым местам» — поездки к целебным местам в летний период.

Характеризуя общину евангельских христиан-баптистов, Г. Иванов отметил, что она состоит из несколько групп. Самая многочисленная в Кызыле — около 100 человек, группы по 10 человек

действовали в Туране, Чадане, Шагонаре и в поселках Бай-Хааке и Знаменке. Молитвенный дом баптистов в Кызыле в 1959 г. был изъят и передан горкомунхозу под жильё¹. Совету общины разъяснили, что она распущена и молитвенные собрания запрещены. Это вызвало поток жалоб баптистов в органы власти. Несмотря на принятые меры примерно 2/3 баптистов не прекратили свою деятельность. В связи с этим Г. Иванов предложил не только усилить индивидуальную работу с баптистами, но и компрометацию их руководства для окончательного раскола и распада общины.

О старообрядцах-беспопвцах в отчете дана информация, что их община наиболее многочисленная в Туве — до 400 семей, проживающих в основном в Каа-Хемском районе и частично в Тандинском, Тоджинском и Тес-Хемском районах, то есть на востоке региона. Активизация беспопвцев во многом была следствием значительного притока в Туву их единоверцев из Пермской, Кемеровской, Томской областей, Красноярского и Алтайского краёв. При этом в верховьях Малого Енисея находились скиты, где в отшельничестве проживали монахини и монахи. Большое влияние на многих членов общины имели ранее судимые лица. Часть из них предприняла попытки по объединению х групп и выработке единого поведения: отказ от государственных пенсий, снижении количества покупок в магазинах, активизации общины. Среди членов общины усилились настроения, направленные на отрыв детей от школ и прекращение обращений за медицинской помощью.

Местные власти, в ответ на такое поведение, приняли ряд мер от усиления индивидуальной работы до ужесточения паспортного режима.

В «Отчет о проведении учета религиозных объединений и религиозной деятельности общин и групп религиозных культов в Тувинской ССР» от 5 июля 1962 г., подписанном исполняющим обязанности уполномоченного СДРК Г. Ивановым, показана деятельность органов власти по вытеснению религии из жизни советского общества (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 1596, л. 58–64).

Община буддистов города Чадан и его окрестностей была разогнана властями в 1960 г. По мнению уполномоченного, ее отдельные члены пытались вести работу среди населения, но успеха не имели. В итоге в Туве не осталось ни одной общины буддистов, которую можно было бы взять на учет.

Баптисты сократили свою деятельность, но проводили собрания по домам один-два раза в неделю. Основная их часть проживала в Кызыле — более 70 человек, а также четыре группы в районах республики — около 120 человек. Большинство из них старше 45 лет, 50% — женщины. Большинство трудоспособных баптистов работали в государственных организациях. По мнению Г. Иванова, работа органов власти с ними была усилена, поэтому у баптистов не было высказываний против Советской власти.

Наиболее многочисленной религиозной общиной стали беспопвцы. Всего в Туве было учтено 22 таких группы в 275 человек. Большинство проживало в Каа-Хемском районе, а также в Тандинском, Тес-Хемском и Тоджинском районах. Около 60 вели монашеский образ жизни. Среди беспопвцев были сильны настроения по отрицанию Советской власти и ее достижений: школьного образования и медицинского обслуживания. Некоторые из них не становились на гражданский учет и скрывали свои фамилии. При выборах в Верховный Совет Тувинской АССР и в Верховный Совет ССР почти 100% беспопвцев отказались от участия в них.

В заключительной части отчета Г. Иванов отметил, что власти многое сделали для вовлечения беспопвцев в трудовую жизнь региона. Например, в районе наибольшего расселения старообрядцев организовали охотпромхоз республиканской потребкооперации.

Заключение

Изучение недавно рассекреченных архивных материалов позволило увидеть и проанализировать малоизвестные страницы истории религиозной политики Советского государства в отношении

¹ Горкомунхоз – городской отдел коммунального хозяйства. В Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятой в 1937 г., с изменениями и дополнениями, принятыми на II, III и IV сессиях Верховного Совета РСФСР второго созыва, в ст. 99 указывалось, что городские Советы депутатов трудящихся образуют отделы исполнительных комитетов, в их числе был отдел коммунального хозяйства. Более подробно см.: Конституция (Основной закон) СССР. Конституции (Основные законы) Союзных Советских Социалистических Республик. М., 1951. 487 с.

религиозных организаций Тувы. Были обнаружены и проанализированы документы, которые получили статус общедоступных совсем недавно. Была показана общая религиозная ситуация в регионе, выявлены фамилии уполномоченных. Удалось увидеть и понять, как они работали, уяснено насколько они соответствовали специфике такой ответственной работе по своим деловым качествам, как строили отношения с руководством Совета и с местными верующими.

Исследователь Е. С. Сафронова считает, что «Буддизм в Туве (которая находилась в союзнических отношениях с РСФСР и СССР) прошел приблизительно те же исторические этапы «интеграции» и приспособления к советской власти, что и в других буддийских республиках; в результате это привело к его уничтожению. В начале XX в. в Туве насчитывалось около 30 хурээ (храмов), в конце 1940-х гг. — ни одного. О возрождении буддизма в Туве после присоединения к СССР говорить не приходится, хотя формально два ламы-тувинца были представлены в ЦДУБ и служили в Иволгинском дацане. Буддизм в Туве сохранялся на уровне бытовой обрядности»¹. Безусловно, всей инфраструктуре буддизма был нанесен значительный вред. Но, по нашему мнению, буддизм в Туве, как и в других регионах СССР не был уничтожен. Он перешёл на уровень бытовой обрядности, поэтому смог в значительной степени сохраниться, а затем начать активное возрождение в конце 1980-х годов.

Проведенный анализ архивных материалов дал возможность сделать вывод: архивные фонды центральных и региональных архивов хранят множество документов о государственно-конфессиональных отношениях, которые не были и обнаружены и изучены специалистами. Введение в научный оборот тувиноведения неизвестных ранее сведений обогатит науку и поможет понять многие аспекты отношений государства и верующих Тувы и подтолкнет к поиску новых документов в центральных и региональных архивах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахмадуллина, Ж. В. (2021a) Проблема развития государственно-конфессиональных отношений в годы Великой Отечественной войны через призму создания Совета по делам религиозных культов при Совете народных комиссаров СССР/Совете министров СССР // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в памяти народа, медиапространстве и оценках современных исследователей: сборник научных статей / под ред. О. А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ. 292 с. С. 3–8.

Ахмадуллина, Ж. В. (2021b) Проблемы становления института уполномоченных Совета по делам религиозных культов при СНК СССР в 1944–1945 гг. // Ислам в современном мире. Т. 17. № 4. С. 99–112. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2021-17-99-112>

Ахмадуллина, Ж. В. (2022) Становление деятельности центрального аппарата Совета по делам религиозных культов: первые трудности и пути их преодоления // Minbar. Islamic Studies. Т. 15. № 2. С. 325–342. DOI: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342>

История Тувы (2016) / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 3. 451 с.

Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.

Синицын, Ф. Л. (2013) «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб. : Изд. А. Терентьева и Фонда «Сохраним Тибет». 527 с.

Татаринцева, М. П. (2006) Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука. 216 с.

Терентьев, А. А. (2014) Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии). СПб. : Изд. А. Терентьева. 484 с.

Хомушку, О. М. (1998) Религия в истории культуры тувинцев. М. : ИЭА РАН. 177 с.

Дата поступления: 06.11.2022 г.

Дата принятия: 13.03.2023 г.

¹ Сафронова Е. С. Буддизм в странах Запада и в России (Историко-культурологический анализ): дис. ...д-ра ист. наук. М., 1999. С. 355.

REFERENCES

Akhmadullina, Zh. V. (2021a) Problema razvitiia gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny cherez prizmu sozdaniia Soveta po delam religioznykh kul'tov pri Sovete narodnykh komissarov SSSR / Sovet ministrov SSSR [The problem of the development of state-confessional relations during the Great Patriotic War through the prism of the creation of the Council for Religious Cults under the Council of People's Commissars of the USSR / Council of Ministers of the USSR]. In: *Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 gg.: v pamiati naroda, mediaprostranstve i otsenkakh sovremennykh issledovatelei* [The Great Patriotic War of 1941–1945: In the memory of the people, media space and assessments of contemporary researchers] : A collection of articles / ed. by O. A. Sukhova. Penza, Penza State University Publ. 292 p. Pp. 3–8. (In Russ.).

Akhmadullina, Zh. V. (2021b) Problemy stanovleniia instituta upolnomochennykh Soveta po delam religioznykh kul'tov pri SNK SSSR v 1944–1945 gg. [Problems of the establishment of the institute of commissioners of the Council for Religious Cults Affairs under the Council of People's Commissars of the USSR in 1944–1945]. *Islam in the Modern World*, vol. 17, no. 4, pp. 99–112. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2021-17-99-112>

Akhmadullina, Zh. V. (2022) Stanovlenie deiatel'nosti tsentral'nogo apparata Soveta po delam religioznykh kul'tov: pervye trudnosti i puti ikh preodoleniia [The formation of the activities of the central office of the Council for Religious Affairs: The first difficulties and the ways to overcome them]. *Minbar. Islamic Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 325–342. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2022-15-2-325-342>

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2016)/ ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 451 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriia buddizma v Tuve (vtoraia polovina VI — konets XX v.)* [The history of Buddhism in Tuva (the second half of the 6th — the late 20th century)]. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Sinitsyn, F. L. (2013) «Krasnaia buria». *Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.* [“Red storm”: The Soviet state and Buddhism in 1917–1946]. St. Petersburg, Published by A. Terentiev and Foundation “Sokhranim Tibet”. 527 p. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2006) *Staroobriadtsy v Tuve: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Old Believers in Tuva: A historical and ethnographic essay]. Novosibirsk, Nauka. 216 p. (In Russ.).

Terentiev, A. A. (2014) *Buddizm v Rossii — tsarskoi i sovetskoi (starye fotografii)* [Buddhism in Russia: The Tsarist and Soviet periods (Old photographs)]. St. Petersburg, Published by A. Terentiev. 484 p. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (1998) *Religiia v istorii kul'tury tuvintsev* [Religion in the history of Tuvan people's culture]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS. 177 p. (In Russ.).

Submission date: 06.11.2022.

Acceptance date: 13.03.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.2.10

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Статья

Травелогои в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха)

Любовь Б. Четырова, Алексей С. Сахаров

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская Федерация

Статья посвящена сравнительному анализу травелогов в постколониальной оптике. Полученные результаты рассматриваются с точки зрения теории гендерного ориентализма. Материалом для исследования выступили тексты С. Р. Минцлова и его жены К. Д. Минцловой «Секретное поручение: путешествие в Урянхай» и «Далекый край: Путешествие по Урянхайской земле», посвященные совместно путешеству супругов в 1914 г. в Урянхайский край (современную Туву), а также работа Е. К. Верещагиной «Очерки путешествия в Гималаи» и книга Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии», написанная во время трансгималайской экспедиции 1925–1928 гг.

Травелогои, будучи рассмотрены в постколониальной оптике, позволяют выявить новые идентичности и новые языки, отличные от колониального языка описания колонизированных культур и народов. Дается характеристика гендерного ориентализма, согласно которому подчиненное положение женщины в маскулинной культуре Запада определяет особенности ориенталистского дискурса, где она занимает промежуточное положение между колонизатором и колонизированным.

На этой основе выделяется антиколониальный аспект женских травелогов и дается сравнение с подобными мужскими текстами. Амбивалентность положения женщин-писательниц выражается в особенностях их феминного письма, гетеротипически замкнутого в маскулинном дискурсе колониализма, но тем не менее способного выразить антиколониальную направленность.

Ключевые слова: травелог; гендерный ориентализм; писательница; маскулинный; колониальность; этнографический; цивилизация; дикость; колониальный дискурс; постколониальные исследования

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

Для цитирования:

Четырова Л. Б., Сахаров А. С. Травелогои в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) // Новые исследования Тувы. 2023, № 2. С. 141-152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Сахаров Алексей Сергеевич — лаборант-исследователь НИЧ-90 Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, д. 34. Эл. адрес: saharovatlt@gmail.com

CHETYROVA, Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University. Postal address: 34, Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. E-mail: chetyrova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

SAKHAROV, Alexey Sergeevich, Research Assistant, Research Department 90, Samara University. Postal address: 34, Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. E-mail: saharovatlt@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1843-2445

ORIENTAL STUDIES

Article

Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich)

Lyubov B. Chetyrova, Alexey S. Sakharov
Samara University, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of travelogues in the postcolonial perspective. The results obtained are considered from the point of view of the theory of gender Orientalism. The materials for the case study comprised the texts written by Sergei R. Mintslov and his wife Kseniya D. Mintslova ("Secret Assignment: A Journey to Uriankhai" and "A Faraway Krai: A Journey through the Uriankhai Land") dedicated to the joint journey of the married couple to the Uriankhai Krai (today known as Tuva) in 1914, as well as the work of Elizaveta K. Vereshchagina ("Essays about a Journey to the Himalayas") and a book by Yuri N. (George Nicolas de) Roerich ("Along the Paths of Central Asia") written during the trans-Himalayan expedition of 1925–1928.

Being considered in the postcolonial aspect, travelogues make it possible to identify new identities and new languages that differ from the colonial language of describing colonized cultures and peoples. The authors define gender Orientalism, according to which the subordinate position of a woman in the masculine Western culture determines the features of Orientalist discourse, where she occupies an intermediate position between the colonizer and the colonized.

Thereupon, the anticolonial aspect of female travelogues is highlighted and a comparison with similar male texts is presented. The ambivalence of the position of female writers is expressed in the features of their feminine writing that is heterotypically enclosed in the masculine discourse of colonialism, but nevertheless able to express an anti-colonial perspective.

Keywords: travelogue; gender Orientalism; female writer; masculine; coloniality; ethnographic; civilization; savagery; colonial discourse; postcolonial studies

Financing

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-01767
<https://rscf.ru/en/project/22-28-01767/>.

For citation:

Chetyrova L. B. and Sakharov A. S. Travelogi v perspektive gendernogo orientalizma (po materialam tekstov K. D. Mintslovoi, E. K. Vereshchaginoi, S. R. Mintslova i Yu. N. Roericha) [Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Введение

Травелогии, или литература путешествий, привлекают все больше внимания исследователей в самых различных областях: философии, истории, филологии и социологии. Особое место травелогии занимают в постколониальных исследованиях. Литература путешествий, а именно — в контексте данной статьи — записки европейцев о своих путешествиях по Азии, Африке и Америке¹, позволяют проследить историю становления европейской колониальности. Так, постколониальная оптика в изучении литературы путешествий позволила описать динамику изменения колониальных нар-

¹ Данное уточнение имеет смысл, поскольку, пусть и в значительно меньшем количестве, но существуют и травелогии уроженцев колоний, путешествующих по Европе. Например, книга Т. Н. Мукарджи — представителя колониальной индийской администрации — «Путешествие в Европу» посвящена официальному визиту чиновника в Лондон, совершенному в 1886 г. В своем травелогии автор описывает свои впечатления от британской столицы, прежде всего, с точки зрения комфорта и богатства жизни, а также промышленных достижений (Mukharji, 1889).

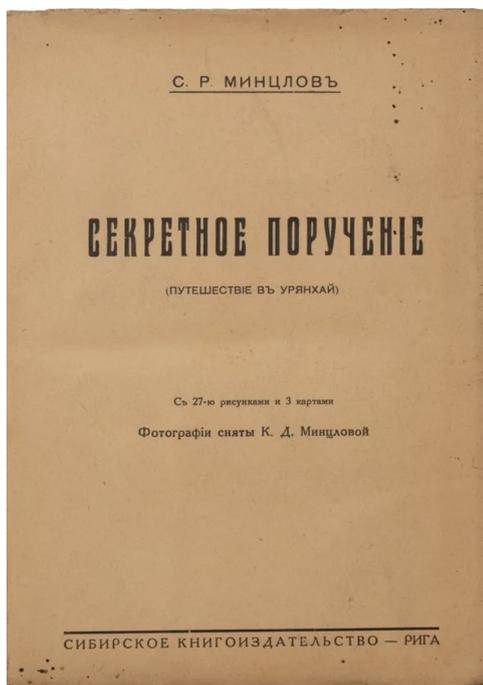

Фото 1. Обложка книги С. Р. Минцлова «Секретное поручение: путешествие в Урянхай».
Photo 1. The cover of S. R. Mintslov's book "Secret Assignment: A Journey to Uriankhai"

Фото 2. Обложка книги К. Д. Минцловой «Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле».
Photo 2. The cover of K. D. Mintslova's book "A Faraway Krai: A Journey through the Uriankhai Land"

ративов от раннего Просвещения — с его установкой на тотальное покорение аборигенов — к зрелому, созерцательному и изучающему нарративу. Такая динамика удачно резонирует с общей тенденцией в западноевропейской литературе XVIII в. — сентиментальным и романтическим взглядом на этнического Другого (Пономарев, 2020).

В истории российского колониализма травелоги, или литература путешествий, несмотря на общую известность, остаются малоизученными. Мы попытаемся восполнить данный пробел, обратившись к рассмотрению травелогов, описывающих путешествия, целью которых был сбор информации для российского государства, реализующего свои внешнеполитические интересы, например, в Урянхайский край как территорию возможного колониального освоения.

Материалом для исследования выступили тексты С. Р. Минцлова¹ «Секретное поручение: путешествие в Урянхай»² (фото 1) и его жены К. Д. Минцловой «Далекий край: Путешествие по Урянхайской земле»³ (фото 2). Оба сочинения были написаны в 1914 г. и описывают их совместное путешествие в Урянхайский край (современную Туву)⁴.

¹ Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933) — офицер, затем чиновник. Известен как плодовитый писатель, историк-библиограф, археолог, участник этнографических экспедиций. Вначале получил военное образование, затем окончил Нижегородский археологический институт (1895). В 1914–1915 гг. как чиновник особых поручений при Главном управлении землеустройства и земледелия Министерства земледелия Российской империи был послан в Урянхайский край для изучения природных ресурсов. Занимался там также археологическими и этнографическими изысканиями. В основу книги «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай» легли его путевые дневники. Минцлова Ксения Дмитриевна (1879–1950) — фотограф, писательница, вторая жена С. Р. Минцлова, в девичестве К. Бодиско. В книгу «Далекий край: Путешествие по Урянхайской земле» вошли дневники Минцловой, написанные во время поездки супругов в Урянхайский край в 1914 г.

² Минцлов С. Р. Секретное поручение: путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1914. 276 с.

³ Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград: Рассвет, 1915. 200 с.

⁴ Выбор травелога, описывающего Урянхайский край, объясняется тем, что одного из авторов данной статьи заинтересовал текст С. Р. Минцлова, посланного с секретным поручением сюда для сбора информации. Текст был использован для уточнения визуальной репрезентации тувинцев в начале XX в. (Сергеева, Четырова, 2022).

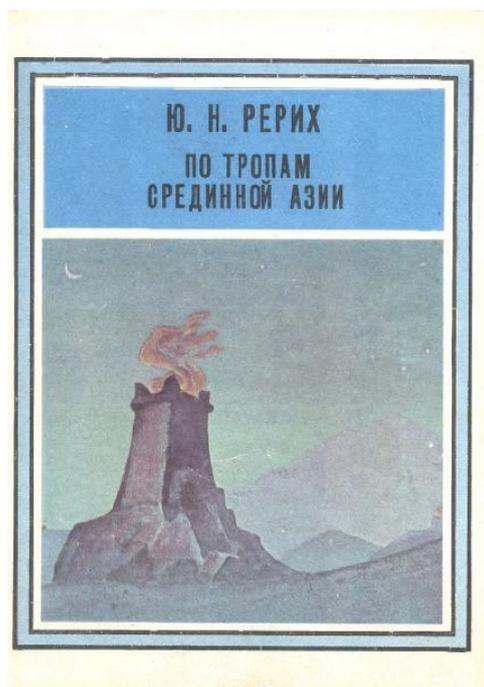

Фото 3. Обложка книги Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии» (первого издания 1982 г.).
Photo 3. The cover of Yu. N. Roerich's book "Along the Paths of Central Asia" (the first edition of 1982)

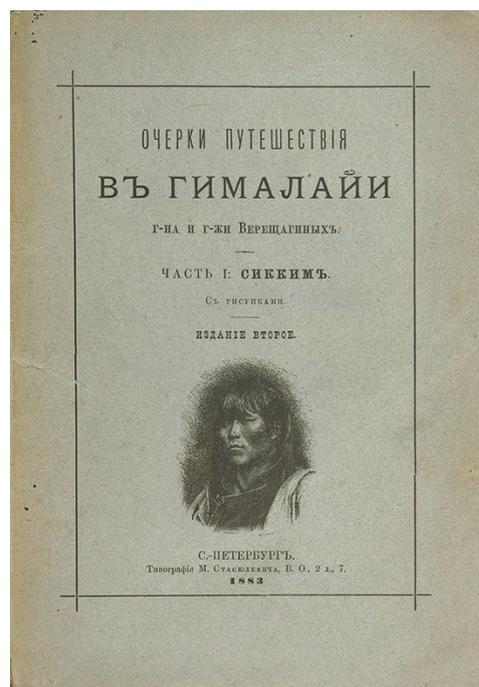

Фото 4. Обложка книги Е. К. Верещагиной «Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных».
Photo 4. The cover of E. K. Vereshchagina's book "Essays about a Journey to the Himalayas by Mr. and Mrs. Vereshchagin"

Большой исследовательской удачей для нас стало наличие двух текстов, написанных об одном и том же путешествии не просто разными авторами, но супругами. Тексты Минцлова и Минцловой описывают события одной и той же поездки, что позволит нам быть более точными в установлении различий между сочинениями. Наличие двух разных книг позволяет нам сравнить оптику восприятия тувинцев Минцловым, посланным с секретным поручением, с оптикой сопровождавшей его жены-фотографа¹. Этим, собственно, определяется выбор Урянхайского края и его насельников в качестве объекта рассмотрения. Соответственно, при поиске других текстов мы должны были следовать критериям, обеспечивающим их однотипность: во-первых, политически ангажированная цель путешествия; во-вторых, географическая схожесть; в-третьих, наличие «женского текста».

Также нами было выбрано сочинение Ю. Н. Рериха² «По тропам Срединной Азии», написанное во время трансгималайской экспедиции семейства Рерихов в 1925–1928 гг.³ (фото 3), во время которой они преследовали как духовную цель (поиски Шамбалы), так и политическую (соединить буддизм с коммунистическим движением)⁴.

¹ В начале XX в. появилась фотокамера Kodak No. 3A, которая благодаря своей относительной дешевизне получила массовое распространение. Как полагает Л. Пэйн, благодаря фотографии возник абсолютно новый способ пропаганды. Фотограф, как в случае с К. Д. Минцловой, стал создателем нарративов и историй (Pune, 2021: 87).

² Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) — востоковед, лингвист, этнограф, сын Н. К. Рериха и Е. И. Рерих. Книга «По тропам Срединной Азии» была написана во время их Центрально-Азиатской экспедиции в 1923–1928 гг. В рамках экспедиции Ю. Н. Рерих посетил Ладак, Синьцзян, Монголию, Тибет и Китай. Обширный материал, собранный им в экспедиции, лег в основу нескольких трудов ученого.

³ Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994. 480 с.

⁴ Данный проект детально проанализирован в книге А. Знаменского «Red Shambhala: Magic, prophesy, and geopolitics in the heart of Asia» («Красная Шамбала: магия, пророчество и геополитика в сердце Азии»). Здесь же он описывает цели экспедиции Н. Рериха (Znamenski, 2011).

К сожалению, дневники Е. И. Рерих оказались для нас менее информативными с точки зрения достижения цели статьи, поэтому мы обратились также к произведению Е. К. Верещагиной¹ «Очерки путешествия в Гималаи» (1874–1876 гг.)² (фото 4), написанному по следам ее путешествия в Гималаи и Индию вместе с мужем — русским художником В. В. Верещагиным.

Цель статьи — провести сравнительный анализ текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха на предмет проявления колониальности и полученные результаты рассмотреть с точки зрения теории гендерного ориентализма.

Методологической основой для статьи выступают постколониальные исследования, появившиеся в середине XX в. как результат осмысления политических процессов деколонизации и перспектив развития постколониальных стран (Саид, 2021; Spivak, 1987; Pratt, 2008).

Особую важность для нас имеет теория гендерного ориентализма, сформировавшая отдельное направление внутри постколониальных исследований. Она была разработана С. Миллз (Mills, 1991), Р. Льюис (Lewis, 2003), Д. Хаддарт (Huddart, 2008). Гендерный ориентализм направлен на изучение положения женщины в колониальном дискурсе ориентализма. Также в статье применяется теория дискурса М. Фуко (Фуко, 1996). Данная теория сыграла важную роль как в становлении постколониальных исследований, так и в развитии филологии.

Теоретико-методологическая основа

Появление непосредственно постколониальной оптики в травелогах исследователи связывают с именем английского писателя Джозефа Конрада и его повестью «Сердце тьмы» (Clarke, 2018: 53-54). Сюжет произведения — рассказ моряка о его путешествиях в Центральную Африку, обличающий жестокость колонистов и бесправное существование колонизированных народов. Писатель отказывается — по крайней мере частично — от риторики спасения, тесно сопряженной с покорением аборигенов и составляющей ядро европейской колониальности (Mignolo, Walsh, 2018: 139). Кларк характеризует Конрада как писателя, оптика которого подразумевает взгляд на этнического Другого как на равного европейцу человека, а не как на объект изучения, жертву, которую необходимо либо спасти, либо сделать предметом экономической эксплуатации. Безусловно, Конрад не был первым писателем, избравшим подобный сюжет. Привлекательным для Кларка и других постколониалистов является то, что повесть Конрада представляет собой реальный травелог, так как в основу произведения лег личный опыт писателя, работавшего в молодости моряком (Gove, 1961: 95–98). Разделение травелогов на реальные и воображаемые является принципиальным моментом в силу жанровых особенностей травелога, на которых мы отдельно остановимся далее.

Важнейший жанровый аспект травелога — рассказ об опыте путешествия, записанный от первого лица, часто — в виде дневника. Проза, написанная от первого лица, в филологии носит название лирической. Особенность лирической прозы заключается в ее замкнутости на повествователе, субъективности ее художественного мира. Мир такого текста — это внутренний мир повествователя, то есть автора. Однако американская исследовательница С. Бертон, применив концепцию теории романа М. М. Бахтина к жанру травелога, выделила в нем особого рода диалогичность — совмещение субъективного и объективного (Burton, 2014: 151–154). Лирический, то есть субъективный, компонент травелога открывает простор для постколониальной, личностной оптики в описании объективного — реалий колониального быта, этнокультурных феноменов и политических процессов. Сюжет

¹ Верещагина Елизавета Кондратьевна (1856–1941), немка, урожденная Элизабет Мария Фишер (Рут), — писательница, первая супруга художника В. В. Верещагина. Принимала участие во всех его небезопасных путешествиях по Сирии, Палестине, Индии, Тибету и Гималаям. Адмирал Скрыдлов так описывает ее в своих воспоминаниях о Верещагине: «Он мне сам лично говорил, очень обязан был этой женщине. Он никогда не был в такой опасности, как лазая по Гималаям; он там чуть не умер от голода и холода. Никогда он не думал, чтобы в таком маленьком существе было столько энергии и бодрости... интересно было видеть в ней ту, которая своей громадной любовью и поклонением крупному таланту вселила в трудные минуты столько бодрости в его душу, что спасала его от смерти на краю отчаяния» (Скрыдлов Н. И. Воспоминание адмирала Н. И. Скрыдлова о В. В. Верещагине. СПб.: Тип. Э. Манасевича [Электронный ресурс] // Волгоградская областная универсальная научная библиотека. URL: https://www.booksite.ru/vereschagin/4_2.html (дата обращения: 10.05.2023)).

² Верещагина Е. К. Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных : в 2 ч. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1883. Ч. I. Сикким. 86 с.

литературы путешествий, таким образом, — это описание не только процесса «открытия» далекой незнакомой земли, но и того, что американский исследователь Х. Баба назвал «переоткрытием себя» (Bhabha, 1994: 80–81). Неслучайно травелоги часто содержат в себе мотивы ностальгии (Rosaldo, 1989: 109–111).

Из вышеописанного следует, что литература путешествий, рассмотренная в постколониальной оптике в силу своих жанровых особенностей, способствует выявлению новых идентичностей и нового языка. Особенно ярко это выражается в реальных травелогах, основу сюжета которых составляют воспоминания или дневники реальных путешествий. Воображаемый же травелог более склонен к использованию устоявшихся литературных нарративов, поскольку основывается на вымысле.

Если обратиться к собственно постколониальным исследованиям, то в центре внимания исследователей — проблема сохранения колониальных иерархий и власти Запада в постколониальном мире. Огромный вклад в развитие постколониального дискурса внес американский литературовед Э. Саид, сформулировавший концепцию ориентализма — структуры властных отношений Запада и Востока (Саид, 2021). Согласно Саиду, Восток — в том виде, в котором он изображен в западной культуре, — является изобретением Запада, которое и легло в основу установления доминанции западного мира над восточным.

Другим крупнейшим теоретиком постколониальной мысли стала Г. Ч. Спивак, американский философ индийского происхождения (Spivak, 1987). Спивак продолжает линию, заданную Саидом, раскрывая генеалогию формирования колониального сознания в Индии, а также образа «гомогенной» Индии, сконструированного британской метрополией. Помимо этого Спивак привносит в постколониальные исследования феминистический дискурс, который в дальнейшем окажет влияние на появление теории гендерного ориентализма.

Широкий исследовательский интерес постколониальная теория обретает в конце XX столетия во многом благодаря М. Л. Прэтт, американской исследовательнице, поместившей теории ориентализма в мировой контекст (Pratt, 2008). Прэтт обращается к литературе путешествий, прослеживая историю эволюции европейской колониальности. Точкой отсчета этого процесса исследовательница считает начало эпохи географических открытий, а саму природу колониальности связывает с европейской картиной мира эпохи Нового времени — прежде всего, со свойственной ей установкой на рациональность.

Постколониальная перспектива позволяет выявить в травелогe диалогичность субъективного и объективного, что находит свое выражение в так называемых «контактных зонах». Термин «контактная зона», введенный американской исследовательницей М. Л. Прэтт, обозначает появление в тексте голосов колонизированных — элементов транскulturации, то есть взаимовлияния колониальной и колонизированной культур, что в данном случае предстает в форме влияния колонизированного народа на автора (Pratt, 2008: 49–52). Транскulturация подразумевает, прежде всего, эгалитарное сосуществование культур, исключающее колониальную иерархию. Важно заметить, что взаимовлияние не формирует монокультурность, пусть и разнородную по своей природе, а, напротив, сохраняет поликультурное состояние. Принципиальнейшим условием последнего является пограничное мышление, охарактеризованное венесуэльским антропологом Ф. Коронилом как «точка схождения противоположностей, которая позволяет людям превратить границу в центр и создать текущие, но значимые идентичности взамен фрагментированных историй» (Coronil, 1995: xvii–xix). Превращение границы в центр и «текучесть», то есть динамичность, транскulturальных идентичностей удачно согласуются с тезисом Х. Баба о травелогe как «переоткрытии себя» (Bhabha, 1994: 80–81).

Исходя из этого, можно заключить, что основу травелога составляет процесс изучения колонизированной культуры, поиск этнического Другого и подходящего для его описания нарратива, а в случае постколониального травелога — освобождение от колониального нарратива. Необходимо отметить, что все описанное применимо, прежде всего, к текстам, создававшимся с конца XIX в., что объясняется культурно-исторической атмосферой эпохи, связанной с кризисом Нового времени и его колониальными установками.

Следовательно, жанр травелога способствует формированию постколониальной оптики, однако последнее вовсе не является универсальной характеристикой всей литературы путешествий, поскольку большое значение в ней имеет личностный фактор.

Теория гендерного ориентализма, разработанная в конце XX в. такими британскими и американскими исследователями, как С. Миллз (Mills, 1991), Р. Льюис (Lewis, 2003), Д. Хаддарт (Huddart, 2008), явила собой отдельное направление в постколониальных исследованиях. В центре внимания гендерного ориентализма — место женщины в ориенталистском дискурсе. Данное направление родилось в результате критики Эдварда Саида (Саид, 2021), автора концепции ориентализма, рассматривавшего колониальные отношения Запада и Востока сугубо в маскулинном спектре, упуская тем самым гендерный аспект этих процессов (Lewis, 2003: 15–18).

Критики Саида показали, что европейская или западная женщина занимает в ориенталистском дискурсе промежуточное положение между колонизатором и колонизированным. Вывод этот был достигнут посредством анализа работ женщин-путешественниц — писательниц и художниц XIX в., показавшего, что в отношении представителей ориентализированных народов женщины склонны скорее к сочувствию, чем к позиции колонизатора-покорителя. Связано это с тем, что в европейском/западном обществе женщины сами находятся в субалтерном, то есть подчиненном, положении. Гендерная субалтерность, следовательно, не дает женщине возможность занять положение превосходства, принадлежащее европейскому/западному мужчине (Mills, 1991: 3–8).

Однако и женский взгляд также не лишен колониальных установок. Невзирая на то, что европейская/западная женщина сочувствует колонизированному субалтерну — как правило, другим женщинам, выходом из подчиненного положения для колонизированных женщин она видит европейскую/западную модель жизни:

«Хотя женщины-писательницы часто выражали сочувствие «туземным» женщинам или критиковали колониальную администрацию, было бы ошибкой воспринимать это как отвлеченный феминистский гнев. Помимо личного консерватизма многих женщин-путешественниц, протофеминистская забота о «местных» женщинах была сама часто конструируема теми же представлениями о белом превосходстве и цивилизации (индийские женщины угнетаются своими мужчинами и должны быть освобождены их более продвинутыми белыми сестрами)» (Lewis, 2003: 22; здесь и далее переводы А. С. Сахарова).

Данный аспект свидетельствует о сохранении в мировоззрении женщин-писательниц риторики спасения — одного из ключевых элементов европейской колониальности, подразумевающего спасение «отсталых туземцев» более развитыми европейцами посредством навязывания своей культуры и религии христианства.

Объяснение этой амбивалентности Р. Льюис находит в теории дискурса и власти М. Фуко. Для Фуко дискурс — это борьба за власть устанавливая те или иные смысловые единицы. Эта борьба реализуется посредством создания текстов, высказываний, речей и практик, содержащих в себе то или иное конкурентное знание. Занять определенную позицию в дискурсе — значит вступить во властные отношения (Фуко, 1996: 38–41). Поскольку дискурс по природе своей не гомогенен, напротив — для него характерна гетеротопия, то есть наличие внутренних противоречий, то «...анализ конфликтов, присущих дискурсивной формации, отмеченной терминами пола и расы, позволил бы увидеть точки сопротивления внутри воображаемого единства ориенталистского дискурса» (Lewis, 2003: 151). Как полагает Льюис, именно гегемонистская способность ориенталистского дискурса сохранять превосходство, даже когда он сталкивается с вызовами, объясняет его долговечность. Свои противоречия высказываний — как гендерных, так и расовых — могут, таким образом, выявить некоторые фикции ориенталистского дискурса и имперской власти (там же: 151).

С учетом описанных теоретических предпосылок мы попробуем выявить специфику колониального дискурса в травелогах супругов Минцловых, Е. К. Верещагиной и Ю. Н. Рериха. Работы двух последних авторов были избраны, так как они описывают их путешествия в Гималаи и встречи с культурой тибетцев и гималайских народов.

Антиколониальный аспект женских текстов

Для того, чтобы выделить непосредственно гендерный аспект травелогов, нам необходимо провести сравнение выбранных нами женских текстов с мужскими. Антиколониальный пафос сочинений Верещагиной и Минцловой обеспечивается, прежде всего, безоценочным описанием быта

местных жителей. Даже отрицательные стороны жизни, например бедность или желание обмануть путешественников, не подвергаются моральной или эмоциональной оценке:

«Довольно просторные юрты были обтянуты грязными кошмами; посреди одной горел огонь, и в котле над ним кипела какая-то мутная жидкость, весьма непривлекательного вида. Хозяйка объяснила, что это сойотский чай»¹.

Минцлов же выказывает подчеркнутое презрение и отвращение по отношению к местным. Так, например, он описывает эпизод из встречи с ламами:

«Босоногий “архиерей” взял чашку и жадно принялся отхлебывать из нее горячий напиток; сидевшие по бокам его, получив от Жужела по куску хлеба, бесцеремонно макали их в чашку у самого рта пившего, затем хватили за ее край грязными пальцами, притягивали к себе, и глотали в свою очередь; свободный от занятий моргал в это время глазами и чавкал хлеб, как свинья в корыте. Вся орда их, человек шесть-семь, напилась наконец чаю, но продолжала сидеть, видимо ожидая какой-нибудь подачки с нашей стороны. Нет-нет и кто-нибудь из них рыгал так, словно у него взрывало петарду в животе, но несмотря на всю галантность такого поведения, я не дал им даже обычной подачки — кусков сахару: очень уже определенно враждебны были чумазные рожи всего их синклита»².

Подобными интонациями сопровождается все сочинение Минцлова. Отдельно стоит рассмотреть следующий отрывок:

«Странное чувство рождалось при мысли о том, какое бесконечное пространство отделяет нас от цивилизованного мира; слегка жутко было от сознания затерянности и одиночества среди пустынь и дикарей»³.

Этот неброский на первый взгляд отрывок обнажает характерную черту колониального мышления автора — оппозицию «дикость — цивилизация», составляющую основу европейской колониальности. В травелогах Верещагиной и Минцловой подобные мотивы отсутствуют.

Приведенный отрывок примечателен еще и тем, что следует сразу после него: «И, вместе с тем, какое счастье видеть и ощущать вокруг себя пустыню, быть таким затерянным!»⁴

Столь резкая смена интонации неслучайна. Описание природы занимает в травелогe Минцлова особое место:

«Красота — куда ни оглянись — была неопишная! И что за изумительное зрелище должно там быть во время грозы и половодья!»⁵.

Восхищение и художественные усилия, с которыми Минцлов описывает природу, составляет немаловажный колониальный нарратив, берущий начало в эпохе романтизма. Восторг колонизатора перед природой — это восторг перед диким началом, чистой стихией, содержащей в себе потенциал для освоения и покорения:

«Красота раздвигалась необычайная. Мы ехали по узенькой полоске земли, шириною не более двух-трех аршин, разделявшей две, чудовищной глубины, пропасти: громадные деревья, росшие на дне их, казались вершковыми прутиками. Слева, закрывая полмира, вздымались взъерошенные головы гор; справа раздвигалась бесконечная, желтая даль степей, с синевшими кое-где озерами; обширнейшее из них — Соляное, поставляющее соль на весь Урянхай»⁶.

Местные же жители предстают досадной преградой перед этим капиталом или вовсе — нервующим изъяном, как это показано у Минцлова. На существование этого нарратива в колониальной литературе указал филолог Е. Пономарев применительно к сочинениям Гумбольдта:

«Америка предстает у Гумбольдта царством божественной Природы, в которой почти нет человека (это роднит Гумбольдта с научным травелогом линнеевской эпохи). Но если ранее детальность описаний апеллировала к ценностям, лежащим вне текста, здесь грандиозный описательный проект живет прямо в тексте: в центре повествования — ощущение грандиозности Природы как таковой. Этот взгляд, связанный уже не с сентименталистским, а с романтическим мышлением, возвращает нас ко взгляду первых ко-

¹ Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Петроград: Рассвет, 1915. С. 45.

² Минцлов С. Р. Секретное поручение: путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1914. С. 128.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 90.

лонизаторов, видевших «новый континент» первозданным невозделанным миром, не организованным ни политически, ни экономически» (Пономарев, 2020: Электр. ресурс).

В отличие от Минцлова Верещагина и Минцлова описывают природу безэмоционально. В описании природы они ограничиваются замечаниями скорее географического характера — ландшафтом, климатом и фауной:

«Тераи — лес, через который мы должны были проезжать, — очень дик и густ; в ближайших окрестностях его до сих пор еще водятся тигры и дикие слоны. Леса по направлению Непала еще более дремучие и считаются лучшими местами охоты за помянутыми зверями. Вся окрестность предгорий занята здесь чайными плантациями, всюду торчат обгорелые пни выжженного под плантации леса. Чайные кусты невысоки, круглы, аккуратны формою, похожи на розовые, только шипов к счастью нет»¹.

Большое внимание Верещагина и Минцлова уделяют деталям быта местных жителей — устройству дома и хозяйства, праздникам и одежде:

«Надобно заметить, что здешние женщины не столь любят всевозможные мишурные украшения из меди, фальшивых перлов и т. п., до которых так падки их сестры Пиренейских долин. Они носят только золотые и серебряные вещи с украшениями из бирюзы, сердолика и в особенности янтаря — этот последний в большом почете у них»².

Верещагина без всякого осуждения отмечает, что местные жители хотят получить «настоящую цену вещи», на стоимость которой влияет ее родовая древность:

«Некоторые из этих вещей нам удалось купить, разумеется, по высокой цене, так как всякий продающий хочет получить настоящую цену вещи, но и стоимость ее, как памяти, наследованной от отца, деда, прадеда. Например, туземцы носят талисманы, или зашитые в одежду, или заключенные в серебряных ящиках довольно искусной работы и оригинальной местной работы. Вещи эти передаются обыкновенно из рода в род; и можно себе представить, сколько надобно набавлять цену, чтобы заставить бравого горца расстаться с такою святостью»³.

В отличие от своей жены и другой писательницы — Верещагиной — Минцлов описывает быт аборигенов неохотно, а если описывает — чаще всего возвращается к презрительному тону или иронии:

«Среди одной из зеленых долин впервые мы увидели две юрты — большие, круглые шалаши из жердей, покрытые сверху грязными, рваными кошмами. Мы подъехали ближе и пошли осматривать их. Среди юрты имелся небольшой очажек с тлевшими углями; земля кругом него была покрыта такими же кошмами; кучки тряпья, пара деревянных чашек — вот и вся утварь, хранившаяся внутри. Несколько человекоподобных существ копошилось у входа: грязные, растрепанные, полуголые, они производили отвратительное и жалкое впечатление. Порывистые ухватки их, движенья, взгляды — все было точною копией обезьяньих»⁴.

Его описание не просто подчеркнуто оценочно, но и в высшей степени негативно окрашено.

Внимание женщин-писательниц к бытовым деталям можно объяснить тем сочувствием и поиском личности в колонизированном субалтерне, о котором пишут теоретики гендерного ориентализма, а также их собственной ролевой погруженностью в быт, определенной их местом в маскулинном патриархальном обществе. Также, как было показано выше, писательницы менее склонны к открытым проявлениям шовинизма, а также романтизации природы, чем изобилует сочинение Минцлова, — что тоже можно рассматривать как проявление антиколониальных интенций в творчестве путешественниц.

Колониальный аспект

Безоценочность и беспристрастность, с которыми составлены травелоги Верещагиной и Минцловой⁵, указывают на существенное влияние этнографической литературы на стиль писательниц. До-

¹ Верещагина Е. К. Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных : в 2 ч. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1883. Ч. I. Сикким. С. 3.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Минцлов С. Р. Секретное поручение: путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1914. С. 57.

⁵ Как нам удалось выяснить, К. Д. Минцлова (К. Бодиско) окончила Демидовское учебно-воспитательное заведение, где обучалась в период с 1901 по 1904 г. (Центральный государственный исторический архив СПб, ф. 358, оп. 1, д. 1658). Данное заведение представляло собой целый комплекс средних и высших школ,

казательством этому служат: строгая структурированность, отсутствие личной рефлексии, формальный стиль и фиксация деталей быта и природы. Но при этом нельзя забывать, что Верещагина и Минцлова не были учеными, следовательно, были свободны в выборе формата сочинений и могли бы отказаться от требований академичности, но не сделали этого.

Этнографические элементы в их литературном описании путешествия, с нашей точки зрения, следует трактовать как влияние колониального дискурса. Не имея специального этнографического образования, обе писательницы следуют установке на исследование, а не на художественное или личностное письмо. В результате в их книгах обнаруживается ключевая черта этнографического текста — объективация тех, кто описывается. Перуанский социолог А. Кихано характеризовал отношения колонизатора и колонизированного как отношения субъекта и объекта, выделяя в этом наследие картезианской философии (Quijano, 2007: 174). Колонизированный субалтерн, таким образом, — это объект изучения, а не личность.

Наиболее наглядно проявление субъектно-объектных отношений с колонизированными народами можно рассмотреть на примере книги Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии», посвященной Трансгималайской экспедиции семейства Рерихов. Книга выдержана в полноценном этнографическом стиле, со всеми присущими ему требованиями академичности, которые мы обозначили выше. Одно из отличий текста Рериха от текстов Верещагиной и Минцловой — большее внимание к географии, истории и политическим событиям, нежели быту, что продиктовано его профессиональным статусом востоковеда. Второе отличие — глубоко детальное описание мест и событий, снабженное подробными комментариями, как правило, исторического характера:

«Дорога проходила через перевал Намике на высоте 13000 футов. Подъем очень пологий, и после перехода через перевал дорога ведет в долину Кхарбу, представляющую интерес многочисленными разрушенными замками, которые венчают голые вершины гор. Это место было ареной боевых действий в период правления короля Дел-дена (Де-лдан рнам-ргьял, 1620–1640 гг.)»¹.

Подобные фрагменты в книге Рериха встречаются повсеместно и полностью отсутствуют у Верещагиной и Минцловой, что объясняется профессиональной компетенцией Рериха как ученого. Более того, Рерих имел необходимость в подробном ведении записей для своей дальнейшей научной работы, в то время как Верещагина и Минцлова не были стеснены таковой и потому писали, руководствуясь лишь собственными впечатлениями.

Тем не менее, типологически тексты Рериха, Верещагиной и Минцловой похожи. Можно сделать вывод, что вместе с этнографической формой Верещагина и Минцлова переняли и колониальный дискурс. Поскольку колониальный дискурс патриархален по своей природе, присутствие в нем женщины родило внутреннее противоречие, о котором писала Льюис, что и сформировало антиколониальные мотивы в сочинениях писательниц (Lewis, 2003: 150–151).

Сдержанный тон рассмотренных нами женских текстов амбивалентен. С одной стороны, он перенимает и воспроизводит колониальный — в данном случае выраженный в этнографической форме — дискурс, с другой — противостоит ему, не развивая романтических и шовинистических нарративов, широко представленных в травелогe Сергея Минцлова.

Произведения Верещагиной и Минцловой демонстрируют пример поиска феминного письма, генеротопически замкнутого в маскулинном колониальном дискурсе и одновременно, в показанных

сочетавших первоклассное для своего времени общее и профессиональное образование воспитанниц. Руководство школы стремилось формировать у воспитанниц навыки и умения работы с передовыми на тот момент техническими средствами, например, пишущей машинкой (Шевелев, 2017: 35). Вероятно, Е. Бодиско (К. Д. Минцлова) именно там овладела навыками фотографирования. Имея педагогическое образование, полученное в Демидовском учебно-воспитательном заведении, она занималась образовательной деятельностью. В период с 1912 по 1915 г. заведовала коммерческим училищем, которое основала совместно с мужем. К сожалению, данных об образовании и роде деятельности Е. К. Верещагиной мы не нашли. Объясняется это, во-первых, ее иностранным происхождением, во-вторых, обстоятельствами ее семейной жизни с Верещагиным, который фактически вычеркнул девятнадцатилетний период их семейной жизни из-за ее неверности (Алексеева-Маркезин А. Личная жизнь Верещагина // Проза.ру. 2021. 18 октября. URL: <https://proza.ru/2021/10/18/1119> (дата обращения: 07.05.2023)).

¹ Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994. С. 8.

нами аспектах, проявляющего свою антиколониальную феминную природу посредством свободы, предоставленной жанром травелога.

Заключение

Проанализировав сочинения о путешествиях К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха, мы обнаружили ряд принципиальных различий и сходств, обусловленных в том числе гендерной принадлежностью авторов. В сочинениях Минцловой и Верещагиной отсутствует романтизация природы — важный колониальный нарратив эпохи Просвещения, широко представленный в тексте С. Минцлова. Также в женских сочинениях выявлен интерес к бытовой жизни колонизированных народов, чего нельзя сказать про тексты Минцлова, выказывающего открытое презрение к местному населению, и Рериха, более заинтересованного в исторических и политических темах.

Вместе с этим нами было обнаружено существенное влияние этнографического жанра на тексты Минцловой и Верещагиной, препятствующее полному раскрытию сочинений как травелогов, на что указывают строгая структурированность текста, отсутствие личностной рефлексии и формальный стиль. Подражая этнографическому стилю, женщины-авторы тем самым развивали колониальный дискурс, со свойственной ему колониальной оптикой — восприятием колонизированного как объекта для изучения.

Подводя итог, можно заключить, что произведения Минцловой и Верещагиной амбивалентны: с одной стороны, они заключены в рамки колониального дискурса и развивают его, с другой — вступают в противоречие с его маскулинными патриархальными установками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пономарев, Е. Р. (2020) Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. № 1 (161). URL: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (дата обращения: 10.03.2023).

Саид, Э. В. (2021) Ориентализм. М. : Музей современного искусства «Гараж». 560 с.

Сергеева, Н. М., Четырова, Л. Б. (2022) Визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев в контексте быта в начале XX века // Новые исследования Тувы. № 4. С. 257–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Фуко, М. (1996) Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Магистериум ; Касталь. 448 с.

Шевелев, А. Н. (2017) Демидовские учебные заведения дореволюционного Петербурга (к 170-летию со дня основания) // Историко-педагогический журнал. № 1. С. 27–37.

Bhabha, H. K. (1994) The location of culture. London ; New York : Routledge. xiv, 285 p.

Burton, S. (2014) Travel narrative and the ends of modernity. New York : Cambridge University Press. ix, 255 p.

Clarke, R. (2018) History, memory and trauma in postcolonial travel writing // The Cambridge companion to postcolonial travel writing / ed. by R. Clarke. Cambridge : Cambridge University Press. xxxvii, 251 p. P. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316597712.005>

Coronil, F. (1995) Transculturation and the politics of theory: Countering the center, Cuban counterpoint // Ortiz F. Cuban counterpoint, tobacco and sugar. Durham : Duke University Press. lxix, 312, xiii p. P. ix–lvi.

Gove, Ph. B. (1961) The imaginary voyage in prose fiction: A history of its criticism and a guide for its study, with an annotated check list of 215 imaginary voyages from 1700 to 1800. London : The Holland Press. xi, 445 p.

Huddart, D. (2008) Postcolonial theory and autobiography. London ; New York : Routledge. vi, 199 p.

Lewis, R. (2003) Gendering orientalism: Race, femininity and representation. London ; New York : Routledge. xiv, 267 p.

Mignolo, W., Walsh, C. E. (2018) On decoloniality: Concepts, analytics, praxis. Durham : Duke University Press. xii, 291 p.

Mills, S. (1991) Discourses of difference: An analysis of women's travel writing and colonialism. London ; New York : Routledge. viii, 232 p.

Mukharji, T. N. (1889) A visit to Europe. Calcutta : W. Newman ; London : Edward Stanford. 404 p.

Pratt, M. L. (2008) Imperial eyes: Travel writing and transculturation. 2nd ed. London ; New York : Routledge. xiv, 276 p.

Pyne, L. (2021) Postcards: The rise and fall of the world's first social network. London : Reaktion Books. 232 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity / rationality // *Cultural Studies*. Vol. 21. Issue 2–3. P. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Rosaldo, R. (1989) Imperialist nostalgia // *Representations*. Vol. 26. P. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928525>

Spivak, G. Ch. (1987) *In other worlds: Essays in cultural politics*. New York : Methuen. xix, 309 p.

Znamenski, A. A. (2011) *Red Shambhala: Magic, prophecy, and geopolitics in the heart of Asia*. Wheaton, IL : Quest Books. xxv, 268 p.

Дата поступления: 15.03.2023 г.

Дата принятия: 20.04.2023 г.

REFERENCES

Ponomarev, E. R. (2020) Postkolonial'naia teoriia i literatura puteshestvii. Vzgliad iz Rossii [Postcolonial theory and travel writing: A View from Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161) [online] Available at: https://nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21988/ (accessed 10.03.2023). (In Russ.).

Said, E. W. (2021) *Orientalizm [Orientalism]*. Moscow, The Garage Museum of Contemporary Art. 560 p. (In Russ.).

Sergeeva, N. M. and Chetyrova, L. B. (2022) Vizual'naia reprezentatsiia oirat-kalmykov i tuvintsev v kontekste byta v nachale XX veka [Visual representation of the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the context of day-to-day life at the beginning of the XX century]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 257–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.19>

Foucault, M. (1996) *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality]*. Moscow, Magisterium ; Kastal'. 448 p. (In Russ.).

Shevelev, A. N. (2017) Demidovskie uchebnye zavedeniia dorevoliutsionnogo Peterburga (k 170-letiiu so dnia osnovaniia) [Demidov educational institutions in pre-revolutionary Petersburg (The 170th anniversary of their foundation)]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 27–37. (In Russ.).

Bhabha, H. K. (1994) *The location of culture*. London; New York, Routledge. xiv, 285 p.

Burton, S. (2014) *Travel narrative and the ends of modernity*. New York, Cambridge University Press. ix, 255 p.

Clarke, R. (2018) History, memory and trauma in postcolonial travel writing. In: *The Cambridge companion to postcolonial travel writing* / ed. by R. Clarke. Cambridge, Cambridge University Press. xxxvii, 251 p. Pp. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316597712.005>

Coronil, F. (1995) Transculturation and the politics of theory: Countering the center, Cuban counterpoint. In: Ortiz, F. *Cuban counterpoint, tobacco and sugar*. Durham, Duke University Press. lxxix, 312, xiii p. P. ix–lvi.

Gove, Ph. B. (1961) *The imaginary voyage in prose fiction: A history of its criticism and a guide for its study, with an annotated check list of 215 imaginary voyages from 1700 to 1800*. London, The Holland Press. xi, 445 p.

Huddart, D. (2008) *Postcolonial theory and autobiography*. London ; New York, Routledge. vi, 199 p.

Lewis, R. (2003) *Gendering orientalism: Race, femininity and representation*. London ; New York, Routledge. xiv, 267 p.

Mignolo, W. and Walsh, C. E. (2018) *On decoloniality: Concepts, analytics, praxis*. Durham, Duke University Press. xii, 291 p.

Mills, S. (1991) *Discourses of difference: An analysis of women's travel writing and colonialism*. London; New York, Routledge. viii, 232 p.

Mukharji, T. N. (1889) *A visit to Europe*. Calcutta, W. Newman ; London, Edward Stanford. 404 p.

Pratt, M. L. (2008) *Imperial eyes: Travel writing and transculturation*. 2nd ed. London; New York, Routledge. xiv, 276 p.

Pyne, L. (2021) *Postcards: The rise and fall of the world's first social network*. London, Reaktion Books. 232 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and modernity / rationality. *Cultural Studies*, vol. 21, issue 2–3, pp. 168–178. DOI: <https://doi.org/10.1080/09502380601164353>

Rosaldo, R. (1989) Imperialist nostalgia. *Representations*, vol. 26, pp. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928525>

Spivak, G. Ch. (1987) *In other worlds: Essays in cultural politics*. New York, Methuen. xix, 309 p.

Znamenski, A. A. (2011) *Red Shambhala: Magic, prophecy, and geopolitics in the heart of Asia*. Wheaton, IL, Quest Books. xxv, 268 p.

Submission date: 15.03.2023.

Acceptance date: 20.04.2023.

Defining the structure of the epic *Khan Kharangui*

Tserennadmid Nyamsuren, Baldoo Dagzmaa

National University of Mongolia, Mongolia,

Sendenjav Dulam

Mongolian National University of Arts and Culture, Mongolia

The article analyzes the syntagmatic and paradigmatic structure of “Khan Kharangui” as the origin of Mongolian epics. In doing so, through syntagmatic and paradigmatic analysis each meaningful narrative in the epic is traced on the sentence level and consolidated in a chart grouping all these narratives. The theoretical and methodological significance of this study is to demonstrate how to apply the techniques of structural and syntagmatic analysis while studying epic poetry.

The manuscripts of “Khan Kharangui” from Okin (Buryatia, Russia) and Kyzyl (Tuva, Russia) as well as “Rinchen” (published in Hungary) and “Tod Üseg” (St. Petersburg, Russia) are known to researchers. It was concluded that all the manuscripts of “Khan Kharangui” are originated from one source, namely from the source written in ancient script tod üseg. Since that source was substantially damaged, the other sources are used in this study. The Okin and the Rinchen manuscripts match almost word for word while the Kyzyl manuscript is more literary both in stylistic and orthographic aspects, but some episodes are rendered in a somewhat more shortened form compared to the former manuscripts. There are slight differences in their size, but they are same in terms of substantive functions and structures.

When analyzing the syntagmatic structure of the epic by means of the functions described in Vladimir Propp’s “Morphology of the Folktale”, the following functions are not identified in the epic about Khan Kharangui: branding (J), unrecognized arrival (O), unfounded claims (L), difficult task (M), solution (N), recognition (Q) and exposure (Ex).

As for the paradigmatic structure of the epic, it could be analyzed by the method proposed in “The Structural Study of Myth” by Claude Lévi-Strauss. A particular feature in the paradigmatic structure of the epic is that it legitimizes how one ripostes and what the ultimate results will be when the established relationships and attitudes are violated. That is why each column on the left constitutes a premise or condition for the column on the right, and each column on the right becomes a consequence or implication for the left one with respect to the two columns on the right and left in the illustrated chart.

Keywords: Mongolian epic; epic structure; syntagmatic analysis; paradigmatic analysis; legitimation; binary opposition; spatial transference

For citation:

Nyamsuren T., Dagzmaa B. and Dulam S. Defining the structure of the epic *Khan Kharangui*. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 153-165. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.11>

NYAMSUREN, Tserennadmid, PhD, Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia. Postal address: 206, II Bldg., University St. 1, Baga toiruu, Sukhbaatar district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: nyamsuren.ts@num.edu.mn

ORCID ID: 0000-0001-5675-474X

DAGZMAA, Baldoo, PhD, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia. Postal address: 206, II Bldg., University St. 1, Baga toiruu, Sukhbaatar district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: dagzmaa@num.edu.mn

ORCID ID: 0000-0003-0211-0038

DULAM, Sendenjav, Doctor of Philology, Professor, The School of Dance Arts, Mongolian National University of Arts and Culture. Postal address: 26, Baga toiruu, Chingeltei district, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: sosedula@gmail.com

ФИЛОЛОГИЯ

Статья

Определение структуры эпоса «Хан Харангуй»

Цереннадмид Нямсурен, Балдоо Дагзмаа

Монгольский государственный университет, Монголия,

Сенденджав Дулам

Монгольский национальный университет искусств и культуры, Монголия

В данной статье анализируется синтагматическая и парадигматическая структура эпоса «Хан Харангуй», рассматриваемого как источник монгольских эпосов. Для этого с помощью синтагматического и парадигматического анализа каждый смысловой нарратив в эпосе прослеживается на уровне предложения и в краткой форме приводится в таблице, группирующей эти нарративы. Теоретическое и методологическое значение данного исследования заключается в демонстрации того, как применять техники структурно-синтагматического анализа при изучении эпической поэзии.

Рукописи эпоса «Хан Харангуй» из Окина (Бурятия, Россия), Кызыла (Тува, Россия), а также «Ринчен» (опубликована в Венгрии) и «Тод Усегу» (г. Санкт-Петербург, Россия) находятся в академическом обращении. Был сделан вывод, что все рукописи «Хана Харангуй» взяты из одного источника, а именно из источника, написанного на языке древней письменности тод усегу. Поскольку этот источник был существенно поврежден, в данном исследовании используются другие источники. Рукописи из Окина и «Ринчен» совпадают почти дословно, в то время как кызыльская рукопись более литературна как в стилистическом, так и в орфографическом аспектах, но некоторые эпизоды представлены в несколько более сокращенной форме по сравнению с предыдущими рукописями. Существуют небольшие различия в их размерах, однако они одинаковы с точки зрения субстантивных функций и структур.

При анализе синтагматической структуры эпоса с помощью функций, описанных в «Морфологии сказки» В. Я. Проппа, в эпосе о хане Харанги не выявлены следующие функции: клеймение, отметка (К), неузнанное прибытие (Х), необо-снованные притязания (Ф), трудная задача (З), решение (Р), узнавание (У) и обличение (О).

Парадигматическую структуру эпоса можно проанализировать по методу, предложенному в «Структурном исследовании мифа» К. Леви-Строссом. Особенностью парадигматической структуры эпоса является то, что она легитимизирует, каким образом человек реагирует и каковы будут конечные результаты, когда установленные взаимоотношения нарушаются, а точки зрения искажаются. Поэтому каждый столбец слева составляет предпосылку или условие для столбца справа, а каждый столбец справа становится следствием или предпосылкой для левого относительно двух столбцов на правой и левой стороне представленной таблицы.

Ключевые слова: монгольский эпос; эпическая структура; синтагматический анализ; парадигматический анализ; легитимизация; бинарная оппозиция; пространственный перенос

Для цитирования:

Nyamsuren T., Dagzmaa B. and Dulam S. Defining the structure of the epic *Khan Kharangui* // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 153-165. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.11>

Нямсурен Цереннадмид — доктор наук (PhD), доцент кафедры философии и религиоведения факультета свободных искусств и наук Монгольского государственного университета. Адрес: Монгол Улс, Улаанбаатар хот, Сүхбаатар дүүрэг, Бага тойруу, Хичээлийн II байр, 206 тоот. Эл. адрес: nyamsuren.ts@num.edu.mn

Дагзмаа Балдоо — доктор наук (PhD), профессор кафедры философии и религиоведения факультета свободных искусств и наук Монгольского государственного университета. Адрес: Монгол Улс, Улаанбаатар хот, Сүхбаатар дүүрэг, Бага тойруу, Хичээлийн II байр, 206 тоот. Эл. адрес: dagzmaa@num.edu.mn

Дулам Сенденжав — доктор филологических наук, профессор факультета танцевальных искусств Монгольского национального университета искусств и культуры, Адрес: Монгол Улс, Улаанбаатар хот, Чингэлтэй дүүрэг, Бага тойруу 26. Эл. адрес: sosedula@gmail.com

Introduction

A voluminous epic that contains traces of a nation's history, culture, spirituality and worldviews holds unique significance as it provides a universal understanding of human existence and conditions. It records human history, traditions and values in a timeless and transcendental way. Epics are a valuable subject for contemporary study, as they offer insights into worldviews, philosophical thoughts and attitudes towards the life of previous generations, as well as ideals, images, precepts and lessons of ancient people.

In the postmodern era, myths, fairy tales and epics are no longer considered products of primitive and naive mentality, but rather as forms of rigorous thought that use a different logic than modern science. Structuralism is a useful method to avoid subjective interpretations and arguments when studying epic works objectively.

In this article, we analyze the syntagmatic and paradigmatic structure of *Khan Kharangui* which is considered as the origin of Mongolian epics. The main goal of this study is to define the structure of the epic *Khan Kharangui* using the typical method of structuralism. In doing so, each meaningful narrative in the epic is observed on the sentence level through syntagmatic and paradigmatic analysis. These narratives are consolidated in a chart that groups them all. The theoretical and methodological significance of this research is to explore and demonstrate how to apply the techniques of structural syntagmatic analysis to the epic poem.

The written record of *Khan Kharangui* was previously found in some single volumes mostly in western provinces of Mongolia, but then in 1961, another manuscript of the epic was found in the Bayanzurkh soum in the Töv aimag (province). During their expedition to the Bayan-Ölgii (Hovd) and Uvs aimags, a joint team of the Department of Ethnography, Linguistics and Folklore Studies at the Institute of Linguistics of the Mongolian Academy of Sciences discovered a fact that the spread of the epic was very expansive. It had thirty chapters and each chapter was a separate epic cycle. Based on these findings, the famous scholar B. Rinchen argued that *Khan Kharangui* was a massive heroic epic cycle with several thousand verses, even greater in size than the world-renowned epic cycle *Janggar* (Rinchen, 1966: 10). The manuscripts of the epic *Khan Kharangui* were found in Okin (Buryatia, Russia) and Kyzyl (Tuva, Russia). Additionally, alternative manuscripts known as "Rinchen" (published in Hungary) and "Tod Üseg" (St. Petersburg, Russia) are also recognized. All of them have been studied by scholars.

It has been found out that all manuscripts of *Khan Kharangui* have the same source that was written in ancient script tod üseg. Since that source was substantially damaged, we use other sources in this study. The Okin and the Rinchen manuscripts are almost word-for-word identical while the Kyzyl manuscript is more literary both in style and orthography, but some episodes are shorter compared to the former manuscripts. They are slightly different in size, but they have the same substantive functions and structures.

A structural analysis of the epic *Khan Kharangui* has not been carried out previously. Therefore, the main research questions of this study are what the structure of the epic is and whether typical structuralist analyses and approaches are applicable to epic poems (*tuulis*).

Literature review

"Epic is the master-genre of the ancient world", and it "had major roles to play in ancient societies, functions that ranged from historical and political to cultural and didactic and beyond" (Foley, 2005: 1). According to Sigmund Freud,

"Primitive man is known to us by the stages of development through which he has passed: that is, through the inanimate monuments and implements which he has left behind for us, through our knowledge of his art, his religion and his attitude towards life, which we have received either directly or through the medium of legends, myths and fairy tales; and through the remnants of his ways of thinking that survive in our own manners and customs" (Freud, 2012: 1).

In Vladimir Propp's opinion, none of the human sciences can advance without materials of folklore and their exploration (Propp, 1976: 16).

A study of Mongolian mythology is in a way an archeology of the "spirit". It means to recover the interrelationships between the mythological figures and motifs that have been shattered in oral tradition, textual materials, narrative mores, art and cultural works, and then to reveal them as complete ones containing whole comprehensive events (Dulam, 2012: 31).

The epic not only expresses mythological thought in the broadest sense, but also serves as one of the main sources for philosophical thought. It is also a fruitful area of investigation in a sense that it is “an extremely complex cultural reality, which can be approached and interpreted from various and complementary viewpoints” (Eliade, 1963: 5).

As Elli-Kaija Köngäs and Pierre Maranda argued, “In some fields closely connected with folklore, such as social anthropology and linguistics, structural analysis has been used with success” (Köngäs, Maranda, 1962: 136). However, the scholars assumed that in the study of folklore structural analysis seemed to be slow at first. This evaluation is still valid. They also expressed an opinion that certain attempts had been made by Vladimir Propp (Propp, 2008), Claude Lévi-Strauss (Levi-Strauss, 1955, 1960, 1966), Thomas A. Sebeok and Frances J. Ingemann (Sebeok, Ingemann, 1956) and Alan Dundes (Dundes, 1962, 1963), but they had not been received with great enthusiasm (Köngäs, Maranda, 1962: 136).

There can be found different conclusions concerning the importance and value of structural studies in folklore (Waugh, 1966: 153). For example, it was concluded that

“the importance of structural analysis should be obvious. Morphological analysis of American Indian folktales makes it possible for typological descriptive statements to be made. Such statements, in turn, make it possible for folklorists to examine the cultural determination of content, to predict culture change, and to attempt cross-genre comparison” (Dundes, 1963: 129).

However, some researchers claimed that

“it seems that structural study can offer little help for solving problems of folkloristic classification. ... it is important to remember that *structural study can solve only structural problems*. ... we hope we have made it clear that a structural study never can describe a folkloristic item exhaustively” (Köngäs, Maranda, 1962: 182–183; emphasis in the original).

Previously, the written documentation of *Khan Kharangui*, recognized as the origin of Mongolian epics, was primarily found in individual volumes in Western provinces. However, in 1961, a manuscript of *Khan Kharangui* was discovered in the Bayanzurkh soum within the Töv aimag. During an expedition conducted in Hovd, Bayan-Ölgii, and Uvs aimags, the collaborative team made a significant observation: the epic had an extensive reach (Rinchen, 1966: 10). Comprising thirty chapters, each functioning as an independent epic cycle, *Khan Kharangui* surpassed even the renowned *Janggar* epic cycle in size, encompassing several thousand verses (ibid.).

Methods and materials

There are at least two distinct types of structural analysis that can be applicable to folklore, namely syntagmatic and paradigmatic analyses. In Alan Dundes' view,

“One of the most important differences in emphasis between the syntagmatic and paradigmatic brands of structural analysis has been the concern or lack of concern with context. Propp's syntagmatic approach has unfortunately dealt with the structure of text alone, just as literary folklorists generally have considered the text in isolation from its social and cultural context. In this sense, pure formalistic structural analysis is probably every bit as sterile as motif-hunting and word-counting” (Dundes, 1968: xii; cf. Dundes, 1964).

In contrast, the followers of Claude Lévi-Strauss boldly try to connect the paradigms “found” in mythology to the wider world, “to other aspects of culture, such as cosmology and world view” (Dundes, 1968: xiii). In this sense, this approach leads to a new understanding of myths and other oral forms as models (ibid.).

Since Vladimir Propp's *Morphology of the Folktale* (Propp, 1958) was published in English in Western countries, “there has been an ever increasing interest in attempting structural analyses of various folklore genres” (Dundes, 1968: xi). His work is the exemplar par excellence in syntagmatic analysis. However, considering that the analysis was done only in the context of fairy tales, the question arose whether it applied to folklore genres other than fairy tales, and whether it was applicable to forms of folk narratives other than folktale.

In epics, names of the characters “change (as well as the attributes of each), but neither their actions nor functions change” (Propp, 1968: 20). So, we can study the epic “*according to the functions of its dramatic personae*” (ibid.; emphasis in the original). In doing so, it is required “to determine to what extent these functions actually represent recurrent constants...” (ibid.). Furthermore, it allows to find out if the characters

“often perform the same actions” (ibid.). Therefore, the functions of the personages are “the basic components” and must be extracted first. The functions must be defined in order to be extracted. As Propp writes, “Function is understood as an act of a character, defined from the point of view of its significance for the course of the action” (ibid.: 21; see also: Propp, 1928: 30–31). The number of functions is limited, and “the functions of characters serve as stable, constant elements... independent of how and by whom they are fulfilled” (Propp, 1968: 21). “If functions are delineated”, it is required to determine “in what classification and in what sequence are these functions encountered” (ibid.). As the folklorist points out, “The sequence of events has its own laws. ... The absence of certain functions does not change the order of the rest” (ibid.: 22).

On this foundation, the structural elements can be identified. The application of this analysis is based on Vladimir Propp’s *Morphology of the Folktale*. The scholar’s analysis is not limited only to Russian folktales, because if the form and structure of tales are inevitably connected with a certain culture, and “culture patterns normally manifest themselves in a variety of cultural materials” (Dundes, 1968: xiv), the analysis from *Morphology* can be applied to other types of folklore: “Attempts to study African tales... and American Indian tales... suggest that parts of Propp’s *Morphology* may be cross-culturally valid” (ibid.), while “the comparative study of the mythologies of the world compels us to view the cultural history of mankind as a unit” (Campbell, 1960: 3).

The methodology utilized to define the structure of folktale has been used to describe the structure of epic. As we have mentioned above, a structural analysis of the epic *Khan Kharangui* has not been carried out before, although the epic has been studied by many scholars¹. Hence, the primary inquiries addressed in this research revolve around the structure of the epic and the suitability of employing structuralist analyses and methodologies to examine epic poems (*tuulis*).

Conducting the structural analysis of the epic, taking into account that the epic is made up of constituent units, tracing them on the sentence level and breaking down the story of the epic into the shortest possible narrative sentences, we carried out a paradigmatic analysis of the shortest narrative sentences apart from the linear syntagmatic one. According to Claude Lévi-Strauss,

“Poetry is a kind of speech which cannot be translated except at the cost of serious distortions; whereas the mythical value of the myth remains preserved, even through the worst translation. Whatever our ignorance of the language and culture of the people where it originated, a myth is still felt as a myth by any reader throughout the world. Its substance does not lie in its style, its original music, or its syntax, but in the story which it tells” (Levi-Strauss, 1955: 430).

Therefore, more attention is paid to these constituents of the epic, and the epic poetry is divided into the smallest possible meaningful parts that are narrative sentences. The main source for the method described here is Levi-Strauss’ *The Structural Study of Myth*.

The main material of our study is the epic *Khan Kharangui* which is considered to be the origin of Mongolian epics (Rinchinsambuu, 1960: 11; Traditions of heroic and epic poetry, 1980: 268). Although there was a new report that the number of the manuscripts of the epic *Khan Kharangui* had increased by one (Eriin sain Khan Kharangui, 2003: 10), only four manuscripts are in circulation (the Okin and Kyzyl versions, “Rinchen” and “Tod Üseg”). It was concluded that all manuscripts of *Khan Kharangui* came from one source (Luvsanbaldan, 1977: 124–131) that was written in Tod Üseg². As the primary source of the epic suffered significant damage and fragmentation, alternative sources are employed in this study. The Okin manuscript was found in 1929 by G. D. Sanzheev who received it from a monk named Dagva in the Okinsky District of Buryatia (Sanzheev, 1937). Rinchen’s manuscript was found in 1961 in the Bayanzurkh Soum in the Töv Province by B. Rinchen. These two versions match almost word for word (Eriin sain Khan Kharangui, 2003: 132) while the Kyzyl manuscript obtained by G. D. Sanzheev from Baldanzhapov, a resident of Kyzyl City in Tuva, and published in the book *Turkic-Mongolian Linguistics and Folklore Studies* (Sanzheev, 1960) along with a Russian translation and a brief introduction, is more literary in terms of style and orthography, however, certain episodes are depicted in a

¹ For instance, G. D. Sanzheev (Sanzheev, 1937, 1960), A. V. Burdukov (Burdukov, 1966), G. J. Ramstedt (Nordmongolische Volksdichtung, 1973), A. I. Ulanov (Ulanov, 1974), Kh. Luvsanbaldan (Luvsanbaldan, 1977), S. Yu. Nekliudov (Nekliudov, 1984), D. Tserensodnom (Tserensodnom, 1984), B. Rinchen (Qan Qaranggui ... , 1988), R. Narantuiaa (Narantuiaa, 1988) and T. Baiasgalan (Eriin sain Khan Kharangui, 2003) can be mentioned.

² Narantuiaa R. Mongol tuuliin aman ba bichmel khuvilbaruudyn khariltsaa kholboo: eriin sain Khan Kharangui tuuliin zhisheen deer [Relationship between oral and written versions of Mongolian epics: In the case of the epic “Khan Kharangui”]: Diss. Ulaanbaatar, 1999. P. 29. (In Mongolian).

slightly condensed manner (ibid.: 265–266) compared to the former one. Consequently, while there are minor variations in length, they maintain consistent substantive functions and structures. In order to facilitate further studies, each line of the epic is numbered sequentially, the main plotline of the epic was summarized and analyzed using the method described above.

The syntagmatic structure of the epic “Khan Kharangui”

Some researchers believe that the primary subject of the epic *Khan Kharangui* consists of two key events: marriage and battle. Other scholars, for example, R. Narantuiaa, conclude that it was created in the form of a simple or a single-move epic that recounts only the heroic marriage and the consequent acts of revenge¹. However, from the very beginning of the epic, the reason for Khan Kharangui’s departure from home is clearly stated, and the subject on longing for battle and contest with his equals encapsulates the principal theme of this epic. It is even more evident in the final lines of the poem. However, the hidden and deep meaning that lies at the root of the epic can be found by breaking down and constructing its structure and elements. The theme of marriage coincides with the original purpose of the hero’s departure from home in the middle of the journey.

<p>In a good time of long ago In Aihan Tohoi land... 1–5² ...There was a fine man Named Khan Kharangui, the best of men¹ ...With a kingly good father ...With a queenly beautiful mother 12–13 Born by vying with the earth Born by struggling with the heavens 15–16 With a myriad of horses Filling the Altai and Hangai ranges... With black horses, large and small... And a slender jewel chestnut horse... 44–70 ...One day he asked his kingly father And queenly mother, as follows ...“What has happened to the sound of a rival come a-wailing? Where is the sound of weapons That come a-clanking?”² 117–129 ...Thus, his father spoke “This body of yours is small. Why would you rush toward such rivals?”³ 130–143 ...Then he rode on his jewel chestnut horse ...Leading his two black horses ...Reached the edge of his land Settled in and lived there⁴... 144–159 Erhem Hara, the son of a heaven, intended to... Seize the beautiful Mirror Gooa Dagina⁵ 160–168 She dispatched her old camel herder To give a message that Erhem Khara was going to take his betrothed 170–205</p>	<p>¹ The initial situation (α): temporal and spatial determination, composition of the family, miraculous birth, well-being prior to complication.</p> <p>² Lack (α^6): longing for his equal one.</p> <p>³ Interdiction (γ^1): forewarning as interdiction.</p> <p>⁴ Absentation (β^3): departure of the younger member of the family.</p> <p>⁵ Villainy (A^{16}): the threat of forced matrimony.</p>
---	--

¹ Ibid. P. 83.

² These numbers refer to the verses of the epic *Khan Kharangui*; see in detail: Eriin sain Khan Kharangui, 2003: 128–208.

Thus, she set the messenger off by shortening The distance of ninety-nine years Into ninety-nine months The distance of ninety-nine months Into ninety-nine days and nights The old man reached the edge of the land 220–225 “Is it your betrothed to be seized by the outsider? Where is your mind if you are a fine man?” As soon as he spoke so The messenger fled, leaving an image of the size of blowfly ⁶ 235–295	⁶ Connective incident (B ¹): the message of misfortune is dispatched.
Khan Kharangui leaped up, startled, Looked at four directions and eight corners He caught a glimpse of the vanishing image... 296–324 Then he rode on his jewel chestnut horse Proceeded in pursuit in direction of the old man ⁷ ... 355–363	⁷ Interdiction violated and departure of the hero (δ ¹)...

In folktales, the sequence of functions is strictly uniform and identical (Propp, 2008: 22), while in the poem *Khan Kharangui*, the functions of the preparatory section, such as absentation, interdiction, violation, reconnaissance, delivery, trickery and complicity, are encountered in any part of the epic, i. e. in the beginning, in the middle and in the end. Moreover, the function of donor and the hero’s reaction occur both prior to and posterior to the hero’s departure. It can be considered a special attribute of the epic which “has... a great... capacity for enlarging its dimensions” and “an advantage... that conduces... to diverting the mind of the hearer, and relieving the story with varying episodes”¹. Furthermore, the function of transfiguration appears after the recognition at the end of the tale, whereas this sequence is broken since transfiguration is inherent in the characters of the epic *Khan Kharangui*.

In *Khan Kharangui*, the villains are defeated by the hero, fall in trouble, impart the misfortunes to each other and call someone in, then Ordinary-Dark-Mangus accepts the challenge to fight against the hero. This is a new case not mentioned in *Morphology of the Folktale*. It can be seen as an inverted form of two functions: the connective incident (to make misfortune or lack known) and beginning counteraction.

The heavenly gods discussed as follows Khan Kharangui took his betrothed... Killed the three wrestlers Broke the legs and arms of the rosy and white women Ruined thousands of our wind horses 2315–2325 Then they decided to call for help from King of the Dead, King of Mangus, and King of Witches ³⁸ ... 2329–2333	³⁸ Mediation (–B ⁴): misfortune is made known among anti-heroes.
King of the Dead and King of Witches refused the calling Returned the messenger by saying They were unable to do so ³⁹ ... 2338–2342 Only Ordinary-Dark-Mangus accepted And arrived announcing that “Let me succeed my brother, the Screeching Dark Eagle Shooting seventy to eighty arrows at once Let me lead the army of Mangus consisting of Three hundred thousand and three trillion soldiers” ⁴⁰ ... 2343–2361	³⁹ Acceptance of interaction (–C neg): the inverted form of this function or the villain does not decide upon taking action against the hero. ⁴⁰ Acceptance of interaction and departure (–C↑): the inverted form or the villain agrees to interact and departures.

¹ Aristotle. *Poetics*. London, Penguin Group, 1996. P. 39.

As for the functions arranged in pairs, one of them inevitably leads to another. That is to say, there is an implicative relation between them in which the second is the consequence of the first. The two functions, namely villainy and lack (A, a) constitute a pair with the function (K), the liquidation of initial misfortune or lack (Propp, 2008: 53). In the epic *Khan Kharangui*, the instances of villainy and its liquidation are clearly detectable, but it is uncertain how satisfying the consequences of the function are. The hero's longing for an equal counterpart is the initial reason for the course of the action.

However, if examined in detail, the moment in which the villainy casts a spell in the third move or passage creates a condition requiring a higher level of premise for death and resurrection that should have been experienced on the verge of homecoming of Khan Kharangui and his companions. This can liquidate the lack mentioned at the beginning of the epic. According to the events and contents of the poem, there is no challenger among human beings equal to Khan Kharangui, and it seems that only the heavens can provide an opportunity to eliminate such a lack.

<p>The heavenly gods are about to avenge ...Thus, do not sleep for the whole night Hold your weapons Stay in this dwelling ...When an animal without qualities comes and calls Shoot and slay it with no noise⁵³... 2760–2773 After the midnight The three fell asleep⁵⁴ Resting their heads on each other's shoulders... 2781–2783 Cast-iron yellow <i>tsegchig</i> from heaven Came down and asked, "Are you three there?" They awoke startlingly and cried, "Aaah"⁵⁵... Meanwhile a lump of poisonous feed Dropped in their mouths... 2784–2796 Khan Kharangui turned into Eighty-Five-Headed Dark Mangus Herges Good Buidar turned into a yellowy boar While he went out to track him Ulaadai Mergen turned into a stone statue⁵⁶... While he rode on the jewel chestnut horse and proceeded after them... 2800–2815</p>	<p>⁵³ Interdiction (γ^2): "An inverted form of interdiction is represented by an order or a suggestion" (Propp, 1968: 27). ⁵⁴ "Violation of the interdiction is motivated (M)" (ibid.: 96). ⁵⁵ Order or suggestion violated (δ^2). ⁵⁶ Villainy (A^{11}): the casting of a spell, a transformation</p>
--	---

In this passage, the heavens do not perform the villainy function themselves, but do so through the servant animal that constitutes the condition in which the pursuit function associated with such action is not implemented. At the end of this epic, the saying "There is no lord above, and no enemy around" expresses a solution to the initial lack. In addition, this phrase, which indicates some anarchist ideas that there is no one to rule from the above, reveals a unique feature of Mongols' political thought. Here, anarchism is considered not as a political regime without government or administration, but as a self-adjusting, voluntary association free from a hierarchical system. The society depicted in *Khan Kharangui* does not have a ruler above, but there is nothing that puts the individuals and their will above any external determination such as a group, a community or traditions.

Pr ⁶	attempt to destroy the hero
Rs ⁶	rescue from being destroyed
B ⁴	announcement of misfortune in various forms
C	consent to counteraction
A ¹⁴	murder
η ¹	deceitful persuasion of the villain
θ ¹	the hero reacts to the persuasions of a villain
A ¹	kidnapping of a person
U-	villain pardoned
γ ²	order or command
mot	motivations
δ ²	command violated
A ¹¹	the casting of a spell; a transformation
B ⁵	release
F ¹	a magical agent is transferred
K ⁸	breaking of a spell
w ²	resumed marriage
I	move
II	
III	

The paradigmatic structure of the epic “Khan Kharangui”

The main events of the poem *Khan Kharangui* can be arranged in the following patterns of relationships:

Erkhem Khara intends to take Khan Kharangui’s betrothed			
	Khan Kharangui and his brother head towards King Agi Buural	Khan Kharangui and Ulaadai Mergen struggle with King Agi Buural	
		Khan Kharangui and Erkhem Khara compete in three games of men	
			Mirror Gooa is given to Khan Kharangui
Erkhem Khara ravishes Mirror Gooa			
	Khan Kharangui arrives at the domain of the heavens		
		Khan Kharangui seizes Erkhem Khara	
			The heavens ask for forgiveness

The first column refers to the relationship indicating that someone else attempts to take an engaged woman as his wife, while the second column refers to the response to these attempts. As for the epic *Khan Kharangui*, the second one has a common feature describing a spatial transference. It represents an entering into a unique world with unfamiliar culture, values and rules as an important moment of the hero's journey. Here, it is worth noting that the Mongols use time expressions to define a distance with regard to a spatial transference. It cannot be denied that such expressions could be cross-culturally valid, and all these are consistent with Ernst Cassirer's view that the categories of space and time in mythical thought have different modalities than those of sciences (Cassirer, 1955: 60). Moreover, in the epic, distance is expressed by units of time such as the distance of ninety-nine years or the land of three days as (using new units of length called 'light-second' and 'light-year') "in the theory of relativity, we now define distance in terms of time and the speed of light..." (Hawking, 1988: 24). In defining distance in such a way, there must be an absolute standard of measurement, and it is easy to see here that it is measured by the sun or light.

The third column refers to the struggle and combat relationships of the opposing parties, while the last column exhibits common features grouping all the events of accepting the situation, surrendering and asking for forgiveness. As to the two columns on the right and left in this chart, each column on the left constitutes a premise or condition for the column on the right, and each column on the right becomes a consequence or implication for the left one.

It can be considered that the character of *khozhgor* boy in the epic *Khan Kharangui* acts as a mediator of binary oppositions: the hero and the enemy, the good and the bad. In general, the personage of *khozhgor* in Mongolian folklore has a dualistic nature referring to both the good and the evil. This makes it evident that the Mongols have been treating them in a contradictory synthesis by comparing one with another. The fact that the good may turn into the bad and vice versa is repeatedly mentioned and recounted in tales, legends and epics. This might be an indication for the acceptance of such transformations in society. An important idea of the Mongolian mythical thought is very philosophical. It suggests that there is a shade of the bad in every good and beautiful one as well as a ray of the good in the worst one¹.

In the game of chess, at the beginning stage or at the start of each match, a pawn seems to be 'the weakest and the worst' piece taking useful positions that should be occupied by other pieces such as a rook, knight, bishop and queen, but if the pawn survives the middle stage where the real fight takes place and stays to the end when the problem is solved, then it can legally be promoted to any piece, transfigured into a 'hero' and become one of 'the strongest and the best'. Similarly, in the epic, *khozhgor* boy plays a role carrying such a dual meaning and mediating between the binary oppositions.

Conclusion

When analyzing the syntagmatic structure of the epic by means of the functions described in *Morphology of the Folktale*, the following functions are not identified in the epic *Khan Kharangui*: branding (J), unrecognized arrival (O), unfounded claims (L), difficult task (M), solution (N), recognition (Q) and exposure (Ex).

Regarding the functions organized in pairs, it is inevitable that one function naturally leads to another. With regard to *Khan Kharangui*, the consequence part of lacking an equal competitor as the initial reason for the journey is satisfied in having 'no lord above and no enemies around'. This is mentioned at the end of the epic when the villainy is overcome and this requires a higher-level conditions of death and resurrection in the third move or passage. This phrase expresses not only a specific feature of political mentality of the Mongols, but also an anarchist view in which the will of individuals prioritizes their freedom. However, this is not emphasized and preferred over any external determination (traditions, groups, communities, etc.).

It is entirely possible to understand the common values revealed by the functions of the epic if we say that narrative knowledge has different categories indicating modality other than forms of cognition such as science. These values serve as models and justifications for human actions. Therefore, statements referring to what are considered as villainies and what should be fought against can be regarded as a kind of legitimation, justification or patterns for actions that are accepted in a given society.

¹ In connection with myths regarding the genesis of the universe and humans, as well as the music, Sendenjav Dulam describes it in detail while discussing God and Devil as two creators. See: Dulam, 2012: 275–276.

With regard to the paradigmatic structure of the epic, it could be analyzed by the method proposed in *The Structural Study of Myth*. A particular feature in the paradigmatic structure of the epic is that it legitimizes how one ripostes and what the ultimate results can be when the established relationships and attitudes are violated. Hence, each column on the left side represents a premise or condition for the corresponding column on the right, while each column on the right signifies a consequence or implication for the left column.

Khan Kharangui seeks to take part in a competition and struggle, creates a world without a lord above and an enemy around. He chooses to make himself through accepting challenges, callings and sufferings and overcoming them all instead of settling down and living a simple and easy way of life that is unknown and infamous. On this basis, an important aspect of epic can be observed. It produces a desire along with the establishment of the norms of actions and satisfying the criteria of competence in society.

REFERENCES

- Burdukov, A. V. (1966) Oirad khalimagiin tuul'chid [Oirat-Kalmyk epic narrators]. In: *Mongol ardyn baatarlag tuul'syn uchir [The very meanings in the heroic epic of the Mongolian peoples]*. Ulaanbaatar, Khel zokhiolyn khüreeleen. 126 p. (In Mongolian).
- Campbell, J. (1960) *The masks of God: Primitive mythology*. London, Secker & Warburg. viii, 504 p.
- Cassirer, E. (1955) *The philosophy of symbolic forms. Vol. 2: Mythical thought*. New Haven; London, Yale University Press. xviii, 269 p.
- Dulam, S. (2012) *Mongol domog züin dür [The characters of Mongolian mythology]*. 3rd ed. Ulaanbaatar, Bitpress. 380 p. (In Mongolian).
- Dundes, A. (1962) The binary structure of "unsuccessful repetition" in Lithuanian folk tales. *Western Folklore*, vol. 21, no. 3, pp. 165–174. DOI: <https://doi.org/10.2307/1496955>
- Dundes, A. (1963) Structural typology in North American Indian folktales. *Southwestern Journal of Anthropology*, vol. 19, no. 1, pp. 121–130. DOI: <https://doi.org/10.1086/soutjanth.19.1.3628926>
- Dundes, A. (1964) Texture, text, and context. *Southern Folklore Quarterly*, vol. 28, no. 4, pp. 251–265.
- Dundes, A. (1968) Introduction to the second edition. In: Propp, V. *Morphology of the folktale*. Austin, TX; London, University of Texas Press. xxvi, 158 p. Pp. xi–xvii.
- Eliade, M. (1963) *Myth and reality*. New York, Harper & Row. xiv, 204 p.
- Eriin sain Khan Kharangui [Khan Kharangui, the best of men] (2003) / comp. by T. Bayasgalan; Khel zokhiolyn khüreeleen*. Ulaanbaatar, Orchlon Print. 405 p. (In Mongolian).
- Foley, J. M. (2005) Introduction. In: *A companion to ancient epic / ed. by J. M. Foley*. Oxford, Blackwell Publishing. xxv, 664 p. Pp. 1–7.
- Freud, S. (2012) *Totem and taboo*. London, Empire Books. 154 p.
- Hawking, S. (1988) *A brief history of time: From the big bang to black holes*. London, Bantam Press. x, 198 p.
- Köngäs, E. and Maranda, P. (1962) Structural models in folklore. *Midwest Folklore*, vol. XII, no. 3, pp. 133–192.
- Levi-Strauss, C. (1955) The structural study of myth. *The Journal of American Folklore*, vol. 68, no. 270, pp. 428–444.
- Levi-Strauss, C. (1960) Four Winnebago myths: A structural sketch. In: *Culture and history : Essays in honor of Paul Radin / ed. by S. Diamond*. New York, Brandeis University Press. xxiv, 1014 p. Pp. 351–362.
- Levi-Strauss, C. (1966) *The savage mind*. Chicago, The University of Chicago Press. xii, 290 p.
- Luvsanbaldan, Kh. (1977) Tod üsgiin Khan Kharangui [Clear script version of Khan Kharangui]. *Studia Folclorica*, vol. X, fasc. 1–13, pp. 124–131. (In Mongolian).
- Narantuiia, R. (1988) Mongol tuuliin bürtgel [The records of Mongolian epics]. *Studia Folclorica*, vol. XVIII, fasc. 1–6, pp. 79–153. (In Mongolian).
- Nekliudov, S. Yu. (1984) *Geroicheskii epos mongol'skikh narodov: ustnye i literaturnye traditsii [Heroic epic of the Mongolian peoples: Oral and literary traditions]*. Moscow, Nauka. 309 p. (In Russ.).
- Nordmongolische Volksdichtung (1973) / comp. by G. J. Ramstedt ; ed. by H. Halén*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura. xvi, 287 p.
- Propp, V. (1958) *Morphology of the folktale*. 1st ed. Bloomington, Research Center, Indiana University. x, 134 p.

- Propp, V. (1968) *Morphology of the folktale*. Austin, TX ; London, University of Texas Press. xxvi, 158 p.
- Propp, V. (1976) Spetsifika fol'klora [Specific features of folklore]. In: Propp, V. *Fol'klor i deistvitel'nost'* [Folklore and reality] : Selected articles. Moscow, Nauka. 325 p. Pp. 16–33. (In Russ.).
- Propp, V. (2008) *Morphology of the folktale*. 2nd ed., revised. Austin, University of Texas Press. xxvi, 158 p.
- Propp, V. Ya. (1928) *Morfologiya skazki* [Morphology of the folktale]. Leningrad, Academia. 152 p. (In Russ.).
- Qan Qarangui: Faksimile des Rintchen-Ms* (1988) / Rinchen ; introd. by P. Lágler, comm. by U. Dzagdsüren. Budapest, Akadémiai Kiadó. 113 p.
- Rinchen, B. (1966) Manai ardyn tuul's [Our folk epics]. In: *Mongol ardyn baatarlag tuul'syn uchir* [The very meanings in the heroic epic of the Mongolian peoples]. Ulaanbaatar, Khel zokhiolyn khüreele. 126 p. Pp. 5–16. (In Mongolian).
- Rinchinsambuu, G. (1960) Mongol ardyn baatarlag tuul's [The heroic epics of the Mongolian peoples]. *Studia Folclorica*, vol. I, fasc. 7. 154 p. (In Mongolian).
- Sanzheev, G. D. (1937) *Mongol'skaia povest' o khane Kharangui* [The Mongolian tale of Khan Harangui]. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR. 170 p. (In Russ.).
- Sanzheev, G. D. (1960) Kyzyl'skaia rukopis' mongol'skoi epicheskoi povesti «Khan-Kharangui» [The Kyzyl manuscript of the Mongolian epic tale “Khan Harangui”]. In: *Tiurko-Mongol'skoe iazykoznanie i fol'kloristika* [Turkic and Mongolian linguistics and folklore studies] / ed. by G. D. Sanzheev and R. A. Aganin. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 350 p. Pp. 265–350. (In Russ.).
- Sebeok, T. A. and Ingemann, F. J. (1956) Structural and content analysis in folklore research. In: Sebeok, T. A. and Ingemann, F. J. *Studies in Cheremis: The supernatural*. New York, Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research. 357 p. Pp. 261–268. (Viking Fund Publications in Anthropology, no. 22).
- Traditions of heroic and epic poetry* (1980) / ed. by A. T. Hatto. London, The Modern Humanities Research Association. Vol. 1: The traditions. xiii, 378 p.
- Tserensodnom, D. (1984) “Khan Kharanguin” tuuliin neriin garal üüsülin asudald [On the issue of the origin of the epic “Khan Kharanguin”]. *Shinzhekh ukhaany akademiin medee*, vol. II. pp. 59–69. (In Mongolian).
- Ulanov, A. I. (1974) Vliianie epicheskikh traditsii na literaturu mongolioazychnykh narodov [The influence of epic traditions on the literature of the Mongolian-speaking peoples]. In: *Problemy altaistiki i mongolovedeniia* [Problems of Altaic and Mongolian studies]: Proceedings of the All-Union conference. Elista, May 17–19, 1972. Elista, s. n. 253 p. Pp. 123–131. (In Russ.).
- Waugh, B. (1966) Structural analysis in literature and folklore. *Western Folklore*, vol. 25, no. 3, pp. 153–164.

Submission date: 16.12.2022.

Acceptance date: 03.03.2023.

DOI: 10.25178/nit.2023.2.12

Статья

Особенности функционирования дискурсива ну в башкирской монологической речи

Лилия А. Бускунбаева, Зугура Я. Рахматуллина, Гульназ Н. Ягафарова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования дискурсива русского языка “ну” в башкирской монологической речи. Анализируются и выявляются основные функции исследуемого дискурсива в процессе организации устного дискурса. Исследование выполнено на материале диалектных дискурсов башкирского языка, собранных в ходе экспедиционных выездов в 2023 г. по населенным пунктам Республики Башкортостан. Основной формой записи данных от информанта был выбран монолог. Общий объем исследованного материала — 250 диалектных текстов, где был выявлен дискурсив ну.

Проведенный анализ позволил установить высокий функциональный и прагматический потенциал дискурсива “ну” в башкирском языке. Он обеспечивает связность и целостность речи, маркирует исправления, заполняет непреднамеренные паузы, акцентирует внимание на информативном слове или фразе, усиливает значение последующего слова, придает эмоционально-оценочную окраску.

Также рассмотрены функциональные эквиваленты данного дискурсива в башкирском языке, способные реализовать аналогичную семантическую функцию в речи. В потоке речи дискурсив “ну” может заменить как междометия, местоимения, частицы, так и вводные слова и конструкции родного языка. Являясь характерной особенностью именно устной речи, он в качестве стилистического средства встречается и в художественных произведениях.

Ключевые слова: башкирский язык; русский язык; дискурсив; функциональный эквивалент; монологическая речь; кодовое переключение

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01343
<https://rscf.ru/project/23-28-01343>

Для цитирования:

Бускунбаева Л. А., Рахматуллина З. Я., Ягафарова Г. Н. Особенности функционирования дискурсива ну в башкирской монологической речи // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 166-178. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.12>

Бускунбаева Лилия Айсовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела прикладной лингвистики и диалектологии Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71. Эл. адрес: buskl@yandex.ru

Рахматуллина Зугура Ягануровна — доктор философских наук, профессор отдела фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71. Эл. адрес: faia7@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Адрес: 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71. Эл. адрес: rishrinat@mail.ru

Features of the functioning of discursive marker *nu* in Bashkir monologue speech

Liliya A. Buskunbaeva, Zugura Ya. Rahmatullina, Gulnaz N. Yagafarova

Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

The article examines the peculiarities in the functioning of the Russian discursive word “*nu*” («*ну*») in Bashkir monologue speech. The purpose of the research is to analyze and identify the main functions of the studied discursive in the process of organizing oral discourse. The study was carried out on the basis of dialect discourses of the Bashkir language collected during expedition trips to settlements in the Republic of Bashkortostan. The monologue was chosen as the main form of the informants' recordings. The total volume of the studied materials is 250 dialect texts that contain the discursive of *nu*.

The analysis made it possible to determine a high functional and pragmatic potential of the discursive of *nu* in the Bashkir language. It provides coherence and integrity of speech, marks corrections, fills unintended pauses, draws special attention to an informative word or phrase, enhances the meaning of a subsequent word, gives an emotional and evaluative color.

The article also discusses the functional equivalents of this discursive marker in the Bashkir language that are capable of implementing a similar semantic function in speech. In the flow of speech, the discursive of *nu* can replace interjections, pronouns, particles as well as introductory words and constructions of the native language. Being a characteristic feature of oral speech, it is found as a stylistic device in works of fiction.

Keywords: Bashkir language; Russian language; discursive word; functional equivalent; monologue speech; code switching

Financing

The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-01343
<https://rscf.ru/en/project/23-28-01343/>

For citation:

Buskunbaeva L. A., Rahmatullina Z. Ya. and Yagafarova G. N. Osobennosti funktsionirovaniia diskursiva *nu* v bashkirskoi monologicheskoi rechi [Features of the functioning of discursive marker *nu* in Bashkir monologue speech]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 2, pp. 166-178. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.12>

BUSKUNBAEVA, Liliya Ajsovna, Candidate of Philology, Senior Research Associate, Department of Applied Linguistics and Dialectology, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Prospekt Oktyabrya, 450054 Ufa, Russian Federation. E-mail: buskl@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3495-3742

RAHMATULLINA, Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Folklore Studies, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Prospekt Oktyabrya, 450054 Ufa, Russian Federation. E-mail: faia7@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9778-5243

YAGAFAROVA, Gulnaz Nurfaezovna, Doctor of Philology, Chief Researcher, Department of Linguistics, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 71, Prospekt Oktyabrya, 450054 Ufa, Russian Federation. E-mail: rishrinat@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4363-2940

Введение

Одними из приоритетных задач, стоящих на современном этапе развития любого общества, являются сохранение языка, передача лексического богатства родного языка от предыдущего поколения к последующему как самой большой ценности народа. Следовательно, язык требует бережного к себе отношения, нуждается в защите от отрицательных тенденций в виде неоправданных заимствований, несоблюдения орфоэпических норм, жаргонизаций и т. д. Носитель языка «обязан знать и беречь язык своего этноса, уметь на нем думать, читать, писать, свободно говорить, заботиться о его чистоте и в общении с представителями своей культуры не использовать в родной речи слова и фразы из другого языка» (Рахматуллина, 2004: 65).

Для российского полиэтничного общества, межнациональным языком общения которого выступает русский язык, характерен национально-русский билингвизм.

Проблема билингвизма, языковой ситуации в российских регионах рассмотрена во многих научных работах отечественных ученых (Каплунова, 2022; Атаев, Ибрагимова, 2022; и др.). В тувинской лингвистике также уделяется особое внимание данному вопросу. Лингвистами анализируется современное состояние языкового образования как билингвального в системе школьного образования Тувы (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021), функционирование тувинского языка в Туве, его сохранность, уровень языковой компетенции тувинцев, языковая преемственность (Серрээдар, 2018). Данная проблема характерна и для башкирского языка. В результате тесного и длительного контактирования двух народов — башкирского и русского — в башкирскую живую речь активно проникают иноязычные слова, относящиеся к неассимилированной лексике и имеющие лексические эквиваленты на родном языке. При этом все чаще наблюдается вытеснение исконных слов иноязычными словами. Как отмечает В. В. Кулундарий, «переключение языков имеет под собой реальные психолингвистические, социолингвистические и даже универсальные основания»¹.

Проблема неоправданного включения в речь иноязычных слов, то есть кодовых переключений, являющейся актуальной для всех национальных языков, нуждается в научном описании и многостороннем анализе на обширном языковом материале.

В живом общении башкир используются не только слова, относящиеся к самостоятельным частям речи другого языка, но и слова, являющиеся своеобразным «строительным материалом» в организации речи, либо придающие ей эмоционально-экспрессивную окраску — дискурсивы.

Материалом для нашего исследования выступили диалектные дискурсивы, записанные в ходе проведенных экспедиций по сельским населенным пунктам Республики Башкортостан в 2023 г., и данные, представленные в текстологической базе диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка².

В качестве основной формы записи данных от информанта был выбран монолог. Информантам предлагались темы, которые охватывают практически все стороны жизни сельского населения³ (семья, работа, учеба, постройки, хозяйство, жизнь села, дорога, погода, животный и растительный мир и др.) и позволяют выявить диалектную лексику и специфику местных говоров.

По нашим наблюдениям, в каждом устном дискурсе присутствуют примеры употребления кодовых переключений, представленные словами, словосочетаниями, предложениями, а также морфемами. Одним из таких наиболее часто встречающимся примером кодовых переключений в живой речи башкир является дискурсив *ну* общеславянского происхождения, вошедший через русский язык. Исследуемый дискурсив и в русском языке является самым частотным, что подтверждается данными

¹ Кулундарий В. В. Переключение языковых кодов на материале тувинского и русского языков, или тувинорусский код-микс (TUVRUSSIAN) // Инновационные технологии в профессиональном образовании: от компетентностной к культуротворческой парадигме: материалы Всероссийской молодежной конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 48.

² Машинный фонд башкирского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Машинный фонд башкирского языка. URL: <http://mfb12.ru/> (дата обращения: 11.03.2023).

³ Бускунбаева Л. А. Принципы сбора полевых материалов для диалектного корпуса башкирского языка // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы: материалы II Международной научной конференции. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2019. С. 3–6.

из «Частотного словаря современного русского языка»¹. Он входит в сто самых употребительных слов, занимая 83 место.

Основным методом исследования является сплошная выборка расшифрованных текстов, в которых содержится дискурсив *ну*. Было отобрано 250 диалектных монологических дискурсов, где был выявлен исследуемый дискурсив. Общее количество употреблений данного дискурсива в анализируемом материале — 503, т. е. в среднем на каждый устный дискурс приходится по два дискурсива *ну* (2,01 дискурсива *ну* на один дискурс).

Для анализа дискурсива был использован также контекстный анализ, поскольку именно в контексте раскрываются основные оттенки дискурсива *ну*.

При транскрибировании диалектного материала в программе аннотации аудиозаписей ELAN кодовые переключения для их разграничения от исконно башкирских слов и заимствований с обеих сторон выделялись символом октогорп (#)², что существенно упростило и ускорило поиск нужных для исследования языковых единиц.

Дискурсивы как структурный компонент устного башкирского дискурса

В языке имеется класс вспомогательных единиц коммуникации, осуществляющий в потоке речи функции организационного и регулятивного характера. Несмотря на большое количество исследований как в отечественной, так и в зарубежной литературе, такие речевые единицы в лингвистической науке до сих пор не получили своей четкой и однозначной трактовки. Раньше ученые рассматривали их как слова-паразиты, не несущие никакой информации, засоряющие устную речь (Виноградов, 1947: 744; Щерба, 1957: 269; Зайнуллина, 2002: 201), и объясняли их появление в речи низкой речевой культурой говорящего³.

В свете новых исследований, основанных на репрезентативном корпусном материале, в том числе и на материале устной речи, отношение к таким речевым единицам существенно изменилось. Как отмечает В. А. Плунгян, «в языке все функционально, все для чего-то нужно. Если бы какой-то элемент языка ни для чего не был нужен, вряд ли бы он существовал»⁴. Такие речевые единицы в исследованиях лингвистов уже рассматриваются не как что-то лишнее в процессе речепроизводства, а как вспомогательный, но в то же время необходимый инструмент для построения дискурса, его реализации и восприятия (Викторова, 2014: 18; Дискурсивные слова ..., 2003: 3; и др.⁵). В отечественной лингвистике функционируют многочисленные термины для обозначения таких слов и конструкций. Они рассматриваются как дискурсивы (Викторова, 2015; Дыбо, Куканова, Егорова, 2019), дискурсивные слова (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993), дискурсивные маркеры (Смирнова, 2015; Блюднева, 2019; и др.⁶), прагматические маркеры (Горло, 2013), прагматемы (Богданова-Бегларян, 2014), дискурсивные частицы (Иванов, 2018) и т. д.

В данном исследовании будет использован термин *дискурсив* для обозначения таких вспомогательных коммуникативных единиц.

¹ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.

² Символ переключения языковых кодов (с башкирского на русский язык).

³ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.; Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. Т. 2.

⁴ Плунгян В. А. «Ну» — одно из древнейших индоевропейских слов» [Электронный ресурс] // Постнаука, 2014. URL: <https://postnauka.ru/talks/27774> (дата обращения: 14.02.2023).

⁵ Кибрик А. А., Подлеская В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] // DIALOG2009: международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям, 2009. URL: <http://dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (дата обращения: 03.04.2023).

⁶ Пазельская А. Г. Дискурсивный маркер или средство синтаксической связи: частица *та* в чувашском и татарском языках [Электронный ресурс] // DIALOG2002: международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. 2002. <http://dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/pazelskaya/> (дата обращения: 14.02.2023).

Дискурсивы выполняют в речи факультативные функции, поскольку не влияют радикально на общий смысл и структуру предложения. Однако они «самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего, позицию говорящего: то, как говорящий интерпретирует факты, о которых он сообщает слушающему, как он оценивает их с точки зрения важности, правдоподобности, вероятности, и т. п.» (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993: 7). Их отсутствие в речи делает речь не только неестественной, но и «оказывает влияние на развертывание высказывания и его интерпретацию»¹.

Ученые едины во мнении, что дискурсивы обладают транскатегориальным характером (Викторова, 2015: 56; Блюднева, 2019: 298). Они полифункциональны, следовательно, рассматривать их только как частицы либо междометия — значит сузить их широкий спектр значений и выполняемых функций в устной речи. В состав дискурсивов также могут входить и десемантизированные слова, «частично утратившие связь с денотатом и помогающие лучшей ориентации в дискурсе»².

В башкирском языке структура дискурсивов с точки зрения частеречной принадлежности достаточно разнообразна. В качестве дискурсивов могут выступать междометия: *ай, ой, уф, ух, абау* (выражают испуг, отвращение), местоимения (вопросительные, указательные): *ни* 'что; это самое', *шул* 'тот; всё', вводно-модальные слова и конструкции: *'huc шикhez* 'несомненно', *албиттә* 'конечно', частицы: *бит* 'ведь', *ук / үк* 'в достаточной степени, изрядно, довольно-таки', десемантизированные наречия и прилагательные: *шәп* 'круто', *ысын* 'на самом деле, действительно', десемантизированные существительные: *шайтан* 'чёрт, бес' (при выражении сильной досады либо, наоборот, восхищения), десемантизированные глаголы: *белмәйем* 'едва ли, может быть, ой ли' букв. 'не знаю', *кара* 'смотри, смотри-ка' (при выражении удивления, восхищения; предупреждения) и т. д.

Дискурсивы в речи могут быть представлены как отдельными словами, так и составными конструкциями: *huc һүзhez* 'безусловно', *куй инде* 'и не говори; к сожалению' букв. 'ставь уж; оставь уж' (выражает сожаление, жалость); *кут инде* 'и не говори; да брось' букв. 'уходи уж' (выражает возражение), *кут әле* 'да ну, неужели' букв. 'уходи-ка' (выражает удивление) и т. д.

В составе предложения дискурсивы характеризуются синтаксической автономностью (Schiffirin, 1987: 31; Смирнова, 2015: 181), выполняя не синтаксическую, а прагматическую функцию.

С точки зрения происхождения дискурсивы в башкирском языке можно разделить на исконные и заимствованные. В языке преобладают дискурсивы, представляющие собой исконно башкирские слова. В то же время большой пласт дискурсивов является ранними заимствованиями из арабского и персидского языков: *бәрәкәлла* 'ба, славно' (выражает одобрение, восхищение и похвалу); *бәрәкәт* 'ба' (выражает удивление) и т. д.; *ихтимал* 'возможно'; *дөрөс* 'верно; правда'. Выявлено и заимствование из русского языка *бит* 'ведь', являющееся одним из высокочастотных слов, как в башкирском письменном языке, так и в устной речи. Слово адаптировалось к фонологической структуре башкирского языка и воспринимается носителями языка как исконный. Наряду с общепринятыми словами, в устной речи башкир функционируют и окказиональные заимствования, имеющие эквиваленты и соответствия в башкирском языке. Анализируемый диалектный материал показал, что они представлены единицами русского языка: *вот, так, конечно, значит*. Одним из наиболее употребительных дискурсивов русского языка в башкирской устной речи выступает дискурсив *ну*.

Дискурсив-заимствование «ну»

В спонтанной речи башкир наряду с исконными дискурсивами активно употребляются и иноязычные дискурсивы. Такие неассимилированные заимствования могут быть «мотивированы не коммуникативными потребностями, а потребностью экспрессивности, представляя собой слова, наделённые аффективной нагрузкой»³. Одним из таких в башкирском языке является дискурсив

¹ Мишиева Е. М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): дисс. ... канд. фил. наук. М., 2015. 233 с.

² Малов Е. М., Горбова Е. В. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной речи». СПб.: СПИИРАН, 2007. С. 31–37.

³ Суходоева Т. Я. Языковые контакты в условиях активного доминирования мажоритарного языка над миноритарным: на примере взаимодействия луизианского варианта французского языка с английским языком: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Ульяновск, 2006. 23 с.

русского языка *ну*, несмотря на наличие исконных функциональных эквивалентов в родном языке. Данный дискурсив настолько проник в устную речь башкир, что воспринимается носителями как исконно башкирская речевая единица, что подтверждается его частотностью употребления.

Традиционно данный дискурсив в зависимости от передаваемого значения рассматривается как частица, междометие либо союз¹. Современные исследователи относят его к классу дискурсивов (Баранов, Плунгян, Рахилина; 1993; Ерофеева, Юшкова, 2021; и др.²). В исследованиях российских ученых внимание уделяется, прежде всего, особенностям функционирования дискурсива *ну* в диалогической речи, в то время как их роль в монологической речи не до конца выявлена и описана.

Данный дискурсив, как уже было отмечено выше, обладает высокой частотностью не только в русском языке, но и активно проникает в устную речь других контактирующих народов в результате непосредственного, живого общения с русским населением и вытесняет исконные единицы. Однако нами не выявлены исследования, посвященные данной проблеме в других языках. Лишь близкой по теме работой можно назвать исследование (Дыбо, Куканова, Егорова, 2019), в которой рассматриваются этимология, функционирование и семантика частицы *же* в калмыцком языке на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов.

Исследуемый *ну* зафиксирован в «Академическом словаре башкирского языка»³, где рассматривается как частица русского происхождения. В словаре выделено два его значения:

1. Употребляется при побуждении собеседника к ответу. Соответствует башкирскому *йә*;
2. Употребляется при выражении удивления, восхищения, беспокойства либо сожаления. Соответствует башкирскому *эй*.

Авторы статьи придерживаются мнения, что данный дискурсив в башкирском языке является окказиональным заимствованием, несмотря на его включение в «Академический словарь башкирского языка», поскольку в башкирском языке достаточно языковых средств для передачи соответствующих значений. Основной сферой употребления является устная речь, где у данного дискурсива довольно широкий спектр прагматических функций. В то же время в академическом словаре не были учтены все значения данной речевой единицы.

Дискурсив *ну* в процессе коммуникации может осуществлять как регулятивную функцию, так и организующую. Выполняя регулятивную функцию, исследуемый *ну* в спонтанной речи башкир позволяет информанту сфокусировать внимание реципиента на наиболее важной и информативной составляющей, коммуникативно и акцентуально выделяя ее; придать речи экспрессивности, эмоциональности, оценочности. Выступая в речи дискурсивом-организатором, выполняет связующую функцию.

Регулятивные функции дискурсива «ну»

Дискурсив-акцентив. Анализируемый материал показал, что зафиксированный в устных дискурсах дискурсив *ну* может употребляться в функции акцентива.

В спонтанной речи информант использует исследуемый *ну* для акцентирования, выделения последующих слов, которые с его точки зрения являются наиболее информативными в сообщении. Несмотря на выполнение в речи функции подчеркивания и акцентирования, дискурсив *ну* в спонтанной речи произносится безударно, а последующее за ним слово получает логическое ударение и выделяется повышением либо понижением тона голоса:

— *кыр өйрәктәре гилә //⁴ #ну# уларзы күргән бар инде // лит. кыр өйрәктәре килә // бына уларзы күргән бар инде // ‘прилетают дикие утки // ну их я видела //’*;

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 960 с.; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. [Электронный ресурс] // Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dal.slovaronline.com/> (дата обращения: 5.03.2023).

² Феденко П. В. Опыт контекстно-семантического описания дискурсивного маркера *ну* [Электронный ресурс] // DIALOG2002: международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. 2002. URL: <https://dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/fedenko/> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Академический словарь башкирского языка : в 10 т. / под. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2014. Т. VI: Л–Ө. С. 588–589.

⁴// — знак сегментирования повествовательного высказывания; / — знак сегментирования синтагмы.

— #ну# гөлийемеште аны бәләкәйзән жыйзыҕ инде // лит. **бына** гөлийемеште уны бәләкәйзән йыйзык инде ‘ну шиповник мы собирали с детства’;

— #ну# каймаҕ гел +булдинде¹ // лит. **бына** каймак гел булды инде // ‘ну сметана всегда была //’.

В анализируемом речевом материале зафиксирован также сложный дискурсивный комплекс, состоящий из двух дискурсивов ну и вот:

— #ну# #вот# күренеп тора #што# Учалы районында / ундый нейзэр / традицийалар #сахранятса# итмэгэн // лит. **бына** бит күренеп тора / Учалы районында / ундай низэр / традициялар һакланмаҕан // ‘вот сразу видно / что такие традиции в Учалинском районе не сохранились //’.

В данных примерах дискурсив ну соответствует башкирскому указательному местоимению *бына* ‘вот’.

Усилительный дискурсив. Информант в процессе речевого производства часто выражает определенную эмоцию (положительную или отрицательную) по отношению к сообщаемому им факту действительности. Дискурсив ну позволяет дополнительно усилить значение последующего слова и акцентировать внимание реципиента на нем. Сам дискурсив произносится безударно. Следующее за дискурсивом ну слово получает эмфатическое ударение, которое, усиливая эмоциональную составляющую слова, выводит его на центральную позицию в высказывании. Все другие слова произносятся относительно безударно.

Как показывает анализируемый материал, с помощью дискурсива ну и эмфатического ударения информант способен передать широкий спектр эмоций:

— **восхищение, восторг:**

— #ну# йаз айы беззэ матур // лит. **их** яз айы беззэ матур // ‘ну весной у нас красиво//’;

— #ну# киленкэй нык һэйб*эт² ине инде // лит. **эй** киленкэй нык һэйбэт ине инде // ‘ну невестка очень хорошей была //’;

— #нуу# тауы эйб*эт // #патамушты# йеләк #вис# шунда // лит. **уй** тауы һэйбэт // сөнки бар еләк шунда // ‘ну гора хороша // потому что вся земляника там //’.

Г. А. Исянгулова, исследуя междометия эмоциональной оценки, выражающие восхищение, наряду с исконными междометиями *ай, ай-һай, их, о, уй, эй, ай*, приводит и заимствованную единицу из русского языка ну (Исянгулова, 2016: 57);

— **осуждение, неодобрение:**

— [кыззар] ун йете / ун һигез йәштә кейәүгә барзылар // #ну# был малай ғына кәләш амай йөрөй // лит. [кыззар] ун ете / ун һигез йәштә кейәүгә барзылар // **эй** был малай ғына кәләш алмай йөрөй // ‘[дочки] вышли замуж в семнадцать / восемнадцать лет // ну этот сын только никак не женится’;

— #ну# уйзап та б*ирмәй киләсәген // лит. **ай-һай** уйлап та бирмәй киләсәген // ‘ну и не думает о будущем //’.

В башкирском языке оттенок осуждения, необходимости и упрека придают междометия *ай-һай, эй*.

— **сомнение, недоверие:**

— #ну# барзыр за инде ул / без аны хәзер белмәйб*ез зә инде ул // лит. **әллә** барзыр за инде ул / без уны хәзер белмәйбез зә инде ул // ‘ну есть наверное / но мы сейчас и не знаем’;

— өй баштанык // #ну# йылдарын бер зә иштәй алмайым // лит. өй башланык // **әллә** йылдарын бер зә исләй алмайым // ‘начали строить дом // ну годы постройки не могу вспомнить’;

— ну шулай микән // әйтмайым // лит. **ай-һай** шулаймы икән // әйтә алмайым // ‘ну так ли это // сказать не могу //’.

В башкирском языке маркерами сомнения, недоверия обычно выступают междометие *ай-һай* и неопределенная частица *әллә* ‘разве; то ли, или’;

¹ + — элизия.

² Билабиальный вариант согласной [б].

— **сожаление, жалость:**

— #ну# хэзер минең халдэн гимэй инде // арзы бирзе бэпкэ гөтөшэм инде // лит. **хай** хэзер минең халдэн килмэй инде // ары-бире бэпкэ көтөшэм инде // ‘ну сейчас мне внемоготу это // иногда присматриваю за гусятами //’;

— #ну# ыза күрзеләр инде балдарым // лит. **эй** ыза күрзеләр инде балаларым // ‘ну натерпелись же мои дети //’;

— #ну# килендэн уңманык // лит. **куй инде** / килендэн уңманык // ‘ну не повезло нам с невесткой //’.

В башкирском языке в качестве дискурсивов, выражающих оттенки сожаления и жалости, используются междометия *ах, ай, уф, хай, эй*. Нередки случаи употребления дискурсивных конструкций со следующими структурами *куй инде* букв. ‘ставь уж’ соотв. ‘и не говори; к сожалению’ (десемантизированный глагол *куйырға* ‘ставить, оставить что’ в императивной форме единственного числа + частица *инде* ‘уж’) либо *йә инде* (междометие, выражающее досаду *йә* + частица *инде* ‘уж’).

— **неприязнь, отвращение:** [комокалар] #ну# йаман #неприятны# була торғайны // лит. [комокалар] **фу** бик ерәнес була торғайны // ‘[пескари] ну очень неприятные были //’.

В башкирском языке неприязненное отношение к сообщаемому придают следующие междометия: *фу, аһ, эй, һэй*.

— **удивление.** В спонтанной речи данный дискурсив в сочетании с местоименными словами (*нимә* ‘что’, *ниндәй* ‘какой’, *нисек* ‘как’ и т. д.) либо наречиями, усиливая их значение, может выражать удивление, заменяя частицу *бына* ‘вот’:

— #ну# миңә нимәһе ғызык булды / олатайым был таузың исемен белмәйем тей инде // лит. **эй** миңә нимәһе кызык булды / олатайым был таузың исемен белмәйем ти инде // ‘ну что для меня было удивительно / дедушка сказал / что не знает / как называется эта гора //’;

— *нунисек улай килеп сыктикән?* лит. **ай-бай** / *нисек улай килеп сыкты икән?* ‘ну как так получилось?’.

В качестве функциональных эквивалентов дискурсива *ну*, придающего речи оттенок удивления, в башкирском языке выступают междометия *эй, ай-бай, ай-хай, аһа, бэй, ух*, частицы подтверждения с оттенками удивления *дабаһа / забәһа* (Грамматика современного ..., 1981: 329).

— **выражение интенсивности, сильной и высокой степени признака.** В сочетании с наречиями, усиливая их значение, заменяет в спонтанной речи *бик, нык* ‘очень; в сильной либо высшей степени’:

— *беззә йел нык көстө* / #ну# *нык көстө* // лит. *беззә ел нык көслө* / **бик** *нык көслө* // ‘у нас очень сильные порывы ветра / ну очень сильные //’;

— [олатайым] *әкейттәрен / көләмәстәрен # ну # кызығ итеп һөйзәй торғайн у шу хәтте* // лит. [олатайым] *әкиәттәрен / көләмәстәрен бигерәк кызык итеп һөйләй торғайны ул шул тиклем* // ‘[мой дедушка] ну интересно рассказывал сказки / анекдоты //’.

Организационные функции дискурсива «ну»

Дискурсив-организатор. Данный тип дискурсивов обеспечивает содержательную цельность и структурную связность, являющихся типологическими признаками любого дискурса. Дискурсивы могут быть направлены на организацию дискурса, обеспечивая последовательность и очередность изложения¹.

Как показывает анализируемый материал, исследуемый *ну* в определенной степени также может выполнять функцию дискурсива-организатора, выступая в качестве маркера начала и окончания смыслового фрагмента либо смены темы.

Основной задачей исследователей была запись спонтанной, заранее неподготовленной речи, следовательно, тема беседы информанту сообщалась непосредственно перед записью. В такой ситуации у информанта нет времени на планирование высказывания, поскольку процесс формирования мысли происходит одновременно с процессом речепроизводства, что неизбежно ведет к возникновению

¹Борисова В. А. Семантико-прагматические аспекты категории вводности: дисс. ... канд. фил. наук. Тверь, 2020. 172 с.

непреднамеренных пауз, ошибок при выборе лексических или грамматических средств, употреблению оговорок и повторов, хезитативных и дискурсивных слов (Бускунбаева, 2021: 176).

При записи на заданную тему информант вначале собирается с мыслями и продумывает ответ. В последующем преимущественно начинает разговор именно с дискурсива *ну* (в большинстве случаев наблюдается удлинение гласного звука *у: нуу*), выступающего одновременно и маркером ввода, и хезитативом с функцией поиска.

Например:

— #нуу# / безең бер бөртөк көнө малайыбыз бар инде // лит. **ни** / безең бер бөртөк кенә малайыбыз бар инде // ‘нуу у нас есть один единственный сын //’;

— #нуу# / безең [ауыл] йылға б*уйында буғас / кышын һыуык була // лит. **ни** / безең [ауыл] йылға буйында буғас / кышын һыуык була // ‘ну поскольку наша [деревня] расположена на берегу реки / зимой бывает холодно //’.

В монологической речи исследуемый дискурсив часто маркирует завершение или подтверждение мысли, смену темы беседы:

— йәшел сыуған / салаттар / бөтә үзе үстерә торғаные инәйем // үзе генә бу*лса ла / иптәше үлеп китсә лә / бик шәп + бу*лдинәйем // #ну# // лит. йәшел һуған / салаттар / бөтә үзе үстерә торғайны инәйем // үзе генә булһа ла / иптәше үлеп китһә лә / бик шәп булды инәйем // **шул** // ‘зеленый лук / салаты / всё сама выращивала моя тетя // несмотря на то / что одна / муж умер / на все успевала // ну //’;

— анда русса һөйләшәләр / #детсадта# / баллар йортонда инде / #ну# // малай #Нижний Новгородта# эшләб* йөрөй // лит. унда русса һөйләшәләр / балалар баксаһында / балалар йортонда¹ инде / **шул** // малай Түбәнге Новгородта эшләп йөрөй // ‘там разговаривают по-русски / в детском саду / в детском доме / ну // сын работает в Нижнем Новгороде //’.

В данных примерах дискурсив русского языка *ну* соответствует указательному местоимению *шул* ‘тот’, выступающему в потоке речи в качестве дискурсива, указывающего на завершение беседы или смену темы.

В качестве маркера окончания смыслового фрагмента в речи информантов также встречается сложный дискурсивный комплекс *ну и всё*:

— эсәйем көн һайын инде төрлө аштар бешерә // төрлө картуф анда / #рашки# / рис анда // #ну и всё# // лит. эсәйем көн һайын инде төрлө аштар бешерә // төрлө картуф унда / тукмас / рис унда // **бына шулай** // ‘моя мама каждый день готовит разнообразные блюда // с картофелем там / рожки / рис там // ну и всё //’.

При маркировании начала смыслового фрагмента наблюдается восходящая интонация на дискурсиве *ну* и пролонгирование гласного с постепенным повышением тона, после которого делается небольшая пауза. При завершении либо смены фрагмента, наоборот, отмечается нисходящая интонация с резким понижением тона.

Маркер хезитации. В башкирском языке во избежание заминки или обрыва текущего фрагмента речи, помогающего заполнить возникшие во время речепроизводства паузы, употребляется вопросительное местоимение *ни* (Бускунбаева, 2021: 177). Дискурсив *ну* в спонтанной речи также может выполнять роль хезитатива для заполнения образовавшихся в процессе речепроизводства непреднамеренных пауз при возникшей проблеме у говорящего выбора нужной речевой единицы или продолжения высказывания. Часто сопровождается либо с последующим вербальным хезитативом *ни* (в разговорной речи форма *ней*) ‘это самое’, либо хезитативными паузами (абсолютными или заполненными):

— нуу (ы-ы) ней инде / бик озак көтөргә туры гилә // лит. **ни** инде / бик озак көтөргә тура килә // ‘нуу (ы-ы) это самое / приходится ждать очень долго //’;

¹ В данном примере информант некорректно исправил кодовое переключение детсад на *балалар йорто* ‘детский дом’ в м. *балалар баксаһы*.

— #нуу# / туй матур үтте инде ул // лит. **ни** / туй матур үтте инде ул // ‘ну / свадьба прошла хорошо //’; *эб*ейемдэр алп кайттылар козаларзы // нуу (ту) ней / туйзың тәртиб*е б*уйынса инде // ‘семья тети забрала сватов на ночевку // нуу (сва) это самое / по установленным правилам (по этикету) свадьбы’.*

Употребляясь в спонтанной речи, он предоставляют время информанту подобрать корректную для данного контекста речевую единицу либо сформулировать следующий фрагмент речи.

Е. В. Ерофеева и С. Е. Юшкова в своей исследовательской работе также указывают на возможность функционирования дискурсива *ну* в качестве заполнения пауз хезитации в проблемных участках речевого производства (Ерофеева, Юшкова, 2021: 17).

Маркер самокоррекции. Анализируемый материал показал, что исследуемый дискурсив может также употребляться и при самокоррекции. В процессе речевого производства информант по той или иной причине решает, что определенный фрагмент порожденного им высказывания не соответствует тому, что он намеревался произнести либо хочет уточнить, конкретизировать уже произнесенное им. В этом случае он прибегает к самокоррекции — незамедлительно реагирует на ошибку и в последующем исправляет неверный элемент корректным с помощью замены. В представленном ниже примере самокоррекции предшествует дискурсив *ну*, способствующий введению исправленного фрагмента в дискурс:

— *аш ашатырға / #ну# / бешереп ашатырға йаратам инде ғәйләмә // лит. аш ашатырға / **ни** / бешереп ашатырға яратам инде ғәйләмә // ‘мне нравится кормить семью супом / ну / готовить и кормить //’.*

Маркер противопоставления. В проанализированном материале выявлены примеры, в которых *ну*, будучи созвучным с противительным союзом *но*, в силу особенностей слоговой структуры башкирского слова не позволяющего ему оканчиваться на огубленный среднего подъема гласный [о], в действительности является используемым только в устной речи иноязычным союзом *но*:

— *ишеткәнем бар / #ну# күргәнем йук үзем // лит. ишеткәнем бар / ә күргәнем юк үзем // слышала / ну никогда не видела сама // (речь идет о волке);*

— *шу вағырак йәндектәр бар / #ну# әресе йук // лит. шул вағырак йәндектәр бар / ә әресе юк // ‘вот более мелкие дикие животные есть / ну крупных нет //’.*

Дискурсив «ну» в художественных и фольклорных произведениях

Помимо устной речи, наличие дискурсива *ну* также было проанализировано в языковом материале, размещенном в лингвистических корпусах башкирского языка¹ с целью выявления частотности и стилистических функций. Данный дискурсив встречается как в текстах прозы, так и фольклора.

В корпусе прозы зафиксировано всего 1564 употребления исследуемого дискурсива, в корпусе фольклора — 10. Во всех зафиксированных примерах он используется исключительно при передаче речевой партии персонажей, придавая их речи эмоциональность, живость и естественность.

Большое количество дискурсива в прозаических текстах объясняется особенностями их композиционно-речевой структуры, включающей преимущественно авторское слово (повествование), прямую и косвенную речь (речь персонажа / персонажей). Речь персонажей в прозе максимально приближена к нормам разговорной речи для реалистичной передачи образа, следовательно, в ней широко используются характерные для разговорного стиля языковые средства, в том числе и регулятивные средства организации речи, обеспечивая ее связность. Дискурсив *ну* в прозаических произведениях позволяет передать различные смысловые оттенки либо эмоциональные реакции на действительность: *Был хәбарзе ишеткәс, бригада егеттәре уратып алды. — Ну, Йәмил, даның таралды былай булғас.* Б. Ноғоманов. ‘Услышав эту новость, парни из бригады окружили его. — Ну, Ямил, раз уж так, стал ты знаменитым’².

В корпусе фольклора зафиксировано всего 10 употреблений дискурсива (на 855 876 словоупотреблений), который преимущественно встречается в диалогах для передачи речи русского персонажа:

¹ Машинный фонд башкирского языка. Главная страница [Электронный ресурс] // Машинный фонд башкирского языка. URL: <http://mfbl2.ru> (дата обращения: 20.03.2023).

² Здесь и далее перевод авторов статьи.

Лукашканың әсәһе: «Ну, Хажи, мин захварал, бжалуйста мине кара», — тигә[н]. ‘Мать Лукашки сказала: «Ну, Хажи, я захворала, пожалуйста, осмотри меня»’. Дастан «Тулле Мамбет». Материалы фольклорных текстов свидетельствуют о том, что этот дискурсив, по нашему мнению, получил широкое распространение в башкирском языке относительно недавно.

Заклучение

Как показал анализируемый диалектный материал, дискурсив русского языка ну активно функционирует в живой речи башкир, несмотря на то, что в башкирском языке есть соответствующие данному дискурсиву слова. В потоке речи он способен заменить как междометия (*ай, аһа, эй, эй* и т. д.), местоимения (*бына* ‘вот’, *ни* ‘что’), частицы (*аллә* ‘разве; то ли, или’, *бик* ‘очень’ и т. д.), так и вводные слова и конструкции (*куй инде* ‘и не говори; к сожалению’, *йә инде* ‘вот тебе и на, вот тебе раз’) и т. д.

Опираясь на репрезентативный материал лингвистических корпусов по башкирскому языку, можно прийти к выводу, что данный дискурсив проник в речь башкир сравнительно недавно, поскольку частотность его употребления в произведениях устного народного творчества, содержащих древнейший пласт лексики, очень низкая. В корпусе прозы, включающего произведения начиная с 1917 г., наоборот, наблюдается частое употребление дискурсива ну, что свидетельствует о проникновении дискурсива через устную речь в литературный язык.

В последнее время проблемам устной речи как первичной и естественной формы языкового общения в лингвистике уделяется значительно больше внимания. Выявляются вспомогательные коммуникативные единицы, в том числе и иноязычные вкрапления, ранее остававшиеся в стороне от изучения, исследуются их функциональные особенности, что способствует пониманию механизмов образования грамотной речи и повышению культуры речевого общения.

Полученные данные и выводы в представленной работе могут стать основой для последующих исследований в данной области, поскольку проблема кодовых переключений, окказиональных заимствований является актуальной в условиях национально-русского билингвизма не только для башкирского, но и для отечественного языкознания в целом. Разработка лингвистических корпусов, в том числе и на материале устной речи, дает возможность исследовать данную проблему на обширном иллюстративном материале. Например, репрезентативный электронный корпус тувинского языка¹ позволяет обратить внимание на неисследованные либо спорные вопросы тувинского языка, в том числе и на проблему кодовых переключений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Атаев, Б. М., Ибрагимова, М. О. (2022) Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 106–113. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Баранов, А. Н., Плунгян, В. А., Рахилина, Е. В. (1993) Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры. 207 с.

Блюднева, А. А. (2019) Дискурсивный маркер *you know* и его функциональный перевод на русский язык при субтитровании и дубляже художественных фильмов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 19. Вып. 3. С. 298–304. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-298-304>

Богданова-Бегларян, Н. В. (2014) Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27). С. 7–20.

Бускунбаева, Л. А. (2021) Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // Oriental Studies. Т. 14. № 1. С. 172–185. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185>

¹ О проекте [Электронный ресурс] // Электронный корпус тувинского языка. URL: <https://tuvancorpus.ru/?q=content/o-proekte> (дата обращения: 20.03.2023).

Викторова, Е. Ю. (2014) Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // *Филология и человек*. № 4. С. 15–26.

Викторова, Е. Ю. (2015) Дискурсивы, специфические для устной научной речи (на материале лекций) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. № 4. С. 55–65.

Виноградов, В. В. (1947) *Русский язык: грамматическое учение о слове*. М. ; Л. : Учпедгиз. 784 с.

Горло, Е. А. (2013) К вопросу о лексических прагматических маркерах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 7–2 (25). С. 75–78.

Грамматика современного башкирского литературного языка (1981) / отв. ред. А. А. Юлдашев. М. : Наука. 495 с.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство (2003) / сост. К. Кисилева, Д. Пайар. М. : Азбуковник. 207 с.

Дыбо, А. В., Куканова, В. В., Егорова, Н. Г. (2019) Частица же в калмыцком языке: этимология, функционирование и семантика (на материале Национального корпуса калмыцкого языка и по данным информантов) // *Oriental Studies*. Т. 12. № 6. С. 1176–1188. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>

Ерофеева, Е. В., Юшкова, С. Е. (2021) Дискурсивные слова в устной спонтанной речи: социальное, индивидуальное и тематическое варьирование // *Социо- и психолингвистические исследования*. Вып. 9. С. 15–26.

Зайнулина, Г. Д. (2002) *Русско-башкирский терминологический словарь по языкознанию*. Уфа : БГУ. 280 с.

Иванов, В. Д. (2018) Критерии разграничения немецких модальных и дискурсивных частиц в отечественной и зарубежной лингвистике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 3 (81). Ч. 2. С. 328–332.

Исянгулова, Г. А. (2016) Междометия, выражающие восхищение в современном башкирском языке // *Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки*. № 4 (31). С. 55–60.

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Рахматуллина, З. Я. (2004) *Этикет как ценность культуры*. Уфа : Гилем. 240 с.

Серээдар, Н. Ч. (2018) Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Смирнова, В. В. (2015) Дискурсивные маркеры как отражение лингвокультурных традиций русского и английского языков // *Инновационная наука*. № 12–2. С. 181–184.

Щербя, Л. В. (1957) *Избранные работы по русскому языку*. М. : Учпедгиз. 188 с.

Schiffrin, D. (1987) *Discourse markers*. Cambridge : Cambridge University Press. x, 364 p.

Дата поступления: 24.03.2023 г.

Дата принятия: 20.04.2023 г.

REFERENCES

Arefiev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021) Bilingualism in language education in secondary schools of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Ataev, B. M. and Ibragimova, M. O. (2022) Spetsifika iazykovoï situatsii v mnogoiazychnom areale (na primere Rutul'skogo raiona Respubliki Dagestan) [Features of the linguistic situation in a multilingual area (the case of Rutul'sky District of the Republic of Dagestan)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 106–113 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.8>

Baranov, A. N., Plungian, V. A. and Rakhilina, E. V. (1993) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo iazyka [Guide to discursive words of the Russian language]*. Moscow, Pomovskii i partnery. 207 p. (In Russ.).

Bliudneva, A. A. (2019) Diskursivnyi marker you know i ego funktsional'nyi perevod na russkii iazyk pri subtitrovanii i dubliazhe khudozhestvennykh fil'mov [Discourse marker 'you know' and functional approach to its translation into Russian in film subtitling and dubbing]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filologiya. Zhurnalistika*, vol. 19, issue 3, pp. 298–304. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-3-298-304>

Bogdanova-Beglarian, N. V. (2014) Pragmatemy v ustnoi povsednevnoi rechi: opredelenie poniatiia i obshchaia tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, issue 3 (27), pp. 7–20. (In Russ.).

Buskunbaeva, L. A. (2021) Funktsionirovanie verbal'nogo khezitativa ni / nei 'eto samoe' v ustnoi monologicheskoi rechi bashkir (na materiale dialektnykh tekstov bashkirskogo iazyka) [Functioning of the verbal hesitation marker ni / nei 'whatchamacallit' in oral monologues of Bashkirs: A case study of Bashkir dialectal texts]. *Oriental Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 172–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185>

Viktorova, E. Yu. (2014) Diskursivnye slova raznogo tipa v ustnoi i pis'mennoi nauchnoi rechi [Discursive words of different types in oral and written scientific speech]. *Filologiya i chelovek*, no. 4, pp. 15–26. (In Russ.).

Viktorova, E. Yu. (2015) Diskursivy, spetsificheskie dlia ustnoi nauchnoi rechi (na materiale lektzii) [Discourse markers specific for spoken academic speech (based on texts of lectures)]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, no. 4 (36), pp. 55–65. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1947) *Russkii iazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: Grammatical teaching about the word]. Moscow ; Leningrad, Uchpedgiz. 784 p. (In Russ.).

Gorlo, E. A. (2013) K voprosu o leksicheskikh pragmaticheskikh markerakh [On question of lexical pragmatic markers]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7–2 (25), pp. 75–78. (In Russ.).

Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo iazyka [Grammar of the modern Bashkir literary language] (1981) / ed. by A. A. Yuldashev. Moscow, Nauka. 495 p. (In Russ.).

Diskursivnye slova russkogo iazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo [Discursive words of the Russian language: Contextual variation and semantic unity] (2003) / comp. by K. Kisileva and D. Païar. Moscow, Azbukovnik. 207 p. (In Russ.).

Dybo, A. V., Kukanova, V. V. and Egorova, N. G. (2019) Chastitsa же v kalmytskom iazyke: etimologiya, funktsionirovanie i semantika (na materiale Natsional'nogo korpusa kalmytskogo iazyka i po dannym informantov) [Kalmyk particle 'же': Etymology, functioning and semantics (a case study of Kalmyk national corpus and informant discourse)]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 6, pp. 1176–1188. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1176-1188>

Erofeeva, E. V. And Yushkova, S. E. (2021) Diskursivnye slova v ustnoi spontannoi rechi: sotsial'noe, individual'noe i tematicheskoe var'irovanie [Discursive words in oral spontaneous speech: Social, individual and thematic variation]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniia*, issue 9, pp. 15–26. (In Russ.).

Zainullina, G. D. (2002) *Russko-bashkirskii terminologicheskii slovar' po iazykoznaniiu* [Russian-Bashkir terminological dictionary of linguistics]. Ufa, Bashkir State University. 280 p. (In Russ.).

Ivanov, V. D. (2018) Kriterii razgranicheniia nemetskikh modal'nykh i diskursivnykh chastits v otechestvennoi i zarubezhnoi lingvistike [Criteria for distinguishing German modal and discourse particles in Russian and foreign linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (81), part 2, pp. 328–332. (In Russ.).

Isyngulova, G. A. (2016) Mezhdometiia, vyrazhaiushchie voskhishchenie v sovremennom bashkirskom iazyke [The interjections expressing admiration in modern Bashkir language]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*, no. 4 (31), pp. 55–60. (In Russ.).

Kaplunova, M. Ya. (2022) Otsenka vospriiatiia iazykovoi situatsii v Respublike Tyva mestnym naseleniem (na materiale polevogo issledovaniia 2021 g.) [Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Rahmatullina, Z. Ya. (2004) *Etiket kak tsennost' kul'tury* [Etiquette as a cultural value]. Ufa, Gilem. 240 p. (In Russ.).

Sereedar, N. Ch. (2018) Tuvinskii iazyk kak sredstvo obshcheniia tuvintsev: problemy i perspektivy [Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Smirnova, V. V. (2015) Diskursivnye markery kak otrazhenie lingvokul'turnykh traditsii russkogo i angliiskogo iazykov [Discursive markers as a reflection of the linguistic and cultural traditions of the Russian and English languages]. *Innovatsionnaia nauka*, no. 12–2, pp. 181–184. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz. 188 p.

Schiffirin, D. (1987) *Discourse markers*. Cambridge, Cambridge University Press. x, 364 p.

Submission date: 24.03.2023.

Acceptance date: 20.04.2023.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.
Редактор переводов Б. Н. Гайдин.

№ 2, 2023

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/58>

*Для иллюстрации обложки использована фотография
Валерии Папын, Новая Зеландия*

Подписано к публикации 12.06.2023 г.

Объем - 22,25 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia